

Ю.А. ЛЕБЕДЕВ

ВЕТВЛЕНИЯ СУДЬБЫ
ЖОРЖА КОВАЛЯ

ТОМ II
КНИГА I

12+

Юрий Лебедев

**Ветвления судьбы Жоржа
Ковалея. Том II. Книга I**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Лебедев Ю. А.

Ветвления судьбы Жоржа Ковалья. Том II. Книга I /
Ю. А. Лебедев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Жорж Абрамович Коваль — уникальный человек. Его жизненный путь прошел через эпицентр ключевого события XX века — создание ядерного оружия как в США, так и в СССР. За неоценимый вклад в своевременное создание советской атомной бомбы он посмертно удостоен звания Героя России. Материалами для написания книги послужили биографические статьи и книги о нем, документы российских и американских архивов, документы из его семейного архива, беседы и интервью со знавшими его людьми, а также личные впечатления автора, общавшегося с ним в течение последних 40 лет его жизни. Второе исправленное и дополненное издание.

Содержание

Глава 7. Возвращение	5
Космополитизм	6
Космополитизм, год 1948	7
Високосный год здесь ни при чём	7
Новогодняя атомная шутка Сталина	16
Экспортный вариант	19
Причины завершения командировки	22
Капризы памяти	24
Нужен консультант...	25
Раздумья и сомнения	27
Преодоление сомнений, и снова – «Гуд бай, Америка!»	31
А в это время в Москве...	36
Глава 8. Отчёт о командировке	48
Подтекст формальности отчёта	48
Находка в семейном архиве	50
Описание находки	54
Берия и Курчатов	63
Берия и Коваль	67
Глава 9. Прощание с Дельмаром	78
Поездка в колхоз	78
Увольнение	91
Снова космополит. Год 1953	105
Сталинский цугсванг «соратникам»	128
Нумизматический дивертисмент	134
От «после Сталина» до Путина	137
Глава 10. Герой романа...	145
Загадка Солженицына	145
Атомный баланс 1949 года	157
Как уйти, чтобы вернуться?	164
Эвереттическое волокно	168
Дивертисмент Иванова	169
Вермонтское интервью	175
Ремейки операции «Звонок в посольство»	183
Голда и Гарри Гурштели в диалогах с ФБР	186
Американские волокна...	190
Операция «Перебежчик-1962»	194
Рутинка «Операций «Перебежчик-1954» и «Перебежчик-1962»	200
А что об этом думал Жорж?	203
Новые эвереттические волокна операции «Звонок в посольство» (О «деле Фукса»)	207
Атомные крохотки в жизни А. И. Солженицына	211
Резюме	214

Юрий Лебедев

Ветвления судьбы Жоржа Коваля. Том II. Книга I

Глава 7. Возвращение

Прежде, чем обсуждать обстоятельства и события, относящиеся к возвращению Жоржа из «загранкомандировки» после окончания учёбы в CCNY, необходимо напомнить читателю некоторые факты из истории нашей страны конца 40-х – начала 50-х годов прошлого века.

Ещё живо то поколение наших сограждан, которые помнят свои ощущения от жизни в эти годы. Для них сказанное ниже является «проявителем памяти», но картины, которые при этом возникнут перед их мысленным взором, могут отличаться от нарисованных автором.

Нет, конкретные факты вряд ли будут оспорены – я уверен в их надёжности. Но вот их эмоциональная окраска, характер значимости, формы и интенсивность взаимодействий, вообще *esprit*¹ этой эпохи у каждого прожившего её будет свой. Это эвереттический трюизм.

А вот для тех, кто не имеет личного пионерско-комсомольского опыта, и не интересовался этой эпохой специально, выбранный мною ракурс представит одно из видений нашей ветви альтерверса с авторской позиции.

¹ *Esprit*, фр. – дух, атмосфера, смысл.

Космополитизм

По современному определению космополитизма, которое дано одним из президентов ПЕН-клуба, Джоном Растволом Соулом, космополитизм – это

*«мировоззрение и культурная установка, направленные на осмысление единства мира, универсализма».*²

Но кроме этого, общечеловеческого смысла, у термина космополитизм есть и специфическое значение, относящееся к недавней исторической эпохе нашей страны. В эту эпоху наше государство боролось с космополитизмом, понимая под ним не столько определённую «культурную установку», и даже не столько реальную политическую позицию, а некую химеру – «генетически иудейский антисоветизм».

*«Борьба с космополитизмом» – политическая кампания, проводившаяся в СССР в 1948–1953 годах, и направленная против отдельной прослойки советской интеллигенции, рассматривавшейся в качестве носительницы скептических и прозападных тенденций».*³

Очень разнородной была эта прослойка. Писатели, актёры, учёные, врачи, кадровые военные, инженеры, рабочие и служащие различных взглядов и жизненного опыта, различного происхождения и общественного положения, умные и глупые, жадные и щедрые, лысые и косматые, короче – разные! Но, как правило, в быту – «культурные люди», а «по пятому пункту анкеты» – евреи.

Было в этой прослойке и совсем небольшое, но яркое множество людей сходной с Жоржем Абрамовичем судьбы и «психологической конструкции». О мироощущении этого типа людей сын одного из них – Эммануила Моисеевича Грефа – написал так:

*«...еврейская традиция в целом его не воодушевляла как что-то внешнее и ненужное... Выяснилось, он всё знал, но его, человека мира, отпугивала не религиозность даже, а сепаратизм и, можно сказать, настойчивая сегрегация традиционного еврейства. Своим же кровным родством с древнейшим народом отец гордился и радостную открытость трагическому нашему миру, несгибаемый романтизм носил в крови».*⁴

Тема борьбы с космополитизмом в исторической литературе необъятна и необозрима, поэтому ограничусь её рассмотрением в два момента – 1948 год, когда Жорж нырнул в атмосферу этой борьбы, и 1953 год, когда он, вместе с большинством этой «отдельной прослойки», относительно благополучно вынырнул из неё.

Между этими двумя календарными датами в жизни Жоржа произошло много событий, на первый взгляд не связанных с «космополитизмом». Но для того, чтобы понять значимость узловой точки 1953 года, они должны быть представлены читателю.

² «Космополитизм», Википедия, <https://ru.wikipedia.org/wiki/Космополитизм>

³ «Борьба с космополитизмом», Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/Борьба_с_космополитизмом

⁴ Александр Греф, «Ойфн припечек» в книге «Оставайся собой. Рассказы о Моне», ООО «Новые печатные технологии», 2017 г., стр. 79.

Космополитизм, год 1948

Високосный год здесь ни при чём

Обозначенная здесь дата 1948 год – это дата перехода «борьбы с космополитизмом» из латентной в открыто антисемитскую фазу. Но, конечно, отдельные антисемитские «проколы» государственной национальной политики обнаруживаются и в период официального интернационализма середины 30-х – середины 40-х годов.

В частности, и в том ведомстве, где волею судеб оказался Жорж в 1939 году. Так, перед отъездом в Берлин в 1941 году в качестве «руководителя Бюро ТАСС» разведчик ГРУ И. Ахмедов проходил несколько инструктажей.

«Последний инструктаж мне дал заместитель Голикова,⁵ неприятный и здоровый бывший танковый командир. Главным образом, это было ободряющий разговор о моих заданиях в сочетании с повторными предупреждениями, чтобы обходить проблемы с НКВД. Он был рад, что я замещу человека НКВД, Тарасова, который не смог справиться с работой по своему прикрытию. В заключение, однако, его слова прощания чрезвычайно обеспокоили меня. Его заключительными словами были: «Товарищ Ахмедов, не бойтесь людей НКВД. Мы вас защитим. Человек, которого вы заменяете в Берлине, не только человек НКВД, но и еврей. Их дням приходит конец. Мы рады, что вы татарин». Я не могу говорить, являлись ли эти слова высокопоставленного офицера выражением своего мнения или они свидетельствовали о том, что антисемитизм в России начинал вновь возрождаться».⁶

Даже в самые драматичные дни войны, сразу после поражения Крымского фронта, Харьковской катастрофы, во время тяжелейших боёв на подступах к Сталинграду и на перевалах Главного Кавказского хребта, когда сама судьба СССР «висела на волоске», в недрах партаппарата появлялись такие документы:

«№ 2–1

Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) – в секретариат ЦК ВКП(б) о кадровой политике в области искусства.

17.08.1942 СЕКРЕТАРЯМ ЦК ВКП(б)

тов. Андрееву А. А., тов. Маленкову Г. М., тов. Щербакову А. С.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА О ПОДБОРЕ И ВЫДВИЖЕНИИ КАДРОВ В ИСКУССТВЕ

Отсутствие правильной и твердой партийной линии в деле развития советского искусства в Комитете по делам искусств при СНК СССР и имеющийся самотек в работе учреждений искусства привели к извращениям политики партии в деле подбора, выдвижения и воспитания руководящего

⁵ Генерал-лейтенант Голиков Филипп Иванович, с июля 1940 по июль 1941 года – начальник ГУ ГШ РККА.

⁶ Исмаил Ахмедов, «Служба в сталинском ГРУ и побег из него. Бегство татарина из разведки Красной армии», цит. по http://www.nnre.ru/politika/sluzhba_v_stalinskome_gru_i_pobeg_iz_nego_begstvo_tatarina_iz_razvedki_krasnoi_armii/p1.php#n_13

состава учреждений искусства, а также вокалистов, музыкантов, режиссеров, критиков и поставили наши театры и музыкальные учреждения в крайне тяжелое положение. В течение ряда лет во всех отраслях искусства извращалась национальная политика партии.

В управлениях Комитета по делам искусств и во главе многих учреждений русского искусства оказались нерусские люди (преимущественно евреи). В Главном управлении театров заместителями начальника являются Фалковский и Гольцман; начальник Главного управления учебными заведениями – Владимирский (еврей). В главном управлении музыкальных учреждений Комитета по делам искусств при СНК СССР (начальник управления Сурин – русский) все дела по подбору, выдвижению и оценке кадров решают: Плоткин⁷ – зам. начальника управления – еврей и Шлифштейн – консультант управления – еврей. Комитет по делам искусств целиком передоверил этим людям, нередко чуждым русскому искусству, подбор и выдвижение кадров. В результате во многих учреждениях русского искусства русские люди оказались в меньшинстве».⁸

И далее идёт перечисление евреев в Большом театре, в Ленинградской консерватории, в Московской филармонии, в отделах литературы и искусства редакций газет «Правда», «Известия», «Вечерняя Москва», «Литература и искусство» и в издательстве «Музгиз».

Комментируя этот документ, историк Г. В. Костырченко, обнаруживший его в архиве⁹, сказал¹⁰, что подготовил его руководитель этого Управления Георгий Александров.¹¹ Он и обозначил руководству страны и партии эту проблему. Но, по мнению Г. В. Костырченко, сам Сталин этот «чиновный энтузиазм» со стороны бюрократического слоя, приближенного к высшему эшелону власти, тогда не поддержал. Причина – резкая реакция авторитетной интеллигенции и еврейского и русского происхождения, болезненно воспринявшей эту инициативу.

Это была реакция не на начало какого-то нового курса, а на самостоятельность отдельных чиновников. Хотя нагнеталось это с самого верха, в том числе и самим Сталиным, но он держал этот процесс под контролем и умело дозировал его. Всё делалось негласно,¹² и те чиновники, которые «забегали вперёд», получали по рукам, «а иногда и по голове». Решал все Сталин.

⁷ Зам. начальника главного управления музыкальными учреждениями Комитета по делам искусств при СНК СССР А.Я. Плоткин (ГАОУ. ф. Р-1812. оп.1. д.5. л. 1,3, цит. по <https://studfiles.net/preview/4254672/page:29>).

⁸ Продемонстрирован Г.В. Костырченко в интервью «Геннадий Костырченко в программе «Час интервью» 1», <https://www.youtube.com/watch?v=bnHum2c1Zos>. Цит. по сайту «Сноб», <https://snob.ru/profile/5723/print/19855>

⁹ РГАСПИ. ф. 17. оп. 125. д. 123. л. 21–24.

¹⁰ Г.В. Костырченко в интервью «Геннадий Костырченко в программе «Час интервью» 1», <https://www.youtube.com/watch?v=bnHum2c1Zos>.

¹¹ Вот справка о нём в Википедии: «Георгий Фёдорович Александров... – советский партийный и государственный деятель, учёный-философ, академик АН СССР... С 1939 до 1940 годы работал заместителем заведующего Отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) и одновременно с 1939 по 1946 годы – директором ВППШ при ЦК. В 1940–1947 годах начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б). В годы Великой Отечественной войны вместе с коллективом лауреатов (всего 15 человек) передал Сталинскую премию в Фонд обороны. В 1947 году был назначен на должность директора Института философии, в которой проработал до 1954 года. С 9 марта 1954 года работал министром культуры СССР. В 1955 году, наряду с несколькими партийными идеологами, стал фигурантом сексуального скандала, вследствие чего лишился должности и был отправлен в Минск. С 1955 до 1961 года работал заведующим сектором диалектического и исторического материализма Института философии и права АН БССР. («Александров, Георгий Фёдорович», Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/Александров,_Георгий_Фёдорович). За словами о «сексуальном скандале» в этой справке стоит участие вместе с литератором К.К. Кривошеиным в организации тайного публичного дома с балеринами и студентками философского и литературного институтов для партийной номенклатуры. Это самый знаменитый секс-скандал СССР середины 1950-х годов, о котором в закрытом письме ЦК, обсуждавшемся рядовыми коммунистами, говорилось, что «иметь любовниц просто нехорошо, а вот заводить персональный бордель категорически недопустимо». («Разврат, пьянка, совращение девушек», журнал "Коммерсантъ Власть" № 47 от 28.11.2005, стр. 68, цит. по <https://www.kommersant.ru/doc/630490>).

¹² Вспомним Приказ № 00310 НКВД от 21 декабря 1938 года в соответствии с которым в одной из нитей своей судьбы Жорж не попал в разведку НКВД.

Пока шла война, пока были дружеские отношения с союзниками, ему было невыгодно, чтобы американские еврейские общины как-то реагировали на такие инициативы.

Характерным примером тогдашней ситуации с проявлением и оценкой антисемитизма является инцидент с композитором Б. Мокроусовым в ресторане Союза композиторов в сентябре 1944 г.

Его суть так излагалась в заявлении в Секретариат Союза композиторов, которое подписали «Композитор-орденоносец Лев ШВАРЦ, Композитор В. КРУЧИНИН, Композитор М. БЛАНТЕР, Лауреат Сталинской премии, профессор М[осковской] г[осударственной] к[онсерватории] Н. ИВАНОВ-РАДКЕВИЧ»:

«В понедельник вечером 18 сентября 1944 года мы оказались свидетелями возмутительной выходки Б. Мокроусова, позволившего себе в нашем присутствии и в присутствии ряда товарищей развить теорию о “России для русских”. Среди прочего запомнились выражения: “довольно жидовского царства”, “грузинский оргкомитет”, “бей жидов, спасай Россию” и т. п. Хотя хулиган был в нетрезвом виде, однако отчет в своих словах он себе отдавал...»¹³

Ирония судьбы проявилась в том, что заявление рассматривал Первый секретарь Московского обкома ВКП(б) А. С. Щербаков, адресат приведенной выше антисемитской «Докладной записки» Г. Ф. Александрова. И его резолюция (обязательная для исполнения начальником Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александровым ☺!) звучала так:

«Александрову. Надо проследить, чтобы антисемита Мокроусова строго наказали».¹⁴

Но когда закончилась война горячая, началась холодная, и Сталин озаботился тем, что в Советском союзе, как ему казалось, вызревает пятая колонна, и одним из отрядов этой колонны могут быть представители еврейских националистов.

Началом системного кризиса межнациональных отношений в СССР можно считать тост Сталина на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года.

Это был уже пятый тост Сталина на этом приёме, далеко за полночь (значит, не 24, а 25 мая!) и последний тост в этом застолье (всего присутствующими был произнесен 31 тост¹⁵). Вот как выглядит стенограмма этого выступления после правки её самим Сталиным:

¹³ «Сообщение в ЦК ВКП(б) об антисемитском инциденте с союзе советских композиторов 27.09.1944», РГАСПИ. ф. 17. оп. 125. д. 235. л. 146, цит по сайту «Фонд Александра Н. Яковлева», <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/68365> (вх. 25.01.19).

¹⁴ Ibid. Но, разумеется, в историю нашей культуры Б. Мокроусов вошёл не как «рядовой антисемит», а как автор таких песенных шедевров, как «Сормовская лирическая», «Вологда», «Одинокая бродит гармонь» и ряда других, которые с удовольствием слушают и поют и русские, и евреи.

¹⁵ Владимир Долматов, альбом «Сталин 1878–1953 Главные документы», рук. проекта Владимир Сунгоркин, АО «Издательский дом «Комсомольская правда», 2019, стр. 347.

07.01. Правка Сталина стенограммы его тоста на приёме в Кремле 24.05.45 г.¹⁶

Расшифровка этой стенограммы и очистка от позднейшей правки даёт следующий текст, который и услышали командующие войсками Красной Армии в ночь на 25 мая 1945 года в Кремле.

«Товарищи, разрешите мне поднять ещё один, последний тост. Я, как представитель нашего Советского Правительства, хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского народа и, прежде всего, русского народа. (Бурные, продолжительные аплодисменты, крики «ура»).

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я пью за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне <чрез «авторитет»?>, заслужил звание, если хотите, руководящей силы нашего Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я пью за здоровье русского народа не только потому, что он – руководящий народ, но и потому, что у него имеется здравый смысл, общеполитический здравый смысл и терпение.

У нашего правительства было не мало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–42 г.г., когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Какой-нибудь другой народ мог бы сказать – ну вас к черту, вы не оправдали наших надежд, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Это могло случиться, имейте в виду.

Но русский народ на это не пошел, русский народ не пошел на компромисс, он оказал безграничное доверие нашему правительству. Повторяю, у нас были ошибки, первые два года наша армия вынуждена была отступить, выходило так, что не овладели событиями, не совладали с создавшимся положением.

Однако, русский народ верил, терпел, выжидал и надеялся, что мы все таки с событиями справимся.

Вот за это доверие нашему правительству, которое русский народ нам оказал, спасибо ему великое!

*За здоровье русского народа! (бурные, долго несмолкающие аплодисменты)».*¹⁷

В опубликованном варианте, после сталинской правки, вместо «здравого смысла» у русского народа появились «ум, стойкий характер и терпение»:

*«Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза... Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он – руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение».*¹⁸

¹⁶ Источник фото: Ibid.

¹⁷ Ibid. Выделение текста стенограммы из опубликованного документа проделано мною – Ю.Л.

¹⁸ И. Сталин, «О Великой Отечественной войне Советского Союза», изд. пятое, Военное издательство Министерства

Когда я восстановил стенограмму, мне показалось, что сказанное, пусть и в торжественном, но всё же застолье (пятый тост глубоко за полночь!), это суждение было искренним и без особой «задней мысли».

Но довольно быстро какой-то из моих альтерверсальных двойников с помощью ныне вездесущего «демона Интернета» (других естественных причин «случайной» находки в сети я не вижу) показал мне, что при общении с наследием Сталина нужно быть очень осторожным в оценках искренности его поведения и высказываний.

Вот что говорит об этом Николай Трофимович Федоренко,¹⁹ человек, имевший богатый опыт достаточно тесного общения с вождём, поскольку был личным переводчиком Сталина и Мао Цзедунa во время их длительных переговоров в Москве с 6 декабря 1949 года по 17 февраля 1950 года.

То, что общение было не только формальным, но и «бытовым», было обусловлено тем, что Мао Цзедун (и переводчик Федоренко, естественно!) жил на даче Сталина в Кунцево и переговоры проходили тогда, когда у Сталина было желание что-то обсудить:

*«Страшно было? Наверное. Но не столько на той первой встрече, сколько на последующих, когда ночные беседы (с 22 часов до 2–3 ночи) велись на «малой» сталинской даче в Кунцево. Напротив меня в пенсне сидел Берия и фиксировал каждое мое слово, хотя, естественно, ни бум-бум по-китайски. Холодок бежал за ворот, а Сталин и Мао слушали... меня. Берия тоже... Повестки дня (или ночи) как таковой не было. Но над всем властвовала жесточайшая воля, дисциплина Сталина. Он умел слушать, четко выдерживая беседу, делая паузы, и так ставил вопросы, чтобы создавалась совершенная, очерченная картина события. Когда я слышал слова Сталина и переводил их, у меня не было уверенности, что он произносил именно то, что у него было на уме. Вот уж действительно ему был дан язык, чтобы скрывать свои мысли».*²⁰

Искусством дипломатии – говорить так, чтобы партнёр не догадывался о тайном смысле беседы – Сталин владел в совершенстве. Но, как оказалось, он в совершенстве владел и актёрским искусством:

*«Каждая встреча со Сталиным и пребывание в его обществе налагала какое-то особое напряжение. С одной стороны, мне казалось, что он вёл себя очень непосредственно, очень просто, я бы сказал, даже по-отечески. С другой стороны, какое-то неуловимое ощущение игры... вот на присутствующих. Причём это сделано с большим артистизмом, очень искусно, настолько тонко это всё было показано, что не придерёшься, не обвинишь его в том, что он играет. Лишь потом я вдумался и сопоставлял с другими ситуациями, и пришёл к выводу, что он – величайший актёр! И, конечно, режиссёр...».*²¹

Вооружённых сил Союза ССР, М., 1948, стр.196

¹⁹ Впоследствии – видный дипломат, посол СССР в Японии, Постоянный представитель СССР при ООН и СБ ООН, чл-корр. АН СССР и РАН, гл. ред. журнала «Иностранная литература».

²⁰ Н.Т. Федоренко, «Сталин и Мао слушают... меня», литературная запись воспоминаний, сделанная Михаилом Ильинским, сайт «www.privatlife», <http://www.privatlife.ru/2003/os03/n3/4.html> (вх. 30.10.19).

²¹ Н.Т. Федоренко, интервью в фильме Игоря Беляева (режиссёр и автор сценария) «Человек или дьявол. Иосиф Сталин» (документальный фильм, студия «Политика», 1991 год, <https://ok.ru/video/880834446713> 11мин45 сек – 12 мин.47 сек., (вх. 29.10.19)).

После этого я не удивился и такой оценке личного интернационализма Сталина, которую дал также хорошо знавший его по тесному личному общению (сопровождал Сталина во всех его поездках по железной дороге) министр путей сообщения СССР И. В. Ковалёв²²:

07.02. И. В. Ковалёв во время интервью.²³

«... и никогда он не спрашивал о количестве потерянных, убитых, искалеченных. Такого вопроса вообще у него не было. «Чем меньше будет русских, тем лучше!». Такая фраза у него прорывалась. И мы это знали. Он ненавидел и евреев. Ненавидел их. «Чем меньше их будет, тем лучше!»»²⁴

Так что в «заполученном тосте» маршала Сталина на приёме в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года, пожалуй, наиболее искренними были фразы, отразившие воспоминания о днях и месяцах начала войны, когда *«народ мог бы сказать – ну вас к черту, вы не оправдали наших надежд»*.

Но во всяком публичном высказывании политика (а, тем более, в высказывании на таком собрании политика такого масштаба как Сталин!) всегда можно найти «скрытый смысл». И это уже является профессиональной задачей политиканов, интерпретирующих слова политика «здесь-и-сейчас».

²² В сталинские времена имел звание «Вице-Генерал-Директор Путей Сообщения», что соответствовало маршалу рода войск, (Олег Филиппов, «Генералы стальных магистралей появились вновь в нашей стране почти 65 лет назад», сайт Gudok.ru, газета «Московский железнодорожник», вып.№ 18–19, 07.05.08, <https://www.gudok.ru/zdr/175/?ID=637749&archive=25848> (вх. 30.10.19)), а в современной России приказом Министра обороны РФ от 19 января 2018 г. № 20 учреждена медаль «Генерал-лейтенант Ковалев» («Награды Министерства обороны Российской Федерации, Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/Награды_Министерства_обороны_Российской_Федерации (вх. 30.10.19)).

²³ Источник фото: скриншот из фильма Игоря Беляева (режиссёр и автор сценария) «Человек или дьявол. Иосиф Сталин», студия «Политика», 1991 год, <https://ok.ru/video/880834446713> (вх. 30.10.19)

²⁴ И.В. Ковалев, интервью в фильме Игоря Беляева (режиссёр и автор сценария) «Человек или дьявол. Иосиф Сталин» (документальный фильм, студия «Политика», 1991 год, <https://ok.ru/video/1289691664831>, 5 мин.25 сек – 5 мин.56 сек, (вх. 29.10.19)).

Ведь ничего принципиально нового о русском народе Сталин не сказал. Он уже называл его «великой русской нацией», нацией

«Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова»²⁵

в своём знаменитом докладе на станции метро «Маяковская» 6 ноября 1941 года.

Тогда, в 1941 году, «величие» русского народа было истолковано пропагандой как анти-теза для людей, «потерявших человеческий облик и павших до уровня диких зверей».²⁶ Та политическая ситуация требовала обоснования для сталинского призыва

«истребить всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей Родины в качестве её оккупантов».²⁷

В новой обстановке 1945 года интерпретация, соответствующая изменившемуся «духу времени», нашлась быстро: мол, Сталин чётко обозначил приоритеты национальной политики СССР! Такая интерпретация понравилась и самому Сталину – она избавляла его от рутинной работы по формулировке и внедрению в сознание сотрудников агитпропа (в это время «Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)» «руководящих указаний».

И после этого пошли многочисленные партийные «интерпретации и разъяснения» сказанного Сталиным на кремлёвском приёме.

«Партийные организации обязаны широко пропагандировать замечательные традиции великого русского народа как наиболее выдающейся нации из всех наций, входящих в состав СССР... должны разъяснять, что сталинская оценка... является классическим обобщением того исторического пути, который прошёл великий русский народ».²⁸

Некоторые историки справедливо считают, что сказанное Сталиным первоначально не имело антисемитской подоплеки, что факторы, активизировавшие антисемитскую кампанию,

«не имели отношения к тосту про русский народ и впервые появившемуся в СССР движению за то, что родиной слонов является СССР, а советский слон – самый слоновитый слон в мире».²⁹

И с этим можно согласиться – публичный пафос Сталинского тоста не в стремлении опорочить какую-то нацию, а в желании возвеличить нацию русскую.

«Безграничное доверие русского народа Советскому правительству, вера в правильность его политики и всемерная поддержка русским народом Советского правительства и большевистской партии, сказал товарищ Сталин, оказались «той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества, – над фашизмом»».³⁰

²⁵ И.В. Сталин, «24-я годовщина Великой Октябрьской Социалистической Революции», сб. «И. Сталин о Великой Отечественной войне Советского Союза», изд. 5, Военное издательство Министерства Вооружённых Сил Союза ССР, Москва, 1948, стр. 30.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid.

²⁸ Лебедев В., «Великий русский народ – выдающаяся нация и руководящая сила Советского Союза», Пропагандист, 1945. Август (№ 16). стр. 7., цит. по А. Вдовин, ««НИЗКОПОКЛОННИКИ» И «КОСМОПОЛИТЫ». 1945–1949: история и современность», http://www.voskres.ru/idea/vdovin_printed.htm

²⁹ Историк, e-mail от 18.06.2017 г.

³⁰ Александров Г.Ф., Галактионов М.Р., Кружков В.С., Митин М.Б., Мочалов В.Д., Поспелов П.Н., «Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография», второе издание, ОГИЗ Государственное издательство политической литературы, М., 1948, стр. 221.

Но, как уже в наше время точно сформулировал «эпиграф ко всей истории российского централизованного государства»³¹ В. С. Черномырдин,

*«хотели как лучшие, а получилось как всегда».*³²

Борьба «ЗА русскость» быстро перешла в борьбу «ПРОТИВ космополитизма» со всё более и более антисемитской направленностью.

*«Сразу же после тоста Сталина это было развёрнуто в статье Отто Куусинена «О патриотизме» (статья опубликована под псевдонимом Н. Балтийский в № 1 журнала «Новое время», июль 1945 года). Согласно Куусинену, космополитизм, в отличие от патриотизма, органически противопоставлен трудящимся, коммунистическому движению. Он свойствен представителям международных банкирских домов и международных картелей, крупнейшим биржевым спекулянтам – всем, кто орудует согласно латинской поговорке «ubi bene, ibi patria» (где хорошо, там и отечество)».*³³

События же знакового 1948 года, года возвращения Жоржа в СССР и выхода на широкую политическую арену компании «борьбы с космополитизмом» развивались следующим образом.

*«В январе 1948 года было впервые употреблено знаменитое впоследствии выражение «безродный космополит». Оно появилось в выступлении А. А. Жданова на совещании деятелей советской музыки в ЦК КПСС <Отписка. Нужно ЦК ВКП(б) – Ю. Л.>. Жданов заявил буквально следующее: «Интернационализм рождается там, где расцветает национальное искусство. Забыть эту истину означает... потерять своё лицо, стать безродным космополитом».*³⁴

Фраза несколько путанная и противоречивая, но именно она ввела в политический оборот новый термин – «безродный космополитизм».

12 января 1948 года в Минске знаменитый актёр и режиссёр «еврейского происхождения» Соломон Михайлович Михоэлс

*«убит сотрудниками МГБ, убийство было замаскировано под дорожное происшествие».*³⁵

А уже 28 января в «Правде» появляется инициированная Сталиным статья «Об одной антипатриотической группе театральных критиков», в которую этот термин внесён лично Сталиным при редактировании текста и широко используется –

*«перед нами со всей остротой стоят задачи борьбы против безродного космополитизма».*³⁶

Уже вскоре,

«В марте того же года другой идеологический руководитель, Г. Ф. Александров, опубликовал в «Вопросах философии» установочную статью

³¹ М. Соколов, «Коммерсантъ», 30.06.1994 г., цит. по https://ru.wikipedia.org/wiki/Хотели_как_лучше,_а_получилось_как_всегда

³² Черномырдин В.С., пресс-конференция в связи с денежной реформой, 6 августа 1993 г., цит. по https://ru.wikipedia.org/wiki/Хотели_как_лучше,_а_получилось_как_всегда

³³ «Борьба с космополитизмом», Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/Борьба_с_космополитизмом

³⁴ Ibid.

³⁵ «Михоэлс, Соломон Михайлович», Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/Михоэлс,_Соломон_Михайлович

³⁶ «Сталин и космополитизм. Документ 100», сайт «Фонд Александра Н. Яковлева», <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69512>

«Космополитизм – идеология империалистической буржуазии», в которой объявил космополитами разом Милюкова, Бухарина, Троцкого, левых эсеров и левых коммунистов, наконец, власовцев и всех, перешедших на сторону немцев – таким образом термин приобрел особо злоедейский оттенок, становясь синонимом понятий «изменник Родины», «контрреволюционер» и «враг народа».³⁷

Где только не обнаруживался «космополитический враг»! Даже Государственный музей нового западного искусства, на выставку в который Жорж и Мила по пригласительным билетам ОЗЕТа ходили в декабре 1937 года, на волне борьбы с космополитизмом был ликвидирован 6 марта 1948 года как

«рассадник низкопоклонства перед упадочной буржуазной культурой».³⁸

Новогодняя атомная шутка Сталина

То, что у Сталина было весьма своеобразное чувство юмора, сегодня является общим местом в характеристике вождя. Но в качестве примеров обычно приводят шутки-экспромты, порождённые теми или иными сиюминутными обстоятельствами, или традиционные, почти ритуальные «хохмы» на ночных бдениях с соратниками на Ближней даче. Но, оказывается, он умел шутить и «долговременно», подготавливая шутейную ситуацию месяцами.

Вот пример такой шутки, состоявшейся, вероятно, на очередном закрытом кинопросмотре где-то в конце декабря 1948 – начале января 1949 года.

В 1949 году миллионы советских зрителей посмотрели одобренный им фильм «Суд чести».

В фильме художественно переосмысливалась история советских учёных члена-корреспондента АМН СССР Н. Г. Ключевой и профессора Г. И. Роскина, рукопись книги которых о новом лекарственном препарате против рака и опытные образцы вакцины в 1946 году академик-секретарь АМН СССР В. В. Парин во время командировки в США передал американским учёным.

Поступок Парина был расценен как шпионский (Советское правительство не давало разрешения Парину на передачу результатов научного исследования американцам) и он получил за это 10 лет лагерей, а поведение Ключевой и Роскина, «потворствовавших» преступному деянию Парина, было расценено как антипатриотическое. В связи с этим, 28 марта 1947 г. в министерствах и центральных ведомствах СССР были созданы Суды чести. И Ключева и Раскин были переданы такому суду в мае 1947 года.³⁹

В фильме несколько изменены обстоятельства дела, введены вымышленные герои, но основная канва событий сохранена и ярко показан апофеоз – ход Суда чести над «унизившими честь и достоинство нашей Родины»⁴⁰ людьми.

Трудно поверить, но те из зрителей, кто были склонны к разгадыванию головоломок и шарад, могли после просмотра фильма не только проникнуться пафосом советского патрио-

³⁷ «Борьба с космополитизмом», Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/Борьба_с_космополитизмом

³⁸ «Государственный музей нового Западного искусства», Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/Государственный_музей_нового_западного_искусства

³⁹ «"Суд чести", 1948 г. – очередной шедевр сталинской пропаганды против низкопоклонства и безродного космополитизма. ч. I», сайт «Яндекс Дзен», <https://zen.yandex.ru/media/oldkino/sud-chesti1948-g-ocherednoi-shedevr-stalinskoi-propagandy-protiv-nizkopoklonstva-i-bezrodnogo-kosmopolitizmach1-5e53eca06948c51ea07bc504> (вх. 23.03.20).

⁴⁰ «Суд чести», художественный фильм, студия «Мосфильм», 1948 г., сценарий Александра Штейна, режиссёр Абрам Роом, премьера 25.02.49 г., сайт YouTube, <https://www.youtube.com/watch?v=fNcS8v2m4h8> (вх. 22.03.20), 1 час 25 мин 51 сек. – 1 час 25 мин. 55 сек.

тизма, но и догадаться о государственной тайне особой важности, которую точно знали в это время только Сталин и Берия в Кремле, несколько десятков сотрудников Лаборатории-2 АН СССР в Москве, и несколько сотен сотрудников затерявшегося в мордовских лесах объекта «КБ-11». Эта тайна состояла в том, что в фильме буквально было озвучено – *за секретной дверью академического института, руководимого Курчатовым, атомной бомбы, к сожалению, ещё нет.*

Я убеждён, что подсказки для разгадки этой тайны в сценарий фильма внёс лично Иосиф Виссарионович на стадии обсуждения сценария. Это была его шутка-сюрприз для очень узкого круга посвящённых (в первую очередь, для Берии и Курчатова).

Как и всякая сталинская шутка, она имела прагматический смысл. И те, кто его понимал, настраивались на выполнение поставленной им задачи гораздо сильнее, чем в том случае, когда им грозили карами в начальственном разное. Ну, а те, кто не понимал сталинских шуток, недолго задерживались в его окружении.

Сталин, как известно, был в это время первым зрителем всякого снятого в СССР художественного фильма, и, как я думаю, если бы не его личное «анонимное соавторство» в отредактированном сценарии «Суда чести», создатели фильма (сценарист и режиссёр в первую очередь) по такому варианту сценария вряд ли встретили бы новый 1949 год за праздничным столом.

Но, в результате Сталинской шутки, и кинематографисты получили свою сталинскую премию 1 степени, и Берия с Курчатовым «поднапряглись» и вскоре смогли показать реальную атомную бомбу «за дверью академической лаборатории».

Вот изложение тех «пазлов сценария» фильма, сложение которых открывало сталинскую шутку.

Когда один из «американских гостей» академического института профессор Вуд (актёр Г. Черноволенко) (а «на самом деле» по сценарию фильма американский шпион, «он же Критчби, он же Голдвин, он же Стефен, агент американской разведывательной службы»), в ходе осмотра института увидел надпись на двери одной из лабораторий «Не входить», он, как бы из простого любопытства, спросил: «Какие чудеса творятся за этой дверью?». На что получил от сопровождающего делегацию профессора С. Ф. Лосева (актёр Н. Свободин) шуточный ответ: «Смею уверить мистера Вуда, что, во всяком случае, атомной бомбы там нет!». ⁴¹ Однако гость проявил упрямство. Он (тоже как бы в шутку) решил проверить – действительно ли ничто не взорвётся, если он окажется за дверью, и решительно направился к ней. Навстречу ему из лаборатории вышла очаровательная, но строгая женщина, доцент Ольга Верейская (актриса А. Максимова), которая попыталась «женскими отговорками» о том, что в лаборатории беспорядок, и она «не готова к встрече гостей», не пропустить шпиона. Тот, однако, проявил настойчивость: «Мы, американцы, любим видеть жизнь такой, как она есть» ⁴² и, после преодоления линии обороны доцента Верейской, американцы всё-таки проникли в секретную лабораторию. И, конечно, убедились, что проф. Лосев сказал правду – атомной бомбы за дверью действительно не было.

Произошедший инцидент с проникновением американцев в секретную лабораторию обсуждался на парткоме института. Узнав об этом, профессор А. А. Добротворский (актер Н. Анненков), руководитель лаборатории, оправдывал допуск иностранцев так: «По поводу иностранцев мне Лосев от самого Курчатова звонил. Из его кабинета! Ему, пожалуй, со своей-то вышки виднее!» ⁴³.

⁴¹ Ibid, 36 мин. 23 сек. – 36 мин. 30 сек

⁴² Ibid, 36 мин. 58 сек – 37 мин.09 сек.

⁴³ Ibid, 49 мин. 57 сек – 50 мин. 03 сек.

Для героев фильма ссылка была вполне убедительной – по сценарию руководил Институтом экспериментальной медицины АН СССР заместитель министра здравоохранения Кирилл Павлович Курчатов.

Для любителей конспирологии подсказка: значение имени Кирилл – «могущественный», «владыка», «господин»⁴⁴, отчество «Павлович» совпадает с отчеством Берии, а фамилия говорит сама за себя ☺... Мог ли автор сценария сам случайно выбрать такое сочетание? А если нет, то кто мог «подсказать» ему такой выбор?

Миллионы простых зрителей никак не связывали особым смыслом слова «атомная бомба», «академическая лаборатория», «Курчатов», но те, кто «был в теме», наверняка поняли намёки.

И если бы все эти слова попали в сценарий без ведома Сталина, Берия расправился бы с авторами фильма «по полной программе». Но этого не произошло.

Мне представляется, что после кремлёвского просмотра этого фильма Сталин с улыбкой сказал Берии: «Хороший фильм про академиком... Пошли его Курчатову, пусть отдохнёт от работы и посмотрит кино... Да, Лаврентий, а почему так волновалась эта женщина? Ведь никакой бомбы в лаборатории нет... И это никакой не секрет для американцев. А вот когда она будет... Кстати, когда, Лаврентий?.. Не «женские хитрости» будут нужны, а хороший амбарный замок контрразведки. Ты думал об этом, Лаврентий? А женщина молодец, верно догадалась об этом американце!»

Фильм имел огромный успех, став третьим по кассовым сборам в 1949 году (15,2 млн. зрит.), уступив только лидеру – «Встреча на Эльбе» (Мосфильм, реж. Григорий Александров) 24,2 млн., и совсем немного «боевику» «Константин Заслонов» (Беларусьфильм, реж. Александр Файнциммер) 17,9 млн.⁴⁵

Успех «Константина Заслонова» в 1949 году понятен – это боевик о белорусских партизанах, героиня только что окончившейся войны.

А вот успех других двух фильмов это уже успех новой пропагандистской кампании. «Встреча на Эльбе» – против коварного лицемерия американского империализма, а «Суд чести» – против «низкоклонства» и «космополитизма». Ещё нет массового телевидения, и кино является действительно «важнейшим из искусств» в деле формирования массового сознания.

И это сознание наполняется новыми притягательными для «простых людей» образами, такими, как генерал-лейтенант медицинской службы, академик Андрей Иванович Верейский (блестяще сыгранный Борисом Чирковым).

У себя на даче он принимает гостей в белой русской косоворотке, украшенной орнаментальной вышивкой по вороту и рукавам, а с трибуны суда, во всём блеске генеральского мундира, пламенно проповедует, чётко артикулируя текст: «Нам ли, советским учёным, быть беспачпортными бродягами человечества, нам ли быть безродными космополитами? Нам ли быть Иванами, не помнящими родства?»⁴⁶

Фильм вышел на экраны 25 января 1949 г. Этой датой и открывается массовая антикосмополитическая кампания.⁴⁷

⁴⁴ «Характеристика и значение имени Кирилл», сайт imena.guru, <https://imena.guru/muzhskie-imena/kirill.html> (вх. 23.03.20).

⁴⁵ kinanet, «Общий список лидеров советского кинопроката по годам (1940–1961)», сайт ЖЖ, <https://kinanet.livejournal.com/1796178.html> (вх. 23.03.20).

⁴⁶ «Суд чести», художественный фильм, студия «Мосфильм», 1948 г., сценарий Александра Штейна, режиссёр Абрам Роом, премьера 25.02.49 г., сайт YouTube, <https://www.youtube.com/watch?v=fNcS8v2m4h8> (вх. 22.03.20), 1 час 27 мин 32 сек – 1 час 27 мин. 40 сек

⁴⁷ Батыгин Г. С., Девятко И. Ф., «Еврейский вопрос: хроника сороковых годов», Вестник Российской Академии Наук, т.63, № 1, 1993, стр. 64, цит. по <http://istryktsiya.ru/other/31230/index.html> (вх. 23.03.20).

Экспортный вариант

Борьба с космополитизмом внутри страны логично продолжалась и в практической внешней политике. В тот момент СССР поддержал еврейский национализм в форме сионизма, который из космополитического мирового еврейства стремился изгнать космополитический дух и воссоздать чисто национальное государство Израиль. Сталин был первым мировым лидером, который признал это государство «*в полном объёме, де-юре... 17 мая*»⁴⁸, всего через три дня после его провозглашения!

Не знаю, насколько осознавал (и насколько учитывал это при принятии такого решения) сам Сталин тот факт, что новое государство было социалистическим по сути. «*Большое видится на расстоянии*»⁴⁹ – в 1985 году, после преодоления глубокого экономического кризиса, Шимон Перес, один из наиболее известных государственных деятелей Израиля, бывший президент и премьер-министр страны, осознал, что

*«Мы спасли экономику, но в некотором смысле мы с ней попрощались. Социалистические рамки, заложенные при основании нашего государства, больше не были жизнеспособными. Мы должны были сделать первые шаги к капитализму...»*⁵⁰

И государство Израиль в момент своего рождения было одновременно и националистическим, и социалистическим, т. е. еврейским истинно «национал-социалистическим» государством.⁵¹

Понятно, что при этом Сталин не относил советских евреев к «мировому еврейству», которое должно было переселиться в Израиль, поскольку у них, по его убеждению, был свой путь – к светлому коммунистическому будущему через Биробиджан.

А Государство Израиль рассматривалось как временное историческое образование, которое должно было стать если и не форпостом, то верным ближневосточным союзником в борьбе со старинным и всё ещё мощным геополитическим противником – Британской империей.

И поначалу казалось, что этот расчёт оправдывается:

⁴⁸ «Создание Государства Израиль», Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/Создание_Государства_Израиль#cite_ref-60let_90-0

⁴⁹ С.А. Есенин, «Письмо к женщине», 1924 г.

⁵⁰ Шимон Перес, «Внезапно и бесконтрольно мы помчались навстречу экономической катастрофе», сайт «Republic», https://republic.ru/posts/95265?utm_source=republic.ru&utm_medium=email&utm_campaign=morning (вх. 23.11.19)

⁵¹ С некоторыми оговорками можно сказать, что по этому же пути позже пошли и другие страны, воплотившие в своём устройстве «Скандинавскую модель» – Дания, Исландия, Норвегия, Швеция, Финляндия («Скандинавская модель», Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D0%B2%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BC%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D1%8C (вх. 23.11.19)).

07.03. Празднование первой в Тель-Авиве в 1949 году.⁵²

Это было особенно важно, поскольку в это время СССР и Британия были официальными союзниками:

*«Договор между СССР и Великобританией о союзе в войне против гитлеровской Германии и её сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны», был подписан 26 мая 1942 года и действовал до 7 мая 1955 года, когда СССР аннулировал его, как утративший силу вследствие вступления Великобритании в военный союз с ФРГ в рамках НАТО».*⁵³

Но после Фултонской речи Черчилля Сталин фактически обвинил Великобританию в предательстве СССР. В интервью газете «Правда» 14 марта 1946 г. Сталин сказал:

*«По сути дела господин Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны... Следует отметить, что господин Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей».*⁵⁴

Правда, как разъяснил мне компетентный историк советской разведки, и в этот момент происходили события в «реальной истории», которые вполне логично объясняются её эвереттской ветвистостью:

*«А что касается Фултонской речи, то надо понимать, что когда Черчилль ее произносил, он был деятелем оппозиции, а британское лейбористское правительство успешно передавало двигатели Ролс Ройса для советских МИГ 15, которые эффективно сражались в небе Кореи с американской авиацией».*⁵⁵

⁵² Источник фото: Пинн Ханс, Пресс-центр правительства Израиля, в публикации Аркадий Цфасман, «Недолгая дружба», 04.05.19, сайт «ИСРАГЕО», <https://www.isrageo.com/2019/05/04/nedol306> (вх. 03.02.20).

⁵³ «Англо-советский союзный договор», Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/Англо-советский_союзный_договор.

⁵⁴ И.В. Сталин, «Интервью И.В. Сталина газете «Правда» о речи Черчилля в Фултоне (14 марта 1946 года)», цит. по сайту «Холодная война – великое противостояние сверхдержав», http://www.coldwar.ru/stalin/about_churchill.php

⁵⁵ Компетентный источник, e-mail от 18.06.17:16.52.

Очень скоро выяснилось, что надежды на возможность «направлять» внешнеполитический курс Израиля в нужную Сталину сторону не оправдались, но в середине 1948 года такие иллюзии ещё были.

Причины завершения командировки

Таковы были международные обстоятельства, в которых разворачивалась кампания борьбы с «антисоветским космополитизмом».

Обычно считается, что возвращение Жоржа было обусловлено тем, что он почувствовал опасность провала – после предательства Гузенко начались тщательные проверки сотрудников Манхэттенского проекта, и он опасался, что его эмиграция в 1932 году будет раскрыта ФБР.⁵⁶

Это, безусловно, так. Но, кроме этого, также очевидно, что московское руководство относилось к его опасениям не слишком серьёзно и «имело виды» на его дальнейшее использование. Как пишет В. Лота, «по указанию из Центра он учился в техническом колледже, который успешно закончил, и уже был готов устроиться на работу в одну из крупных технических фирм».⁵⁷

Именно поэтому начало процесса «эвакуации» происходило по инициативе самого Жоржа – он попытался сам получить паспорт для поездки в Европу. Он хотел получить паспорт и вернуться домой. Но получил не паспорт, а Джин.

И вдруг!.. Как сказано об этом в статье В. Лоты в «Красной звезде» от 19 апреля 2002 года, которую редактировал сам Жорж, он «*неожиданно для себя <подчёркнуто мной – Ю.Л.>* получил приказ из Москвы завершить командировку и возвратиться в СССР».⁵⁸

Что же могло послужить причиной такого поведения Центра? Зачем Жорж срочно потребовался в Москве?

Одним из наиболее вероятных ответов на этот вопрос может быть тот факт, что именно в 1948 году Советский атомный проект достиг такого этапа своего развития, на котором переданные Жоржем в 1946 году сведения о критически важных для создания атомной бомбы технологиях получения полония из висмута стали практически востребованы.

Жорж сообщил, что полоний необходим для создания нейтронного инициатора – устройства, с помощью которого инициируется цепная реакция в атомной бомбе. По аналогии с обычными бомбами это устройство называют «нейтронным взрывателем».

По сообщению Жоржа полоний получается из металлического висмута при его облучении мощными потоками нейтронов в атомном реакторе.

Мы ещё подробно обсудим смысл и значение этой удачи Жоржа. Здесь же отметим только, что это сообщение считается главным достижением «атомного разведчика Дельмара».

Хотя работа по получению полония началась практически сразу после получения данных Жоржа, но

*«первые полгода ушли на то, чтобы найти и освоить в СССР добычу природного висмута. Затем освоить металлургическое производство по выплавке чистых металлических висмутовых блоков».*⁵⁹

⁵⁶ Поразительно, но факт: ФБР обратилось к Гузенко по делу Ковалья только в 1957 году! В то время аналитики ФБР всё ещё гадали – каким образом Коваль попал в США? Им пришлось в голову проверить – не произошло ли это через Канаду, где работал Гузенко: «... since Koval might possibly have travelled from Russia to United States via Canada, he may be known to Gouzenko, who should be interviewed concerning the subject <... поскольку Коваль имел возможность приехать из России в Соединенные Штаты через Канаду, он может быть известен Гузенко, который должен пройти собеседование по этому вопросу. – Ю.Л. >» (Дело ФБР «George Abramovich Koval», 26.02.1957, <https://archive.org/stream/GeorgeAbramovichKoval/George%20Abramovich%20Koval%20Part%20of%204#page/n187/mode/1up> (вх. 07.05.20)). Результат опроса Гузенко, конечно, ничего не дал, но поражает медлительность ФБР в обращении к столь очевидно важному потенциальному источнику информации.

⁵⁷ Лота В., «ГРУ и атомная бомба», М.: Олма-Пресс, 2002, стр. 258

⁵⁸ В. Лота, «Операция «Дельмар», «Красная Звезда» 19.04.2002 г., http://old.redstar.ru/2002/04/19_04/1_02.html

⁵⁹ М.П. Грабовский, «Атомный аврал», М., «Научная книга», 2001, стр. 111

И только в конце 1947 года первые 30 блочков были загружены в экспериментальный канал первого экспериментального реактора Ф-1. В начале 1948 года облучённый висмут был отправлен в Ленинград, в лабораторию Д. М. Зива. Но мощность реактора была недостаточна и к началу 1949 года в Радиевом институте Академии Наук (РИАН) было получено только три миллиграмма полония с активностью 14 кюри. А для одного нейтронного инициатора нужно 50 кюри...

Параллельно с реактором Ф-1 ещё в декабре 1945 года началось строительство первого промышленного реактора «А-1» под Челябинском (ныне Озерск). Началось «на пустом месте». К рытью котлована глубиной 54 метра, в котором должен был разместиться реактор, приступили только в августе 1946 года, через полгода после сообщения Жоржа. Рыли вручную солдаты и зеки!

Известно, что на стройке работали

*«свыше 45 тыс. человек – наиболее квалифицированных, ответственных и идейных студентов, инженеров, специалистов».*⁶⁰

Но вряд ли можно согласиться с тем, что все они были только *ответственными и идейными студентами, инженерами и специалистами...*

07.04. Начало строительства атомного реактора «А-1».⁶¹

Так выглядела строительная площадка первого советского промышленного атомного реактора «А-1» под Челябинском в 1946 году через несколько месяцев после того, как было получено сообщение Жоржа об уже налаженной технологии получения 500 кюри в месяц полония в американском реакторе в Ок-Ридже.

⁶⁰ «Осуществлен пуск первого советского промышленного ядерного реактора 8 июня 1948», сайт «Суть времени», <https://eot.su/historyday/6/8/12151> (вх. 26.02.20).

⁶¹ «Ретроном. Мы превысили американские нормы», сайт Государственной телевизионной и радиовещательной компании «Южный Урал», <http://radio.cheltnv.ru/main/top-2/retromom-my-prevysili-amerikanskie-normy> (вх. 26.02.20).

Капризы памяти

Здесь уместно сделать небольшое отступление, связанное с характеристикой изменения восприятия исторических событий по мере удаления их в прошлое. О создании реакторов у нас в стране вспомнил М. В. Ковальчук, Президент Курчатовского института, на мероприятии, посвящённом 70-летию первого испытания атомной бомбы в СССР.

*«Когда мы запустили свой реактор, у нас работало, включая кочегара, в Лаборатории № 2, сто человек, а в Америке работало сто двадцать девять тысяч человек в это время, и бюджет был в сегодняшних ценах двести миллиардов долларов».*⁶²

В другом источнике, давшем отчёт об этом мероприятии в Курчатовском институте, приводится продолжение этой цитаты:

*«У нас не должно быть квасного патриотизма, но мы должны знать цену и цену правильности решений».*⁶³

Общий смысл этого высказывания достаточно очевидно сводится к тому, что его автор посылает «месседж» слушателю: мол, я не хвастаюсь нашими успехами, но «факты и цифры говорят сами за себя».

Попробуем рассмотреть этот месседж подробнее. Первый экспериментальный советский реактор Ф-1 действительно был пущен 25 декабря 1946 года в Лаборатории № 2 АН СССР силами немногочисленного коллектива этой лаборатории

*«как опытная площадка для отработки технологий и процессов получения плутония».*⁶⁴

Но, приводя эти цифры для демонстрации выдающегося творческого потенциала наших учёных, М. Ковальчук, вероятно, «забыл», что для корректного сравнения по количеству занятых людей и материальным затратам на атомные реакторы в СССР и США в 1946 году, нужно учесть, что именно в этом году в СССР началось строительство завода № 817 с промышленным реактором А-1 – аналогом американского. И это уже совсем другие цифры и количества людей, и финансовых затрат.

«Первые атомные промышленные комбинаты на Урале и поселки при них ГСП-11 стал проектировать с начала 1946 года. Площадки под объекты-заводы плутониевого комбината под Кыштымом были утверждены решением Научно-технического совета Первого главного управления 13 июня 1946 года. Проектное задание предусматривало размещение предприятий завода № 817 общей площадью около 200 км² на южном берегу озера Кызылташ... В уральской тайге работали уже тысячи людей, когда девятого апреля тысяча девятьсот сорок шестого года вышло постановление Совета Министров СССР. В нем определялся весь комплекс мер по созданию атомной

⁶² Константин Панюшкин, репортаж программы «Время» Первого канала о мероприятии «Круглый стол в Курчатовском институте, посвящённый 70-летию создания советской атомной бомбы» от 17.09.19. («Выпуск программы «Время» в 21:00, 17 сентября 2019 года», сайт «Первый канал», <https://www.1tv.ru/news/issue/2019-09-17/21:00#>, 27 мин.00 сек – 27 мин. 15 сек. (вх. 20.09.19).

⁶³ Рустам Юнусов, «Операция «Энормоз». Нарышкин раскрыл секреты советских разведчиков и атомного проекта», сайт «ФедералПресс», 17 сентября 2019 г., <https://yandex.ru/turbo?text=http%3A%2F%2Ffedpress.ru%2Farticle%2F2317402&d=1> (вх. 21.09.19).

⁶⁴ «Ф-1(реактор)», Википедия, [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4-1_\(%D1%80%D0%B5%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%BE%D1%80\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A4-1_(%D1%80%D0%B5%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%BE%D1%80)) (вх. 21.09.19).

бомбы в СССР – от поиска месторождений урановых руд до испытания атомного оружия... Создавалась система особых конструкторских бюро в Москве, Ленинграде, Горьком, в которых разрабатывалось совершенно новое для нашей страны оборудование, приборы, технологические линии. Правительство поручило изготовление всего необходимого для завода № 817 лучшим машиностроительным заводам: Ижорскому, имени М. Фрунзе (г. Сумы), Кировскому, «Большевик» (Ленинград), Уралхиммаш (Свердловск), имени М. И. Калинина (Москва), имени Орджоникидзе (Челябинск) и другим».⁶⁵

«Оцифровать» весь этот комплекс работ «в сегодняшних ценах» не представляется возможным, но очевидно, что, если бы это удалось, цифры оказались бы одного порядка с американскими.

Так что, нисколько не принижая действительно героических усилий наших учёных, инженеров, рабочих и зеков, следует признать, что затраты на создание атомного оружия и в США и в СССР были сопоставимыми. А вот доля ВВП, затрачиваемая на это, в СССР была, вероятно, значительно больше, чем в США, поскольку ВВП США был значительно больше.

И это значит, что «средний айовский фермер» недополучил от государства в 1946 году значительно меньше благ, чем «средний смоленский колхозник». А нужна была государственная помощь «среднему смоленцу», разорённому войной, гораздо больше, чем и без государственной помощи достаточно благополучному айовцу. И это значит также, что М. Ковальчук, превознося заслуги курчатовцев, «забывает», чего они стоили смоленцам, псковичам, биробиджанцам и всем другим жителям Советского Союза.

Что же стоит за этой «забывчивостью»? Вероятно, вполне понятная попытка руководителя института представить героический вклад курчатовцев в историю советского атомного проекта, но в данном случае действительно достойный благодарной памяти коллектив ветеранов-атомщиков эту попытку вряд ли признает удачной...

Нужен консультант...

Рабочий пуск реактора «А-1» состоялся через два с половиной года, 19 июня 1948. И через несколько месяцев (вероятно, в октябре – ноябре), наконец, были получены богатые полонием облучённые «блочки» висмута (более 100 штук!) и нужно было извлечь из них полоний для изготовления инициатора плутониевой имплозивной бомбы.

Этим занялась З. В. Ершова, «русская мадам Кюри» в специально организованной лаборатории секретного НИИ-9.

⁶⁵ В.Н. Новоселов, В.С. Толстиков, «Тайны «Сороковки»», ИПП «Уральский рабочий», Екатеринбург, 1995, изд. 2, стр.138–140.

07.05. З. В. Ершова⁶⁶

Любопытно отметить, что в секретную «атомную лабораторию» З. В. Ершова попала в 1943 году по вызову Курчатова с должности директора свиноводческого хозяйства в Казахстане, где она находилась в эвакуации.⁶⁷

Вот что рассказано о работе З. В. Ершовой на сайте «История Росатома»:

«В 1948 году З. В. Ершова полностью переключается на полониевую тематику и создает новую лабораторию. Стоит проблема создания технологии получения больших количеств полония из облученного в реакторе металлического висмута. Полоний был необходим для нейтронных запалов атомного оружия. Под научным руководством З. В. Ершовой и Д. М. Зива была разработана технология, получившая название «мокрой». В 1948 году в лаборатории З. В. Ершовой создается полупромышленная установка для получения полония и изготовления нейтронных Po-Be источников. В первой отечественной атомной бомбе, испытанной в 1949 году, использовался полоний, полученный на этой установке».⁶⁸

⁶⁶ Источник фото: Марцинкевич Борис, «Начало атомной эры в СССР», информационное агентство «Regnum» <https://regnum.ru/news/economy/2294117.html> (вх. 03.02.20).

⁶⁷ «Ершова, Зинаида Васильевна», Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/Ершова,_Зинаида_Васильевна

⁶⁸ «Ершова Зинаида Васильевна (1904–1995)», сайт Росатома, http://www.biblioatom.ru/founders/ershova_zinaida_vasilevna/

То, что «мокрая технология» была основана на данных Жоржа, теперь не является секретом. Рассказывая о том, как в 1945 году З. В. Ершова получила первые слитки металлического урана, В. Лота пишет:

*«В последующие годы З. В. Ершова возглавит лабораторию, в которой на основе сведений, добытых в США «Дельмаром», будут произведены важнейшие компоненты для первой советской атомной бомбы».*⁶⁹

И в первом квартале 1949 года именно в её лаборатории все 100 блочков висмута, полученные из Челябинска, были переработаны, и из них в июне 1949 года были изготовлены четыре НЗ («нейтронный запал») для атомной бомбы.⁷⁰

Как видно из сопоставления дат, именно в середине 1948 года у З. В. Ершовой могла возникнуть необходимость консультаций с человеком, который имел личный опыт работы с полонием и знакомым с технологией его получения.

Задача, которую она должна была решить, была настолько важной и срочной, что Зинаида Васильевна могла просить Курчатова пригласить того специалиста, который дал информацию о методе получения полония. А Курчатов, в свою очередь, мог обратиться с такой просьбой к Берии. Ну, а Берия мог *попросить* об этом ГРУ ☺. Именно эта просьба, как мне кажется, и стала причиной резкой перемены Центра в отношении намерения Жоржа закончить свою командировку...

В пользу такого предположения говорит и тот факт, что З. Е. Ершовой нужно было не просто получить нужное для инициатора количество полония (50 кюри), но сделать это именно «по американской технологии», поскольку первую бомбу было решено делать как можно ближе к американской и по конструкции, и по технологии.

Ещё в 1946–1947 гг. Зинаида Васильевна организовала работу по извлечению полония из находившихся на длительном хранении в государственном фонде 50 ампул с бромидом радия. Но эта работа по химической сути не совпадала с технологией получения полония по американскому «оружейному полонию» и не было твёрдой уверенности, что это не скажется на характеристиках НЗ для атомной бомбы. Ведь в разведанных чётко говорилось – «полоний производится из висмута». И З. Е. Ершовой наверняка был нужен именно «американский консультант», а лучшего кандидата на эту роль, чем Ж. А. Коваль, представить себе трудно.

Раздумья и сомнения

Разумеется, он начал активно завершать свои дела и готовиться к долгожданному возвращению домой. Смутила только именно «неожиданность» приказа.

Жорж не мог знать об истинной причине этого экстренного вызова – необходимости его личного присутствия для консультаций З. В. Ершовой. Ведь он *абсолютно ничего не знал* о советском атомном проекте и не догадывался о значении для него тех сведений, которые он передал два года назад.

Поэтому, размышляя о причинах вызова в Москву и планируя в связи с этим свои действия, Жорж, конечно же, анализировал риски, связанные со своей личной безопасностью.

Он понимал, что ему нужно быть бдительным по отношению к сталинской действительности. Чего можно было ждать от НКВД, он знал по собственному опыту жизни в СССР в 1932–1940 годах. Но что творило в стране сегодняшнее (1948 год) МГБ СССР, ему, конечно, не сообщали по тем каналам связи, которыми он был связан с новой родиной.

⁶⁹ В.И. Лота, «Ключи от ада: Атомная эпопея тайного противоборства разведок великих держав», изд-во «Кучково поле», М., 2009, стр. 38

⁷⁰ М.П. Грабовский, «Атомный аврал», М., «Научная книга», 2001, стр. 112.

Однако он не был в абсолютном неведении. Нью-Йорк – это крупнейший информационный центр. Не знаю, насколько доступной в Нью-Йорке в это время была газета «Правда», и мог ли нелегал Коваль рисковать, приобретая или читая её в какой-то крупной библиотеке. Да и немного можно было извлечь из «Правды» даже обладая навыком чтения «между строк».

А вот книгу невозвращенца Виктора Кравченко «I Chose Freedom» («Я выбрал свободу»), изданную массовым тиражом в 1946 году в США и ставшую бестселлером,⁷¹ он, я думаю, всё-таки читал. Её можно было «безопасно» приобрести в любом книжном магазине.

Правда, читать её Жорж должен был так же, как мы в брежневские времена читали самиздат – тайно! Ведь опытный к тому времени конспиратор Коваль прекрасно понимал, что ни американцы, ни «наши» не должны были и догадываться, что он читает подобную литературу.

А в ней, среди прочего, прочёл Жорж и рассказ о том, что в начале войны

*«в одной Москве в первые шесть месяцев были расстреляны тысячи людей. Одного слова страха сомнения или страха отчаяния было часто достаточно, чтобы предстать перед военным трибуналом. Тысячи шпионов подслушивали и подсматривали в очередях за керосином, на базарах, в магазинах, театрах, вагонах трамваев, железнодорожных станциях за выражениями отчаяния, сомнения или критики. Каждый домовый комитет сообщал о своих жильцах, каждый служащий о своих начальниках. Дошло до того, что люди боялись сказать, что они голодны, чтобы не быть обвиненными в сомнении относительно мудрости Сталина».*⁷²

Читая такое, Жорж понимал, что «в очередях за керосином» наверняка стояла и его Мила, а в «Колхозе имени XVIII партсъезда» живут, согласно нынешней советской идеологической классификации, «безродные космополиты» – его отец, мать и старший брат. И у него невольно закрадывались опасения по поводу внезапного вызова и возможной его связи с судьбами и жены, и стариков-родителей, и старшего брата.

«Масла в огонь» подливали и впечатления от только что вышедшего на американские экраны фильма «The Iron Curtain»,⁷³ снятого по мотивам воспоминаний С. Гузенко о причинах своего бегства.

Гузенко в то время был самой яркой фигурой «атомного шпионажа» Советского Союза в глазах американской общественности. Конечно же, Жорж видел этот фильм. Но если «простой зритель», прежде всего, следил за перипетиями детективного сюжета, Жорж, которому «кухня» работы атомного разведчика была досконально известна из собственного опыта и потому «киношные страсти» вызывали только снисходительную «внутреннюю улыбку» (никому, впрочем, не видную ☺), гораздо внимательнее приглядывался к «второстепенным деталям» сюжета, оставшимся от статьи С. Гузенко⁷⁴ после работы официального автора сценария Милтона Кримса.

Гузенко был «свой, грушник», приехал в Канаду в 1943 году, был шифровальщиком и потому знал о реалиях тогдашней (в 1945 г.) «грушной жизни» в СССР очень хорошо. И Жорж

⁷¹ Свидетельство тому – выпуск этой книги в США и на немецком языке для распространения в Германии. «Одно из мероприятий: выпустить в продажу антисов. книгу Кравченко “Я выбрал свободу”. Издана в США на нем. языке» (Архив ФСБ, Дело 49701 т. 2 С/с по США, «14.11.47– Молотову В.М.» стр.127. Цит. по сайту «Wilson Center. Digital Archive International History Declassified», А. Васильев, «Yellow Notebook #4», стр. 144, <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112859> (вх. 27.04.19).

⁷² Виктор Кравченко, «Я избрал свободу», http://fanread.ru/book/4056749/file/?file=Kravchenko_Viktor_-_YA_izbral_svobodu&ext=epub&type=1&p=4&zip=0&code=0dab901f5fc37dac01703d9cb3f29600f148d75f

⁷³ «The Iron Curtain», художественный фильм, режиссёр Уильям Уэллман (William Wellman), сценарий Милтон Кримс (Milton Krims), студия Twentieth Century-Fox Film Corporation, выпуск 12.05.48, США (Wikipedia, «The Iron Curtain (film)» [https://en.wikipedia.org/wiki/The_Iron_Curtain_\(film\)](https://en.wikipedia.org/wiki/The_Iron_Curtain_(film))) (вх.05.04.20)).

⁷⁴ Igor Gouzenko, «I Was Inside Stalin's Spy Ring», 1947 articles in «Hearst's International-Cosmopolitan», цит. по «The Iron Curtain (film)» [https://en.wikipedia.org/wiki/The_Iron_Curtain_\(film\)](https://en.wikipedia.org/wiki/The_Iron_Curtain_(film)) (вх.05.04.20).

пытался выловить зёрна «эмоциональной истины» из клюквенного киселя сценария Кримса (Рациональную информацию он извлёк из оригинальной публикации Гузенко).

Его внимание могли привлечь явно печальная история майора Семёна Кулина, к сожалению, исковерканная сценаристом до карикатуры («Кулин вспоминает о своем отце-революционере, который выживает за счет конформизма»⁷⁵), отношение жён Кулина и Гузенко к работе мужей, шантаж судьбой родственников самого Гузенко при попытке «группы захвата» вернуть его в посольство в первый день после бегства, арест в СССР всех героев фильма, вернувшихся в СССР после успеха побега Гузенко.

Конечно, всё это было только эмоциональным сырьём, но, всё-таки, давало пищу для размышлений о последствиях возвращения в СССР.

К тому же, Жорж вряд ли знал что-то определённое о масштабах националистических фобий и опыте этнических репрессий в СССР во время войны. Официальная американская пропаганда поддерживала пропаганду своего советского союзника:

*«...в Америке, я слышал поразительную глупость – которой верили даже интеллигентные американцы – что в России, якобы, была «пятая колонна», и потому-то кровавые чистки мудро искореняли всех «изменников». Я читал этот очевидный абсурд в странной, полуграмотной книге бывшего посланника Джозефа Дэвиса, в легкомысленных писаниях других, которые считались экспертами в этом вопросе, несмотря на глубокое невежество в отношении природы сталинского режима и сталинской политики».*⁷⁶

Но о самом факте массовых депортаций в Советском Союзе немцев, финнов, и других национальных групп он, после прочтения книги Кравченко, не знать не мог:

*«Советские граждане немецкого происхождения, хотя бы и в очень отдаленных поколениях, были арестованы почти до последнего человека. Все население республики немцев Поволжья, почти полмиллиона человек, было выселено из района, где оно проживало почти от времен Екатерины Великой и рассеяно по Сибири и Дальнему Востоку. Затем пришла очередь поляков, балтийцев и многих других национальностей, которых не беспокоили до войны. Изоляторы и лагеря принудительного труда были набиты новыми миллионами».*⁷⁷

Что скрывалось за упоминанием «многих других национальностей, которых не беспокоили до войны»? Насколько опасно было быть евреем в это время в СССР, Жорж, конечно, не знал, но именно поэтому рассматривал такую опасность как серьёзную и думал о том, как её избежать.

Единственным живым примером для него был пример интернирования японцев в США.

«Президент Франклин Рузвельт санкционировал интернирование, подписав 19 февраля 1942 года Чрезвычайный указ № 9066, который разрешал военным властям определить «зоны выселения» и перемещать из них любых лиц. В результате, все граждане японского происхождения были насильственно выселены с тихоокеанского побережья, в том числе из Аляски а также Калифорнии и большей части Орегона и Вашингтона в лагеря для интернированных. В 1944 году Верховный суд США

⁷⁵ voencomuezd, «Маккарти Продакшнс представляет: «Железный занавес» (1948)», сайт «ru-klukva-ru.livejournal.com», 15.11.17:10.38 am, <https://ru-klukva-ru.livejournal.com/1828721.html> (вх. 05.04.20).

⁷⁶ Виктор Кравченко, «Я избрал свободу», сайт электронной библиотеки BooksCafe.net, https://bookscafe.net/read/kravchenko_viktor-ya_izbral_svododu-161085.html#p19 (вх. 27.10.19).

⁷⁷ Ibid.

*подтвердил конституционность интернирования, аргументировав это тем, что ограничение гражданских прав расовой группы допустимо, если того «требует общественная необходимость». В январе 1945 года законы о выселении были отменены».*⁷⁸

В ходе этой акции насильственному перемещению было подвергнуто около 120 тысяч японцев, из которых 62 % имели американское гражданство!⁷⁹ Если такое произошло в США на глазах Жоржа, то какую картину могло рисовать его воображение о возможном «переселении евреев» в сталинском Советском Союзе?⁸⁰

Поэтому, как мне думается, после «всемирной вспышки антисемитизма», полыхнувшей вслед за провозглашением Израиля, он решает подстраховаться и оттягивает завершение своих дел до тех пор, пока не получит личных писем и от жены, и из колхоза.

⁷⁸ «Интернирование японцев в США», Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/Интернирование_японцев_в_США (вх. 27.10.19).

⁷⁹ Ibid.

⁸⁰ О сегодняшнем восприятии этой страницы истории США рассказывает А.Ю. Лебедев: «Про японцев я могу тебе сказать со знанием дела. Я живу недалеко от концентрационного лагеря для японцев, там сейчас музей, в котором я был, и я про это слушал несколько радиопередач. Отношение к ней как к любой нелюбимой части истории: без отрицания, но и без большого раскаяния. Американское правительство предпочитает не упоминать. Тем не менее, сам лагерь Манзанар («Manzanar, National Historic Site California», <https://www.nps.gov/manz/index.htm>) это национальный парк с музеем, финансируется федеральным правительством. Судя по воспоминаниям очевидцев и экспозиции в музее, жилось там не плохо. Без особых репрессий и издевательств, но за территорию выходить нельзя. Хотя внутри были и школа и огороды и даже какая-то работа. Когда в конце войны его закрыли, не все захотели уезжать, потому что тут огород, а там неизвестно что. Тем не менее, были и совершенно дикие истории с японцами, которые делали себе пластические операции, чтобы избежать лагеря, соседями, которые на них доносили, арестами на улице, разбитыми семьями и т. д. Все как при Сталине, но в гораздо меньших масштабах и сильно мягче. Вне зависимости от официальной позиции, прогрессивная общественность считает это позорной страницей истории и не знает, что и как про это говорить. В любом случае, этот эпизод в истории никто здесь не считает значительным и большинство американцев про это ничего не знает. Этот национальный парк – наименее посещаемая достопримечательность, которую я видел в Штатах ☺» (А.Ю. Лебедев, e-mail от 26.10.19:21.14).

Преодоление сомнений, и снова – «Гуд бай, Америка!»

Анализ переписки матери и жены Ж. А. Ковалья летом и осенью 1948 года подтверждает эту версию.

Сохранилось письмо Этель Шенитской, матери Жоржа Абрамовича, к Л. А. Ивановой (Миле) от 12 сентября 1948 года. Рукопись, написанная старательным детским почерком «внучки-секретаря» (дочки Шай), пятиклассницы Гиты Коваль.

«Семейный секретарь» был нужен Этель, поскольку она не писала по-русски. Родным языком для неё был идиш, а «в быту» говорила и на русском, и на английском. И вот что она диктовала Гите:

«Пока за это время⁸¹ я получила два письма – одно от Жоржа и одно от Петрова.⁸² Жорж пишет несколько слов, что он здоров и он мечтает скоро увидаться, он просит, чтоб я ему ответила.

Сколько времени письмо шло я не знаю, потому что число не написано. Петров пишет, что он думает, что Жорж к празднику будет в Москве».⁸³

К этому есть приписка «секретаря» Этель – Гиты Коваль:

«Тётя Мила, мы получили письмо от дяди Жоржа, он пишет, что мы скоро увидимся».

Это значит, что письма от Жоржа и даже от «Петрова» читались и обсуждались открыто. Конечно, вполне возможно, что в присутствии детей с купюрами (писал-то Жорж по-английски). Но то, что Жорж был разведчиком, ни для кого из старших членов семьи секрета не представляло.

То, что Жорж, будучи на нелегальном положении, писал отдельно матери – факт примечательный. Это косвенно подтверждает версию о том, что всё семейство Ковалей тем или иным образом было причастно к его работе в разведке.

В данном случае удивительно только, что он просил мать ответить на это письмо.

Это очень важная деталь! Значит, он хочет, чтобы *до его возвращения* состоялась, по крайней мере, ещё одна встреча со связником-курьером из Москвы, который привезёт ему ответ матери.

Фактически, он ждёт встречи с представителем Центра для проверки выполнения условий «выхода из игры» агента Дельмара и утверждения окончательного плана возвращения...⁸⁴

⁸¹ Т.е. за время между получением предыдущего письма от Л.А. Ивановой в середине лета и написанием ответа на только что пришедшее письмо. Оно пришло на неделе от 6 (понедельник) до 11 (суббота) сентября. Причина задержки с ответом объясняется просто: «Я сразу не могла ответить потому, что мой секретарь занят – он ходит в школу и я должна ждать выходного» (Письмо Э. Шенитской Л.А. Ивановой, 12.09.48 г., ДСАЖАК). 12 сентября 1948 г. пришлось на воскресенье.

⁸² Куратор от ГРУ (или НКВД-МГБ?), через которого семья вела переписку с Жоржем.

⁸³ Письмо Э. Шенитской Л.А. Ивановой, 12.09.48 г., ДСАЖАК).

⁸⁴ Не исключаю также, что именно в это время Жорж имел встречу с кем-то из родственников (скорее всего, с Голдой или Гарри Гурштелями) для того, чтобы информировать их о своём отъезде и, соответственно с этим, для изменения их «легенды» при возможных вопросах со стороны ФБР. А то, что такие вопросы могли возникнуть, в ГРУ не исключали. Тамашские аналитики должны были прогнозировать, что после предательства Гузенко и успешного испытания нашей бомбы американцы предпримут серьёзные меры по зачистке своего атомного проекта от советской разведывательной деятельности. Подтверждение возможности такой встречи Жоржа я вижу в упоминающихся в материалах ФБР сведениях о каких-то поездках Жоржа в это время в Бостон и «на Средний Запад... в Канзас-Сити, штат Миссури». (Оцифрованная копия дела ФБР «George Abramovich Koval», https://archive.org/stream/GeorgeAbramovichKoval/George%20Abramovich%20Koval%20Part%2001%20of%204_djvu.txt (вх. 24.04.20)). В ГРУ справедливо полагали, что когда Жорж уедет, поддерживавшая его агентурная сеть должна сохраниться...

В связи с этим обращают на себя внимание показание миссис Гарднер, квартирной хозяйки, у которой он жил летом 1948 года, о двух визитах к Жоржу некоего седовласого господина с приятными манерами.

Вот что зафиксировали агенты ФБР о таинственном посетителе Жоржа летом 1948 года в своём отчёте о беседах 10 и 14 июня 1954 года с миссис Гарднер в рамках расследования «дела Жоржа». Цитата, достойная пера Конан Дойля в рассказе об очередном деле Шерлока Холмса:

*«В тот период, когда он <Жорж – Ю. Л.> жил здесь, он учился. Держал себя замкнуто, уходил редко и имел только одного посетителя, который приезжал, чтобы увидеться с ним. Это был коренастый седоволосый мужчина с короткой бородой, около шестидесяти лет, ростом около 5 футов и 7 дюймов <~ 170 см>, с иностранным (казалось, французским) акцентом, чисто одетый и с приятными манерами. Он навещал Коваля приблизительно два раза и был единственным его посетителем, которого знала миссис Гарднер».*⁸⁵

Всего несколько слов – «держал себя замкнуто...», «уходил редко...», но как ясно они отражают напряжение Жоржа в этот период! Он ждал решающих слов о положении дома.

Значит, уверенности в необходимости скорого возвращения у Жоржа не было. Но из самого факта получения матерью этого письма следует, что незадолго до отъезда из Америки у него была встреча с курьером из Москвы, на которой он и передал письма жене и родителям.

Содержание писем однозначно свидетельствует – возвращение Жоржа было не просто санкционировано руководством, но его торопили с возвращением и старались поскорее согласовать конкретный план этой операции.

Насколько «незадолго» до возвращения возник и обсуждался этот план, судить трудно, но, вероятно, за несколько месяцев до начала его осуществления в октябре – курьер уже не позже, чем в середине лета был в Москве и передал письмо с известием о возможном скором возвращении жене Жоржа.

Настойчивость Центра в вопросе о скорейшем возвращении Дельмара важно подчеркнуть вот почему.

Бытует мнение, что Жорж Абрамович вернулся из «командировки» поспешно и даже без согласования с руководством. И обсуждают такую версию отъезда Коваля из Америки люди не случайные. Вот отрывок из моей беседы с Г. М. Семёновым, работавшим с Жоржем Абрамовичем с 1960 года:

«Ю.Л.: ...В феврале 1964 года Жоржа Абрамовича принимают в партию. А вернулся он в 1948. Почему, как Вы думаете, между этими датами такой большой интервал?»

*Г.М.С.: Это сложный вопрос... Мы тут толковали об этом с некоторыми ветеранами... И сложилось впечатление, что вернулся он в 1948 году без согласия своего тогдашнего начальства, что и породило долгосрочные проблемы и сложности его обустройства здесь...»*⁸⁶

Письмо Жоржа к отцу и матери в колхоз с просьбой дать ответ на него «залежалось» в Москве. Вероятно, потому, что проходило изучение как в ГРУ, так и в МГБ, которые искали

⁸⁵ Отч. ФБР1, стр.66–67. В подлиннике: «Koval was attending school during the period he stayed there, that he kept very much to himself, going out infrequently, and had only one visitor who used to come to see him. This men was in his sixties, had gray hair, stocky build, foreign accent, appeared to be of French nationality, was about 5 7" tall, cleanly dressed, nicely mannered, and were a regular short beard. He visited Koval about two times and was the only visitor Koval had to Mrs. Gardner's knowledge».

⁸⁶ «Беседа 11.11.13 с Геннадием Михайловичем Семеновым, д.т.н., проф. кафедры ОХТ РХТУ им. Д.И. Менделеева», личный архив автора.

в нём «тайный смысл», поскольку Жорж явно затягивал возвращение этой своей просьбой ответа от матери.

И нужно было решить, идти ли «на поводу» у Дельмара, организовав ещё одну командировку курьера в США для доставки ему материнского письма, или какими-то другими методами понудить Жоржа к скорейшему возвращению.

К тому же стоит напомнить, что в это время кроме ГРУ и МГБ, в «игре» участвовало ещё одно ведомство – КИ при Совете Министров СССР. Более того, именно КИ и руководил обеими разведками и окончательные решения принимались там.

Трудно сказать, насколько вопрос о возвращении Дельмара был достоин обсуждения на столь высоком уровне, но мы пока почти ничего не знаем о «дипломатическом аспекте» работы Жоржа, а именно дипломаты стали играть определяющую роль в работе КИ – вскоре он вообще перешёл в административное подчинение МИДа.⁸⁷

Столь сложная система отношений в руководстве разведкой порождала путаницу в оперативных вопросах (мы видели это на примере Нью-Йоркской резидентуры ПГУ НКГБ по вопросу о тайниках и ядах в Генеральном Консульстве в Нью-Йорке⁸⁸).

Поэтому и уровень обсуждения вопроса о возвращении Жоржа, и мотивации этого обсуждения нам неизвестны, но итог ясен – ещё один курьер всё-таки отправился за океан с тетрадным листком, на котором пятиклассница Гита писала под диктовку бабушки Этель письмо дяде Жоржу. Вероятно, в нём Гита с удовольствием сообщала, что и бабушка, и дедушка, и папа, и мама, и она, и её сестрёнка Гала, и вообще все «деревенские» будут рады встрече с ним.

Пока же в высоких кабинетах шли дебаты о форме реакции на «возможный демарш» Жоржа,⁸⁹ Людмила Александровна успела получить ответ от Этель на свое письмо родителям Жоржа о его возможном возвращении.

И случилось это до того, как в колхоз пришло, наконец, письмо от самого Жоржа с тем же известием. В ответе Этель говорилось:

*«Здравствуй, дорогая дочка Мила! Долго, долго ждали мы от тебя писем. Твоё письмо было неожиданным. Две радости принесло это письмо, которое мы от тебя получили. Первая радость это <то>, что я получила от тебя письмо, а вторая радость то, что должен приехать мой любимый сын Жорж. Мила, я тебя прошу написать, что писал Жорж, когда он должен приехать домой и в каком месяце. Я сама от Жоржа давно, давно ничего не слышала, ещё с марта месяца 1947 г. Я от Петрова тоже давно ничего не слышала».*⁹⁰

Ссылка на последнее письмо от марта 1947 г. означает, что, по крайней мере, до марта 1947 г. Жорж вёл активную работу и её результаты передавал в Москву по каналам самой надёжной связи – через связника-курьера.

Это означает также, что уже год с лишним у него не было связи с родными, и потому опасения по поводу их судьбы к лету 1948 года были вполне обоснованы. И «Петров» должен был понимать мотивы беспокойства Дельмара и его настойчивое желание получить письмо из колхоза.

⁸⁷ В.М. Молотов руководил КИ с 30 мая 1947 г. по 4 марта 1949 г. («Комитет информации», Википедия, [https://ru.wikipedia.org/wiki/Комитет_информации_\(вх.28.05.19\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Комитет_информации_(вх.28.05.19))).

⁸⁸ Архив ФСБ, Дело 35112 т.3 (46–48 г.г.), стр. 185. Цит. по сайту «Wilson Center. Digital Archive International History Declassified», А. Васильев, «White Notebook #1», стр. 83, [https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112564_\(вх.08.04.19\)](https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112564_(вх.08.04.19)).

⁸⁹ Думаю, что в атмосфере «борьбы с космополитизмом» было обращено особое внимание на большую роль «еврейского фактора» в процессе легализации и работы агента Дельмара. И потому в этом анализе рассматривались и «сионистские» мотивы возможного поведения Жоржа.

⁹⁰ ДСАЖАК, Письмо Э. Шенитской к Л.А. Ивановой, без даты.

В приписке к этому письму Гита сообщает, что она только «перешла в пятый класс», а в сентябрьском письме она уже сетует на то, что тяжело ходить в пятый класс. Значит, письмо из Москвы от Л. А. Ивановой было получено в июле – августе 1948 г., а встреча Жоржа со связником произошла не позднее начала лета 1948 г.

Вероятно, на этой встрече и обсуждался первоначальный план возвращения Жоржа. План был согласован, курьер уехал (а, скорее, уплыл) в Европу, а Жорж остался и готовился выполнять этот план. Выполнять его он мог в двух вариантах – если будет письмо из дома, и если его не будет...

Поэтому он и не написал домой в начале лета, что скоро вернётся, а только о том, что он «мечтает скоро увидеться». А уж Гита могла трактовать услышанное от бабушки по-своему, так, как хотелось ребёнку – утвердительно. Да и обещание «Петрова» тоже не абсолютно – он ведь только «думает, что Жорж к празднику будет в Москве», а как там получится на самом деле, дескать, будет видно. Но всё «сложилось».

Очень ярко, в стиле Хемингуэя, описывает миссис Гарднер, отъезд Жоржа.

*«Он встал утром в день отъезда, собрал чемодан и ушёл, заявив, что отправляется в Европу».*⁹¹

Жорж спешил в порт, где его ждала «Америка», третье – и последнее! – судно, на котором он отправился в трансокеаническое плавание и навсегда покинул ту страну, которая была для него «мать-и-мачехой», и которая так и не поняла, что он не предал её своей работой на новую родину, а спас от клейма ядерного Люцифера.

07.06. Пароход «Америка» уходит из Нью-Йорка.⁹²

⁹¹ Отч. ФБР1, стр.66

⁹² Источник иллюстрации: «S.S. United States, the World's Fastest Ocean Liner, May Sail Again», сайт «Moss and Fog», <https://mossandfog.com/s-s-united-states-the-worlds-fastest-ocean-liner-may-sail-again> (вх. 26.02.20).

А в это время в Москве...

Пока шла вся эта переписка с Центром, Жорж читал в местных газетах об образовании государства Израиль и стремительном признании его Советским Союзом, о разразившейся войне за независимость и помощи, которую СССР оказывал израильтянам.

Казалось бы, он должен был радоваться за свой древнейший народ, но его чутьё разведчика, питаемое не тайным чтением советских газет с их призывами бороться против «космополитизма» и «низкопоклонства перед упадочной буржуазной культурой», а простым анализом американской прессы, уделявшей политике Советского Союза достаточно внимания, подсказывало ему – «Something is rotten in the state of Denmark...».⁹⁵

И не только «по еврейскому вопросу». Чего стоило одно известие о том, что 24 июня 1948 года СССР начал блокаду Западного Берлина, перекрыв все наземные и речные пути в город. Снабжение города осуществлялось всем необходимым по воздушному мосту, который организовали США и Великобритания.

Так что, «глядя со стороны», Жорж имел более адекватное понимание проблем, стоявших «там-и-сейчас» в СССР.

А в Москве далеко не все евреи понимали, как трактует понятие космополитизма Сталин и как им следует вести себя по отношению к Израилю. Многие наивно полагали, что признание Израйля – это долгожданная индульгенция еврейству и проявление великодушия советской власти: если тебе не нравится то, как у нас решаются национальные проблемы, если ты настолько равнодушен к родным берёзкам, что готов их променять на синайские пески и болота Палестины, собирай чемодан и езжай на свою «историческую родину». Выбор за тобой.⁹⁶

Но очень скоро жизнь «вправила мозги» таким наивным идеалистам.

*«В июне 1948 года Голда Меерсон была назначена первым послом Израйля в СССР и 3 сентября прибыла в Москву. Занимала этот пост до марта 1949 года... В период пребывания Голды Меерсон на посту Посла Израйля в Москве были закрыты Еврейский Антифашистский комитет, газета «Эйникайт», издательство «Дер Эмес», арестованы крупнейшие деятели еврейской культуры, их книги изъяты из библиотек».*⁹⁷

Наиболее известные события, связанные с пребыванием Голды Меир в Москве, практически до дней совпали с возвращением Жоржа в Москву в октябре 1948 года.

Вот как описывает их известный историк Жорес Медведев.

«Поскольку ЕАК в 1946–1947 годах стал постепенно защищать, прежде всего, интересы евреев, стремившихся к культурной автономии, а не к ассимиляции, то конфликт этого комитета с политической властью стал неизбежен. Появление в Москве посольства Израйля и Голды Меир, как первого израильского дипломата, ускорило конец ЕАК. 4 октября 1948 года Голда Меир с группой израильских дипломатов приехала в

⁹⁵ W. Shakespeare, «Hamlet», act I, sc. 4 (Подгнило что-то в Датском государстве...)

⁹⁶ Не касаясь подробностей трагической истории российской еврейской общины и эмиграции евреев из России и СССР, приведу только несколько цифр динамики изменения численности «российских евреев». На рубеже XX столетия в Российской империи проживало более 5 млн. евреев, а во всем мире тогда было меньше 11 млн. евреев. В 1959 г. в СССР проживало 2,28 млн. евреев, в 1970 – 2,17 млн., в 1979 – 1,83 млн., в 1988 – 1,48 млн. (из них 570 тыс. в РСФСР). В настоящее время в России проживают около 165 тыс. евреев (из них ок. 55 тыс. в Москве и ок. 25 тыс. в СПб). Данные приведены в интервью писателя и литературоведа, профессора Бостонского колледжа Максима Д. Шраера (Maxim D. Shraayer) Егору Сенникову. («Евреев все меньше в науке, медицине, театре и кино, литературе и искусстве России», сайт «Republic Weekly», 09.02.19, https://republic.ru/posts/93018?utm_source=republic.ru&utm_medium=email&utm_campaign=morning (вх. 18.04.20)).

⁹⁷ «Меир, Голда», Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/Меир,_Голда

еврейскую синагогу в Москве по случаю празднования еврейского Нового года. Ее возле синагоги приветствовала огромная демонстрация евреев, насчитывавшая по некоторым подсчетам около 10 тысяч человек, а по заявлениям самой Голды Меир – до 50 тысяч человек. Через неделю, 13 октября 1948 года, Голда Меир снова посетила московскую синагогу по случаю еврейского праздника Йом Киппур, и массовая еврейская демонстрация снова повторилась. В большинстве репортажей об этих демонстрациях, появившихся в западной прессе, они представлялись как «стихийные». В Израиле и в сионистских организациях США и других стран эту неожиданную солидарность московских евреев с государством Израиль воспринимали как желание еврейского народа к массовой эмиграции из стран своего временного проживания».⁹⁸

07.07. Голда Меир (в центре кадра в круге) 4 октября 1948 г. в Москве.⁹⁹

Ж. Медведев попытался разобраться в причинах этих событий. Мне кажется, что его анализ убедителен. Приведу обширную цитату из его книги «Сталин и еврейская проблема. Новый анализ», где он пишет:

«В августе состоялась погромная сессия сельхозакадемии (ВАСХНИЛ) против генетики и псевдоученый, и шарлатан Трофим Лысенко получил монополию во всех областях биологии и сельскохозяйственной науки. Тысячи

⁹⁸ Жорес Медведев, «Сталин и еврейская проблема. Новый анализ», глава «Судьба Еврейского антифашистского комитета», цит. по http://scepsis.net/library/id_1648.html

⁹⁹ Источник фото: Мартин Крамер, «Кто спас Израиль в 1947 году?», журнал «Лехаим», 18.04.18, <https://lechaim.ru/academy/kto-spas-izrail-v-1947-godu> (вх.03.02.20).

ученых и преподавателей увольнялись по всей стране. В Москве эти увольнения и исключения проводились особенно широко и распространялись не только на профессоров и преподавателей, но и на аспирантов и студентов. Производились и аресты, пока немногочисленные, но все ожидали худшего. Настроение интеллигенции было мрачное и напуганное. Можно поэтому задать простой вопрос: была ли в этих условиях возможна стихийная и массовая демонстрация десятков тысяч евреев возле синагоги и по случаю посещения ее Голдой Меир? Пока никто не предложил рационального объяснения этим двум демонстрациям. Особенно странной выглядит вторая демонстрация 13 октября, так как после 5 октября 1948 года в стране был неофициальный траур по случаю гибели более ста тысяч человек от землетрясения в Ашхабаде. Столица Туркмении была полностью разрушена...

Не дал убедительного объяснения этим демонстрациям и Г. В. Костырченко, автор недавнего, наиболее обстоятельного исследования антисемитизма в СССР. По его мнению, празднование еврейского Нового года «вылилось во внушительную демонстрацию еврейского национального единства», а праздник 13 октября был стихийным проявлением религиозности.

«В тот день главный раввин С. М. Шлифер так прочувствованно произнес молитву «На следующий год – в Иерусалиме», что вызвал прилив бурного энтузиазма у молящихся. Эта сакральная фраза, превратившись в своеобразный лозунг, была подхвачена огромной толпой, которая, дождавшись у синагоги окончания службы, двинулась вслед за Меир и сопровождавшими ее израильскими дипломатами, решившими пройти пешком до резиденции в гостинице "Метрополь"». [80]¹⁰⁰

Об этой многотысячной демонстрации евреев через весь центр Москвы, впереди которой шли Голда Меир и группа иностранных дипломатов, в советских газетах не было никаких сообщений. Иностранная пресса, особенно пресса Израиля, была полна сенсационными репортажами. Московские еврейские демонстрации вызвали ликование в сионистских кругах в США. В Москве в советское время ни до октября 1948 года, ни после никаких стихийных демонстраций по любому поводу больше не было. Интересно отметить, что московские службы правопорядка, и прежде всего милиция, отсутствовали в районе манифестаций. Министерство внутренних дел СССР, которое отправляло Сталину рапорты о всех основных неожиданных событиях, независимо от того, работал ли он в Кремле или отдыхал на юге, 5 октября 1948 года не посылало ему никаких рапортов. Предыдущий рапорт Сталину касался задержания В. А. Витковского, который пытался в Новороссийске «подняться по якорной цепи на уругвайский пароход». [81]¹⁰¹.

С 6 октября Сталину шли ежедневные рапорты об усилиях МВД СССР по ликвидации последствий землетрясения в Ашхабаде. О демонстрации в Москве 13 октября, 1948 года МВД СССР Сталину также не рапортовало. Молотов, как министр иностранных дел СССР, получал от МВД рапорты другого типа (а также копии рапортов Сталину), касавшиеся неожиданностей, имевших какое-то отношение к МИДу. 2 октября 1948 года

¹⁰⁰ Костырченко Г.В., «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм», М., Международные отношения, 2001 г., стр. 413–414.

¹⁰¹ Архив новейшей истории России, "Особая папка" И.В. Сталина, Том I, стр. 268. <Так в цитате – Ю.Л.>

МВД СССР направило Молотову рапорт «О нападении вооруженной банды на конвой охраны треста № 5 в Синьдзяне», а затем, уже 13 октября, о переходе границы солдатом турецкой армии. О демонстрации евреев в Москве и о необычном поведении посла Израиля Голды Меир Молотов никаких рапортов не получал [82]¹⁰². Наибольшее число рапортов МВД получал в 1948 году Берия, так как именно он был ответственным в Политбюро за работу Министерства внутренних дел СССР. Каждый день в октябре 1948 года на стол Берии ложилось от трех до семи рапортов, иногда о тривиальных делах вроде обеспечения какого-либо гулаговского предприятия лесоматериалами, также производившимися в Гулаге, иногда о неожиданных событиях, требующих расследования, например о взрыве на газопроводе Дашава – Киев. Но о демонстрациях в Москве по случаю посещения Голдой Меир еврейской синагоги Берии никто не рапортовал [83]¹⁰³. Из этого непонятного молчания и прессы, и московской милиции по поводу событий в Москве, которые обратили на себя внимание основных западных газет, можно сделать бесспорный вывод о том, что ни для Сталина, ни для Молотова, ни для Берии массовые еврейские демонстрации в Москве, выразившие солидарность с Израилем и его послом, не были неожиданными. Это, в свою очередь, говорит о том, что эти демонстрации были, по-видимому, организованы самими властями. Для Сталина, а возможно и для МГБ, решивших ликвидировать ЕАК и арестовать активистов этой уже ненужной еврейской организации, был необходим какой-то убедительный повод для такой расправы. Демонстрации в Москве 4 и 13 октября обеспечили этот повод. ЕАК не участвовал в организации этих демонстраций. По заключению Г. В. Костырченко, тщательно изучавшего все архивы ЕАК и свидетельства членов его руководства, верхушка ЕАК и в частности его новый председатель Фефер понимали, что за демонстрациями в Москве последуют серьезные кары. «Этого нам никогда не простят», – так формулировал Фефер возможную реакцию властей [84]¹⁰⁴. Но и Фефер, несмотря на свой партийный и агентурный опыт, очевидно, не догадывался, что эти совершенно необычные для советской действительности манифестации были спровоцированы самими властями.

*Еврейский антифашистский комитет был формально распущен 20 ноября 1948 года».*¹⁰⁵

Разумеется, приведённые выше примеры – только небольшая часть того айсберга фактов, который сегодня описан историками, и совсем уж ничтожная доля действительных событий 1948 года, связанных с кампанией «борьбы с космополитизмом».

Какую же цель (помимо разного рода «аппаратных разборок») преследовало советское руководство, осуществляя эту кампанию»? Вот мнение известного российского историка и писателя А. В. Голубева:

¹⁰² Архив новейшей истории России, "Особая папка" В.М. Молотова / Под ред. Козлова В.А. и Мироненко С.В. // Из материалов Секретариата НКВД-МВД СССР 1944–1956: Каталог документов. М., Благовест, 1994. Том II., стр. 136–137. <Так в цитате – Ю.Л.>

¹⁰³ Архив новейшей истории России, "Особая папка" Л.П. Берии / Под. ред. Козлова В.А. и Мироненко С.В. // Из материалов Секретариата НКВД-МВД СССР 1946–1949: Каталог документов. М., Изд. отд. федеральных архивов, 1996. – Том IV, стр. 455–459.

¹⁰⁴ Костырченко Г.В., «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм», М., Международные отношения, 2001 г., стр. 414.

¹⁰⁵ Жорес Медведев, «Сталин и еврейская проблема. Новый анализ», глава «Судьба Еврейского антифашистского комитета», цит. по http://scepsis.net/library/id_1648.html

*«В первые послевоенные годы советское руководство активно пыталось свести к минимуму последствия знакомства многих советских людей с повседневной жизнью Запада (отсюда – идеологические кампании конца 40-х – начала 50-х годов, в том числе «борьба с космополитизмом»».*¹⁰⁶

Солидарен с ним и мой компетентный источник:

*«... в войну, как это ни парадоксально, люди, особенно офицерский состав, почувствовали себя свободными людьми, от которых многое зависит. Кроме того, миллионы советских людей увидели пусть и разрушенную, но другую жизнь, которая заметно отличалась от того, что они видели дома. Т. е. здесь был примерно тот же эффект, что в 1812 г., только по масштабам и силе, во много раз больше. Иосиф Виссарионович просто не стал дожидаться появления декабристов, и нанес упреждающий удар. Поскольку этот удар можно было наносить только в условиях нового витка военной истерии, то она и была запущена. Евреи, как интермедиаторы, должны были быть зачищены, что и было сделано».*¹⁰⁷

С этой точки зрения в «огосударствлении» антисемитизма не было ничего личного, и был он не проявлением чувств, а только одним из инструментов государственной политики, исторически необходимым для сохранения существовавшего тогда общественного строя.

Но как должен был воспринять всё это только что вернувшийся из США, а потому хорошо знакомый с «повседневной жизнью на Западе», активный разведчик-нелегал «еврейской национальности» американского происхождения с почти 10-летним опытом ежедневного анализа окружающей социальной среды?

Человек из тех советских людей, кто «своим кровным родством с древнейшим народом гордился и радостную открытость трагическому нашему миру, нестигаемый романтизм носил в крови»?

К тому же, «информацию к размышлению» имевший не только от родных и близких, не только из кратких наблюдений московской жизни, но и из реалий общения – от официальных до «разговоров в курилке» – со своими коллегами по ГРУ на Знаменке.

Кстати, о его наблюдениях московской жизни. Можно представить себе, как реагировали «простые москвичи», знавшие из газет и политинформаций о злонамеренном коварстве «американских сионистов», на случайный разговор с Жоржем где-то на улице, в очереди к магазинному прилавку, к врачу в поликлинике, в трамвае, метро, на трибуне футбольного стадиона и т. п., на его чудовищный акцент и ошибки в разговорной речи! Не удивлюсь, если где-то в архивах МВД окажутся письменные «сигналы» о таких контактах.

Сам Жорж ощущал эту реакцию весьма остро. Это видно из такого его замечания в письме к жене почти через год после своего возвращения:

*«Ты бесконечно права на счет изучения русского языка. **Берусь!** Одна просьба: приедешь – помоги. Главное – беспощадное разоблачение моих ошибок в письме **и в разговоре**, не терпеть ошибок и все!».*¹⁰⁸

¹⁰⁶ Голубев А.В., ««Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920-1940-е гг.», Кучково поле, М., 2008 г., цит. по <http://istmat.info/node/47273>

¹⁰⁷ Компетентный источник, e-mail от 18.06.17:16.52.

¹⁰⁸ Осенью 1949 года Людмила Александровна ездила в санаторий в Серноводск. Во время этой поездки они с Жоржем регулярно переписывались. Данная цитата взята из письма Жоржа от 10 сентября 1949 г. (ДСАЖАК). Сохранены орфография и подчёркивания. Особенно важно, что Жорж подчёркивает необходимость совершенствования своей устной речи на русском языке. В 1948–1949 гг. это было особенно актуально. Свои обязательства Жорж выполнил. Его устная речь стала грамматически правильной. Но ему не удалось избавиться от акцента, который в последующем стал его фонетической «визитной карточкой», о которой вспоминают все общавшиеся с ним.

Остро воспринимала ситуацию и его Мила. Много лет спустя она рассказывала В. И. Коваль о том, как она боялась за Жоржа:

«Тогда тебя, если ты еврей, могли просто остановить на улице и то ли гадость сказать, то ли вообще избить...»¹⁰⁹

А как, по законам психологической рефлексии, он должен был восприниматься руководством и коллегами ГРУ? Жорж был уже опытным конспиратором, но и в ГРУ работали не дилетанты. То, что творилось в душе Дельмара, для профессионалов ГРУ не могло быть секретом.

История с письмом матери – чем бы она ни являлась «на самом деле», и как бы Жорж ни объяснял её руководству ГРУ по возвращении, не могла не вызвать и в ГРУ, и в МГБ и в КИ подозрения о том, что Жорж... не то, чтобы планировал, но, по крайней мере, колебался – возвращаться ли ему в СССР или, подобно Кравченко, остаться и «выбрать свободу»? Возникновение этих подозрений было неизбежным при любой «политической погоде», однако в конце 1948 – начале 1949 года они были особенно опасны для Жоржа.

Дело в том, что подозрения в наличии у Жоржа «невозвращенческих настроений» совпали с проходившем в Париже судом, на котором невозвращенец Кравченко обвинил в диффамации редактируемую Луи Арагоном французскую прокоммунистическую газету «Les Lettres français» и выиграл процесс!

Сегодня информация об этом процессе общедоступна:

«Продолжительный судебный процесс, проходивший в 1949 году в Париже, был назван «процессом столетия» из-за своего масштаба. На процессе давали показания сотни свидетелей: со стороны Кравченко выступали свидетели, пережившие советские лагеря, а со стороны коммунистов такие знаменитости, как настоятель Кентерберийского собора, Фредерик Жолио-Кюри и Жан-Поль Сартр. Чтобы опорочить Кравченко, советские власти даже привезли во Францию его жену и сослуживцев, чтобы они дали показания против него. Однако Кравченко выиграл этот процесс благодаря показаниям многочисленных свидетелей из числа беженцев из СССР, представлявших все слои населения (включая вдову репрессированного немецкого коммуниста Гейнца Неймана Маргариту Бубер-Нейман, выданную советской стороной гестапо в 1940 году).

Дело Кравченко началось слушанием 24 января 1949 г. Предполагалось, что оно продлится 9 дней. Оно закончилось 22 марта, после 25-го заседания. Приговор был вынесен через 10 дней.¹¹⁰

Существует мнение, что сам процесс нанёс ещё больший урон советской пропаганде, чем собственно книга Кравченко».¹¹¹

Но тогда, в начале 1949 года, о процессе Кравченко знали только в высших эшелонах власти и, конечно, разведки. Процесс затягивался и, несмотря на серьёзные усилия со стороны НКВД, протекал неблагоприятно для советского руководства, что вызывало раздражение Берии.

¹⁰⁹ Беседа с В.И. Коваль 17.11.13, архив автора.

¹¹⁰ Берберова Н.Н., «Дело Кравченко», <https://document.wikireading.ru/64726>

¹¹¹ «Кравченко, Виктор Андреевич (невозвращенец)», Википедия, [https://ru.wikipedia.org/wiki/Кравченко,_Виктор_Андреевич_\(невозвращенец\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Кравченко,_Виктор_Андреевич_(невозвращенец))

07.08. В. Кравченко на суде в Париже, 1949 г.¹¹²

И, в связи с этим, выявляется одна «тонкая паутинка» в ветвлении альтерверса Жоржа. В ней подозрения о наличии у Дельмара «невозвращенческих настроений» получили какие-то доказательства (скажем, более «сообразительным» и более подлым был кто-то особо «завистливый» – хоть бы «Яго из ГРУ»!) и это дало повод для предания Жоржа суду.

Дело, естественно, рассматривала военная прокуратура (Жорж Коваль был военным разведчиком!). В 1949 году она располагалась на Тверском бульваре, в бывшем особняке знаменитого винозаводчика П. П. Смирнова, сына П. А. Смирнова, основателя, как теперь говорят, бренда водки «смирновка». И слушалось в Романовском зале этого особняка, в котором и проводились все судебные заседания военной прокуратуры.

Ассоциация, которая породила у меня интерес к этой практически невесомой ворсинке альтерверса Жоржа, связана с тем, что в этом зале над дверью, связывающей Романовский зал с соседним Аванзалом, архитектор Федор Шехтель поместил белокаменный барельеф, изображающий «битву тощей собаки с тощим драконом»:

¹¹² Источник фото: «Текст о Красной Армии из анархистского журнала «Дело Труда», сайт Nihilist.Li, <https://www.nihilist.li/2015/07/06/tekst-o-krasnoj-armii-iz-anarhistского-zhurnala-de-lo-truda/> (вх.03.02.20).

07.09. Барельеф в Романовском зале дома П. П. Смирнова.¹¹³

Как замечает историк Александр Можаяев, «Мрачный и торжественный Романский зал с его химерами стал прекрасной декорацией для судебных заседаний».¹¹⁴ А в нашем случае эта «мрачная декоративность» была ещё и парадоксальной. Дело в том, что один из реставраторов Романовского зала архитектор Дмитрий Журавлёв предложил такую интерпретацию смысла этого барельефа:

*«...дракон и собака – известный масонский символ противостояния мира реального и мистического, их битвы за человека».*¹¹⁵

Как видим, обе – и страшная реальность тощей собаки, и ужасная мистика костлявого дракона – у Шехтеля представлены в крайней степени истощения: их противостояние длится со дня «сотворения мира» и победу одержать не может ни одна из сторон.

В случае суда над Жоржем в этом ветвлении его альтерверса парадокс заключается в том, что, как было показано в предыдущей главе, во время начала своей работы в 1940 году в Нью-Йорке он жил в доме, принадлежавшем общине, тесно связанной с масонами. И тамошние символы были гораздо оптимистичнее – циркуль и наугольник. Получается, что в Америке масонство покровительствовало Жоржу, а в Москве покровительствовало его гонителям.

Конечно, такая ассоциативная связь есть не что иное, как моя «эвереттическая спекуляция». У читателя другой «мировоззренческой ориентации» возникнут другие ассоциации о связи дома П. П. Смирнова с биографией Жоржа и промелькнут иные волокна его альтерверса.

Например, ворсинка, в которой студент Коваль в 1934–1936 гг. любит великолепным протяжённым фасадом этого особняка (уже тогда занятого Военной прокуратурой), пробегая мимо него со своей Милой на сеанс в кино или на спектакль театра ВЦСПС А. Д. Дикого в расположенное в «шаговой доступности» от Менделеевки (для молодых-то ног ☺...) здание кинотеатра «Колизей» на Чистопрудном бульваре. При этом его совершенно не интересует то, чем занимаются люди в здании с таким красивым фасадом.

Но ни парижский процесс (ни, тем более, какой-то суд над «предателем Ковалем» в рассмотренном волоконец альтерверса) не были самой большой «головной болью» Лаврентия Павловича в начале 1949 года. Гораздо больше его волновало то, что срывались сроки готовности первой атомной бомбы. Атомная тематика была для него главной в это время. Среди потока документов, которые ежедневно ложились на его стол, именно «атомные» он читал с особым вниманием.

Тому были серьёзные основания. Дело в том, что именно в начале 1949 года международное положение обострилось настолько, что опасность случайного военного конфликта в Европе, мгновенно перерастающего в Третью мировую войну, стала вполне реальной. А Третья мировая – это атомная война...

Краткое описание эволюции состояния международных отношений в нашей ветви альтерверса, приведшей их к 1949 году на грань новой войны, сводится к следующему.

Совместная Победа во Второй мировой войне породила международную эйфорию:

¹¹³ Источник фото: Архив автора. Фото Ю.А. Лебедева.

¹¹⁴ Александр Можаяев, «Место в истории», сайт «Архнадзор», 30 мая 2007 г., <http://www.archnadzor.ru/2007/05/30/mesto-v-istorii> (вх. 28.01.19).

¹¹⁵ Ibid.

07.10. Почтовая марка СССР 1943 г.¹¹⁶

Но эта эйфория быстро остывала. В 1946 году, после предвыборной речи Сталина 9 февраля и фултонской речи Черчилля 5 марта она уже практически испарилась, и международные отношения перешли в состояние «остывающего мира». А после Лондонского совещания Англии, Франции, США и стран Бенилюкса¹¹⁷ 23 февраля – 6 марта 1948 года, фактически заложившего основы создания ФРГ, и, последовавшего в ответ на её решения демонстративного выхода СССР из Союзнического Контрольного совета¹¹⁸ 20 марта 1948 года, они уже вполне адекватно описываются термином «холодная война».

А на войне как на войне...

*«В период между 31 марта и 10 апреля 1948 года СССР потребовал, чтобы все поезда, идущие в Берлин из западных зон, подвергались досмотру. Впоследствии, 12 июня, из-за ремонтных работ было прекращено дорожное сообщение с Западным Берлином, затем 21 июня прекратилось речное сообщение, и 24 июня – по «техническим причинам» – железнодорожное сообщение».*¹¹⁹

Началась транспортная блокада Западного Берлина. Запад ответил организацией «воздушного моста». Началась финансовая война – Запад ввёл свою «оккупационную валюту», Советский Союз – свою. Берлин выживал за счёт воздушных поставок и невероятно расцвет-

¹¹⁶ Источник изображения: «Антигитлеровская коалиция», Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/Антигитлеровская_коалиция (вх. 16.01.20). Обращает внимание строгая политкорректность Сталина в конструировании термина «англо-советско-американский боевой союз» – стороны перечислены в порядке вступления в войну с Германией.

¹¹⁷ «Лондонское совещание шести держав», Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/Лондонское_совещание_шести_держав (вх. 16.01.20)

¹¹⁸ Коллективный орган СССР, США, Англии и Франции, который осуществлял власть в Германии с 30.07.45 после её капитуляции («Контрольный совет», Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/Контрольный_совет (вх. 16.01.20)).

¹¹⁹ «Блокада Западного Берлина», Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/Блокада_Западного_Берлина (вх. 16.01.20).

шего «чёрного рынка» – никакой границы между Западным и Восточным Берлином не было, а Восточный Берлин снабжался Советской военной администрацией Германии.

При этом, как свидетельствуют современные исторические исследования,

*«важной чертой этого острейшего международного кризиса холодной войны было нежелание ни одной из сторон "сделать первый выстрел", развязать крупномасштабный военный конфликт».*¹²⁰

Но объективно судьба 2,5 миллионов жителей Западного Берлина, всей Германии, да и мира в Европе «висела на волоске» – любой случайный инцидент мог его оборвать. И оборвать с «атомным грохотом» – других средств нейтрализовать военное превосходство СССР в Европе просто не было.

Это хорошо понимали и в Белом Доме, и в Кремле. Обстановку в Москве в момент пика кризиса и обстоятельства его разрешения хорошо передаёт описание одного очень близкого к нашему волокна альтерверса в романе «Тайный советник вождя»:

«В середине января 1949 года сложившееся положение обсуждалось членами Политбюро. Не на официальном заседании, а, как это все чаще случалось в связи с возрастом Сталина, в узком кругу товарищей, наиболее близких Иосифу Виссарионовичу и имевших прямое отношение к делу. В данном случае – к обстановке в Германии. Присутствовали: Молотов, Берия, Андреев, Шверник. Из военных – маршал Булганин. Заранее выяснено было мнение маршала Жукова, которого продолжали держать от греха подальше (от своевольных решительных действий) в глубинных военных округах, а также мнение главнокомандующего Группой советских войск в Германии маршала Соколовского. Георгий Константинович, как всегда, выразился определённо и настолько образно, что я не поленился записать его слова:

– Змея шипит, готова куснуть, чтобы припугнуть нас, но соображает: как же ей быть с ядом? Самой страшно – ядом не шутят... Голову гадине отрубим, которая в Европе, а хвост пусть дрыгается за океаном.

Соколовский высказал примерно такую же мысль, но более осторожно... Маршал Булганин, как обычно, собственного мнения не имел, готов был достойным образом выполнить любое распоряжение Верховного главнокомандующего Сталина. И вообще: никто из присутствовавших на том совещании-заседании, о котором идет речь, высказываться не торопился, понимая ответственность момента. За исключением Лаврентия Павловича Берии, который проявил особую активность... Говорил о том, насколько разрушительным и гибельным является ядерное оружие, какой ущерб, какие потери могут нанести нам десятки атомных бомб, имевшихся у американцев, причем каждая из них мощнее тех бомб, которыми разрушены были Хиросима и Нагасаки. Предлагал и даже просил не накалять обстановку хотя бы до конца текущего года. Он не связывал это напрямую с готовностью нашей атомной бомбы, об этом не принято было говорить, но все присутствовавшие понимали, что он имеет в виду...

На том январском совещании Иосиф Виссарионович молча слушал выступавших товарищей, не подвел итоги, не высказал своего мнения, оставил себе время подумать. А через несколько дней, 27 января, отвечая на вопросы представителей иностранной прессы, неожиданно для всех дал

¹²⁰ Наринский М.М., «Берлинский кризис 1948–1949 гг.», Вестник МГИМО-Университета, № 1(16), 2011, стр.162–172, цит по сайту cyberleninka.ru, file:///C:/Users/%D0%AE%D1%80%D0%B8%B9/Downloads/berlinskiy-krizis-1948-1949-gg.pdf (вх.16.01.20).

понять, что он может пойти на снятие ограничений вокруг Берлина на переговорах без предварительных условий. Американцы, англичане и французы сразу ухватились за такую возможность – ведь и на Западе далеко не все хотели новой разрушительной войны. К тому же гадали на кофейной гуще: есть ли у Советского Союза атомная бомба или ещё нет? Вдруг прогадаешь!

Начались изнурительные четырехсторонние переговоры, результатом которых явилось совместное коммюнике с нижеследующей фразой, которую можно считать ключевой: «Все ограничения, которые с 1 мая 1948 года были наложены советской стороной на торговлю, транспорт и сообщение между Берлином и западными оккупационными зонами, отменяются 12 мая 1949 года».¹²¹

Иными словами, Сталин отступил, не в последнюю очередь именно потому, что у него не было атомной бомбы. И это отступление резко подняло планку ответственности Берии за скорейшее её создание. Это должно было помочь сталинскому окружению преодолеть страх от американской атомной монополии. А о реальности «атомного страха» после Хиросимы и Нагасаки у многих членов советского руководства свидетельствует «хорошо информированный источник» – Г. И. Андрейчин, болгарский, американский и советский политический деятель, который во время войны работал в Совинформбюро.¹²² По словам Андрейчина,

«американская атомная бомба напугала кремлёвских вождей, поскольку она раскрыла относительную слабость Советского Союза, и осознав эту слабость, они стали такими агрессивными».¹²³

Свидетельствовал он об этом американскому послу А. Гарриману ещё в октябре 1945 года в американском посольстве в Москве, несмотря на уверения Гарримана в безопасности разговора,¹²⁴

«в умывальной комнате, прикрывая свой голос струящейся водопроводной водой».¹²⁵

И ещё одно косвенное, но яркое свидетельство именно «атомного страха» – начавшийся сразу после Хиросимы блеф Молотова о том, что мы бомбы не боимся, потому что она у нас есть:

¹²¹ Владимир Успенский, «Тайный советник вождя. Роман-исповедь в 2-х томах», т.2, издательства «КРЫМСКИЙ МОСТ-9Д – ПРАВДА – ФОРУМ», М.-СПб., 2016, стр. 923–929.

¹²² «Андрейчин Георгий», Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/Андрейчин,_Георгий (вх. 15.01.20).

¹²³ Ibid, со ссылкой на источник: Harriman W. A., Abel E., «Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946», N.-Y., Random House, 1975. p. 519.

¹²⁴ Гарриман был уверен, что в здании посольства нет советской подслушивающей аппаратуры. Он ошибался. Подслушивающее устройство было вмонтировано в деревянное панно, изготовленное из ценных пород дерева, и изображающее Большую печать США, подаренное ему пионерами «Артека» и висевшее в его собственном кабинете. («Термен, Лев Сергеевич», Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/Термен,_Лев_Сергеевич (вх. 17.01.20)). Но и Андрейчин допустил непростительную ошибку, когда предупреждал Гарримана об опасности прослушки и приглашал его для разговора в ванную комнату, произнося эти слова в кабинете Гарримана. Думаю, что 20.04.49, когда Военная коллегия Верховного суда СССР рассматривала дело Андрейчина и приговорила его к расстрелу за «шпионскую деятельность в пользу английской и американской разведок» («Андрейчин Георгий», Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/Андрейчин,_Георгий (вх. 15.01.20)), у судей были объективные доказательства предъявленного обвинения, в том числе и прослушки разговоров с американским послом Гарриманом, в которых Андрейчин предлагал Гарриману поговорить в ванной...

¹²⁵ Albert Glinsky, «Theremin: Ether Music and Espionage», University of Illinois Press, p. 260, цит. по электронной библиотеке «books.google.ru», https://books.google.ru/books?id=6DHIQJcMрBQC&pg=RA1-PA260&dq=george+andreychin&hl=ru&cd=5&redir_esc=y#v=onepage&q=george%20andreychin&f=false (вх. 17.01.20). В подлиннике: «In spite of Harriman's assurances that the building had been exhaustively checked for listening devices, Andreychin insisted on speaking in the wash-room, veiling his voice with rushing tap water».

«...на лондонской встрече в сентябре 1945 г. стала ясна новая советская тактика. Молотов приехал на встречу в Лондоне, держа в уме бомбу. Вопрос об атомной энергии не стоял в официальной повестке, но Молотов сам поднял его во время приема на третий день конференции... В тот же вечер в посольстве Молотов предложил тост: «Выпьем за атомную бомбу! У нас она есть»».¹²⁶

Вот уже четыре года Министр иностранных дел постоянно блефует о наличии у СССР бомбы. Сталин поддерживает этот блеф. Понятно, что и Сталин, и Молотов тяготеют к опасной роли булгаковской Лапшённиковой

«со скошенными к носу от постоянного вранья глазами»».¹²⁷

А как долго предстоит им исполнять эту роль, зависело от результата работы «атомной команды Берии».

Всё это позволяет понять состояние Берии в начале 1949 года – осознанный страх ответственности за срыв сроков готовности советской атомной бомбы и иррациональный страх возможной неудачи её испытания.

И в этой обстановке, 4 марта 1949 года, на следующий день после заседания Совета Министров, на котором ему удалось временно отложить «разбор полётов» по вопросу о готовности «изделия РДС», Берия получил объёмистый материал из ГРУ.

Ознакомившись с ним, он понял, что этот материал мог оказаться той самой «охапкой соломки», которую следовало подстелить на место возможного «падения» при предстоявшем разборе «на самом верху» вопроса о задержке с испытанием бомбы...

Этот эпизод истории советского атомного проекта – отдельная тема нашего разбирательства переплетения ветвей альтерверса Жоржа Ковалья, Лаврентия Берии и Игоря Курчатова, к подробному рассмотрению которого мы и переходим.

¹²⁶ Дэвид Холловэй, «Сталин и бомба», библиотека сайта «hirosima.scepsis.net», http://hirosima.scepsis.net/library/lib_63.html (вх. 15.01.20). На текст тоста Молотова дана ссылка: Larson D. W., «Origins of Containment», Princeton: Princeton University Press, 1985, p. 223.

¹²⁷ М.А. Булгаков, «Мастер и Маргарита», (составитель Э.Л. Безносков), М., изд-во АСТ, 1996, стр. 159

Глава 8. Отчёт о командировке

Подтекст формальности отчёта

Вернёмся в конец 1948 – начало 1949 года. Для Жоржа это было время работы над подробным отчётом о своей командировке. От того, как будет принят этот отчёт, зависела его дальнейшая судьба.

И очень важно понимать, какие цели ставил перед собой сам Жорж, составляя отчёт. Формально он должен был разрешить дилемму: постараться остаться в разведке или вернуться к «академической карьере»?

Но, судя по тому, как он оказался в ГРУ, и что случилось с ним в ходе работы в Америке, можно с уверенностью утверждать, что «весовые коэффициенты» в суперпозиции «кадровый разведчик – дипломированный учёный» различались на порядки в пользу учёного. Иными словами, такой дилеммы перед ним не было: «С войной покончили мы счёты – бери шинель, пошли домой...».¹²⁸

Но атмосфера «борьбы с космополитизмом», которая окружала Жоржа в это время, конечно, оказывала на него своё воздействие. Он не хотел становиться кадровым разведчиком, но нужно было понять, где безопаснее строить научную карьеру – в каком-то гражданском институте или продолжить работу в качестве специалиста одного из «закрытых» научных учреждений. У него ведь, кроме диплома инженера-технолога МХТИ, был и диплом бакалавра по электротехнике CCNY.

Причём оба диплома с отличием! И ещё курс органической химии Колумбийского университета. И опыт работы на заводах Ок-Риджа и Дейтона.

Удивительно то, что фотокопия выписки об окончании CCNY хранится в ДСАЖАК. При «отчёте о командировке» Жорж не сдал её в архив ГРУ! Вероятно, наивно рассчитывал, что она может понадобиться ему при дальнейшем трудоустройстве.

Но, в любом случае, отчёт должен был быть составлен так, чтобы в руководстве поняли, каков профессиональный уровень и каков интеллектуальный потенциал «агента Дельмара» – Жоржа Абрамовича Ковалея.

Отчёт был закончен в конце февраля 1949 года и представлен руководству ГРУ. После его рассмотрения признан настолько важным, что был представлен на ознакомление самому Л. П. Берию.

Судьба этого отчёта остаётся загадочной. Первый биограф Жоржа пишет о нём:

*«... до сих пор ещё не удалось найти около 100 страниц отчётов, написанных Дельмаром об Ок-Ридже и лаборатории. Эти документы могут рассказать очень многое».*¹²⁹

Краткий отрывок отчёта приведён в книге воспоминаний генерал-лейтенанта П. А. Судоплатова.¹³⁰ Это показывает, что ему удалось ознакомиться с документами, «не найденными» В. Лотой. Каким образом у опального генерала оказались эти документы?

На официальном сайте СВР опубликовано интервью с Л. В. Шебаршиным, бывшим руководителем советской внешней разведки, в котором он утверждает:

¹²⁸ Б. Окуджава, «Бери шинель, пошли домой...», цит. по сайту «TextMaster.ru», <http://text-master.ru/songs/beri-shinel-poshli-domoi.html>

¹²⁹ В. Лота, «ГРУ и атомная бомба», ОЛМА-ПРЕСС, М., 2002 г., стр. 262.

¹³⁰ Судоплатов П.А., «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950», М., ОЛМА-ПРЕСС, 2005 г., вклейка перед стр. 321.

*«книжка Судоплатова – хорошая, но она содержит много того, что может нанести ущерб нашей безопасности, – ее писали американские журналисты».*¹³¹

¹³¹ А. Солдатов, «Под диктовку спецслужб», сайт СВР, <http://svr.gov.ru/smi/2001/ver20010227.htm>

Находка в семейном архиве

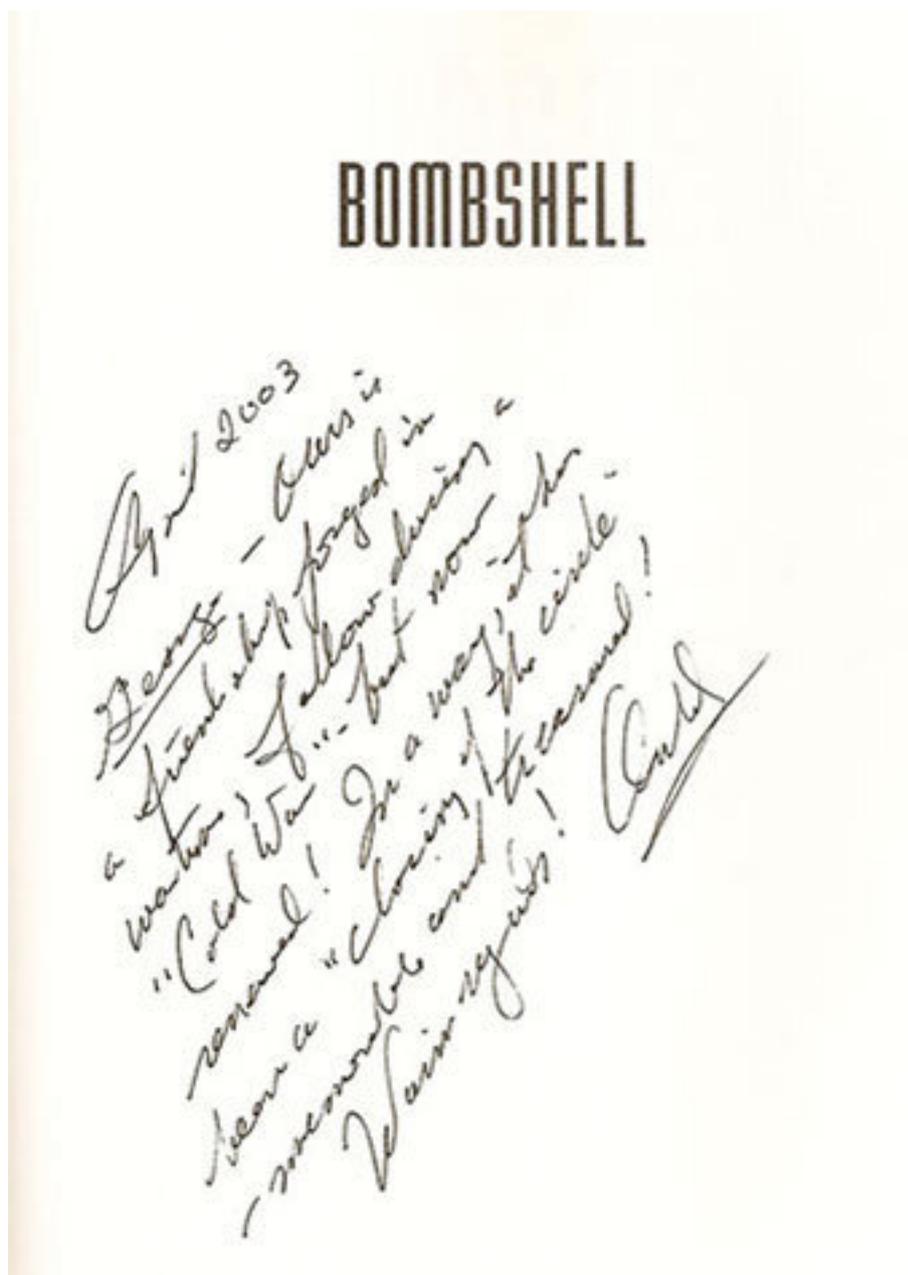
Но как эти документы попали к «американским журналистам»? Это стало понятным после одной находки в семейном архиве Жоржа Абрамовича. Подробности об истории этой находки и результатах её текстологического анализа содержатся в статье «Новые документы по истории советского атомного проекта из семейного архива Героя России Ж. А. Ковалья».¹³² Изложенное ниже основано на этой публикации.

В январе 2014 г. Майя Геннадьевна Коваль, внучатая племянница Жоржа Абрамовича, при просмотре книг из его личной библиотеки обнаружила в изданной в США книге «Bombshell»¹³³ два листа ксерокопий документов.

На книге есть дарственная надпись.

¹³² Ю.А. Лебедев, «Новые документы по истории советского атомного проекта из семейного архива героя России Ж. А. Ковалья», ВИЕТ, т. 37. № 4, 2016 г., стр. 702–735.

¹³³ Albright, J., Kunstel, M., «Bombshell. The Secret Story of America's Unknown Atomic Spy Conspiracy», Times Books, N. Y., 1997.

08.01. Титульный лист книги «Bombshell» с автографом Крамиша.¹³⁴

Текст автографа на книге гласит:

*Апрель 2003
Джордж,*

Наша дружба ковалась во время войны, оставалась под спудом во время «холодной войны», а теперь возобновляется! В каком-то смысле это «замыкание круга» – возвращение к истокам – памятное и ценное!

¹³⁴ ДСАЖАК, титульный лист книги Albright, J., Kunstel, M., «Bombshell. The Secret Story of America's Unknown Atomic Spy Conspiracy», N. Y., Times Books, 1997.

*С наилучшими пожеланиями,
[автограф А. Крамиша]¹³⁵*

Думаю, что выражение «*закрывание круга*» должно было вызвать у Жоржа Абрамовича образ из Екклесиаста: «возвращаться на круги своя».

Хотя, как указал переводчик текста А. Ю. Лебедев, в стандартном английском переводе Библии именно этого словосочетания в книге Екклесиаста нет (в английском переводе этот образ выражен так: «*The wind blows to the south and goes around to the north; around and around goes the wind, and on its circuits the wind returns*»), но «высокий стиль» инскрипта и нередкие обращения его автора в переписке с Ковалем к историко-библейским атрибутам, могли породить такую коннотацию.

Это важно отметить, поскольку, как это будет показано в дальнейшем, к событиям, связанным с содержанием присланных документов, в течение его долгой жизни Жоржу Абрамовичу действительно приходилось возвращаться в критические для него периоды.

Автором этой надписи является Арнольд Крамиш – американский физик и историк атомных проектов США и СССР. Он был сослуживцем Ковалья во время его срочной военной службы на атомном объекте в Ок-Ридже.

История возобновления отношений Крамиша и Ковалья после более чем полувекового перерыва (1948–2000) будет подробно изложена в дальнейшем.

Факт авторства этой надписи подтверждается письмом Крамиша к Ковалю от 6 апреля 2003 г.:

«Я отправил тебе биографию Теодора Алвина Холла (Theodor Alvin Hall), с которым я работал в Лос-Аламосе. Он умер около трех лет назад в Кембридже, Великобритания, но до этого я приезжал навестить его и его жену. Очень интересная получилась беседа, в частности, по поводу его побуждений. Авторы этой книги, Джо Олбрайт (Joe Albright) и Марсия Канстелл (Marcia Kunstell), были очень скрупулезны в своих исследованиях и составлении текста, но я думаю, они ошибочно определили автора одного отчета. Я вложил две страницы этого отчета в книгу, и я думаю, тебе будет невероятно интересно!»¹³⁶

По поводу авторства «одного отчёта» Олбрайт и Канстелл на стр. 194–195 авторы пишут:

«... есть основания полагать, что в конце 1940-х гг. Холл передал Советам ряд секретных сведений, что существенно повлияло на гонку вооружений. В настоящее время известно, что той же зимой, когда состоялась встреча Холла [с советским агентом] в заснеженном Нью-Йорке, разведывательный отчет с изложением американских новшеств достиг Москвы, что позволило организовать массовое производство атомных бомб. Возможно, это всего лишь совпадение, но в докладе описан секретный процесс получения изотопов, который использовался в Хэнфорде, где, возможно, работали друзья Холла Анта и Аден. Доклад с пометкой «Совершенно секретно» был направлен Берли 1 марта 1949 г. Экспертиза документов, полученных авторами из архивов российского Министерства по атомной энергии, показывает, что в докладе описывается промышленный

¹³⁵ Расшифровка письменного текста и перевод осуществлены Артемом Лебедевым и Амандой Фриз (Amanda Freise).

¹³⁶ Электронное письмо А. Крамиша к Ж.А. Ковалю от 6 апреля 2003 г. Текст предоставлен М. Г. Коваль. Ею же выполнен перевод.

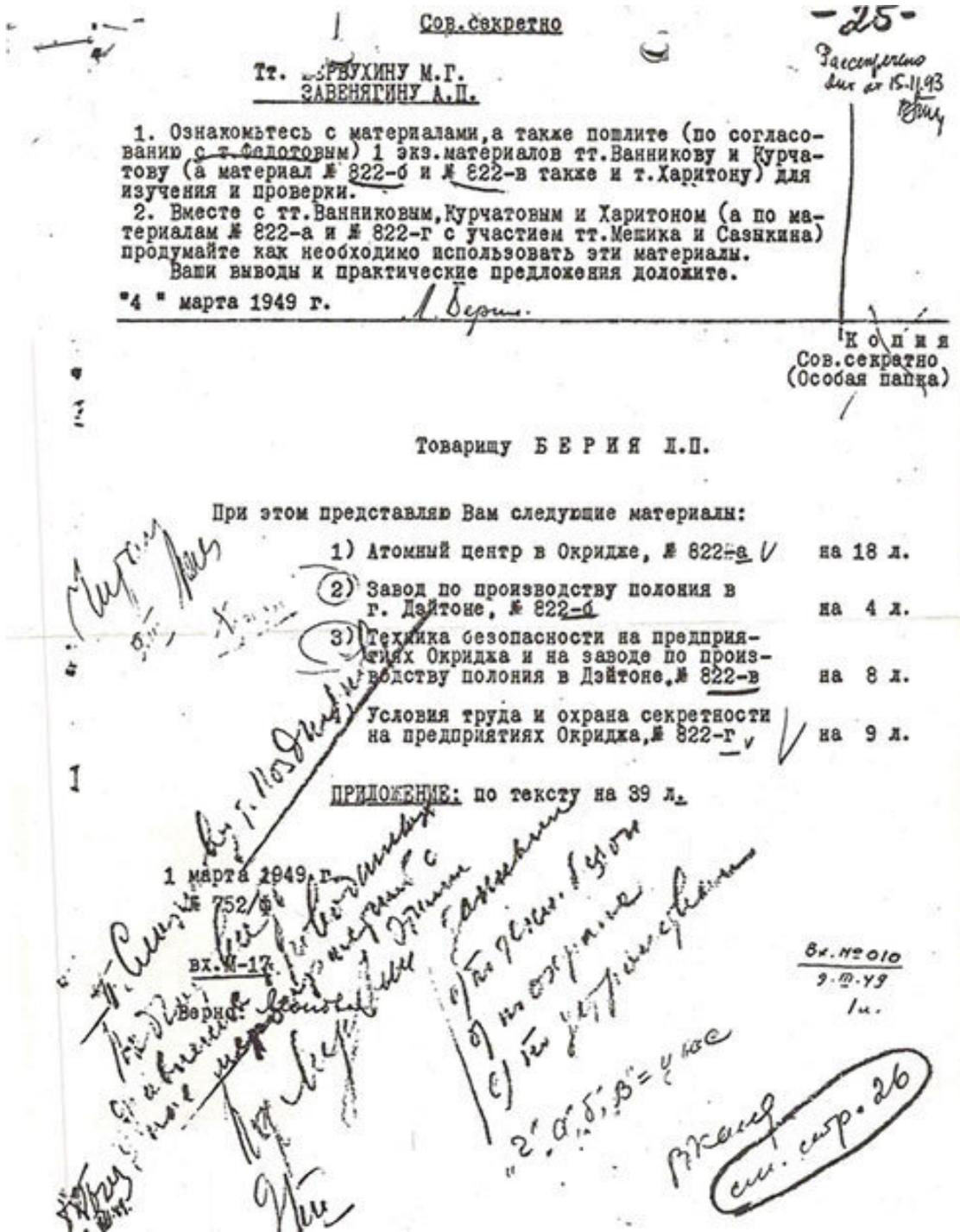
процесс производства полония-210, изотопа, который служит ключевым компонентом в инициаторном механизме ядерной бомбы»<перевод Ю. Л.>.¹³⁷

Как видно из текста, авторство источника материалов отчета приписывается Т. Холлу. Важно и то, что документы были получены не из ГРУ, а в Министерстве по атомной энергии.

¹³⁷ Albright, J., Kunstel, M., «Bombshell. The Secret Story of America's Unknown Atomic Spy Conspiracy», Times Books, N. Y., 1997, p. 194–195.

Описание находки

Найденные М. Г. Коваль вложения – два листа – являются ксерокопиями отдельных листов из некоей подборки документов. Лист 1:

08.02. Первый лист документа от Крамиша.¹³⁸

¹³⁸ ДСАЖАК, ксерокопия.

На первом листе в правом верхнем углу имеется рукописная отметка: «Рассекречено. Акт от 15.11.93 [подпись]». Ниже расположены два машинописных документа: распоряжение Л. П. Берии, адресованное М. Г. Первухину и А. П. Завенягину с грифом «Сов. секретно» и его личной подписью, и копия докладной записки неизвестного лица на имя Л. П. Берии с грифом «Копия. Сов. секретно (Особая папка)».

Для дальнейшего важно, какие должности занимали упомянутые лица в это время.

Л. П. Берия – заместитель председателя СМ СССР, председатель Спецкомитета при СМ СССР, руководитель всех работ по использованию атомной энергии в СССР.¹³⁹

М. Г. Первухин – первый заместитель начальника Первого главного управления при СМ СССР и министр химической промышленности СССР.¹⁴⁰

А. П. Завенягин – первый заместитель начальника Первого главного управления при СМ СССР и заместитель министра внутренних дел. Ведал вопросами строительства объектов Первого главного управления, а также вопросами разведки и добычи урановой руды.¹⁴¹

На листе имеется множество рукописных отметок, автографов и резолюций.

Текст первого документа:

Сов. секретно

Тт. ПЕРВУХИНУ М. Г.

ЗАВЕНЯГИНУ А. П.

1. Ознакомьтесь с материалами, а также пошлите (по согласованию с т. Федотовым 1 экз. материалов тт. Ванникову и Курчатову (а материал № 822-б и № 822-в также и т. Харитону) для изучения и проверки.

2. Вместе с тт. Ванниковым, Курчатовым и Харитоном (а по материалам № 822-а и № 822-г с участием тт. Мешика и Сазыкина) продумайте, как необходимо использовать эти материалы.

Ваши выводы и практические предложения доложите.

«4» марта 1949 г. (Личная подпись Л. П. Берии)

Продолжу представлять упомянутых в документе лиц.

П. В. Федотов – генерал-лейтенант, один из руководителей Комитета информации при СМ СССР, МВД и КГБ.¹⁴² Фамилия подчеркнута, вероятно, рукой Берии.

Б. Л. Ванников – начальник Первого главного управления при СМ СССР.¹⁴³ Казалось бы, именно ему и нужно было поручить организацию работ с документами разведки. Однако в это время он был болен, и его замещал Первухин, которому и поручено провести эти работы.

Тем не менее, Берия, вероятно, специально указал Первухину на необходимость ознакомить Ванникова с документами, важность которых, по его мнению, настолько велика, что нездоровье Ванникова не могло служить оправданием его устранения от знакомства с этим делом.

И. В. Курчатов – председатель Научно-технического совета Первого главного управления при СМ СССР, начальник Лаборатории № 2 АН СССР, научный руководитель комбината № 817¹⁴⁴.

¹³⁹ «Атомный проект СССР: документы и материалы», Ред. Л. Д. Рябев, Издательство МФТИ, 2002, М., т. 1. ч. 2. стр. 602.

¹⁴⁰ Ibid, стр. 677.

¹⁴¹ Ibid, стр. 635.

¹⁴² Ibid, стр. 705.

¹⁴³ Ibid, стр. 610.

¹⁴⁴ Ibid, стр. 654.

Ю. Б. Харитон – научный руководитель КБ-11 и член Научно-технического совета Первого главного управления при СМ СССР.¹⁴⁵

П. Я. Мешик, генерал-лейтенант, заместитель начальника и член коллегии Первого главного управления при СМ СССР, отвечал за формирование кадров, обеспечение охраны и режима секретности.¹⁴⁶

Н. С. Сазыкин, генерал-лейтенант, помощник заместителя председателя СМ СССР Л. П. Берии.¹⁴⁷

Текст второго документа:

*К о п и я
Сов. секретно
(Особая папка)*

Товарищу Б Е Р И Я Л. П.

При этом представляю Вам следующие материалы:

- 1) Атомный центр в Окриджсе, № 822-а на 18 л.*
- 2) Завод по производству полония в г. Дэйтоне, № 822-б на 4 л.*
- 3) Техника безопасности на предприятиях Окриджса и на заводе по производству полония в Дэйтоне, № 822-в на 8 л.*
- 4) Условия труда и охрана секретности на предприятиях Окриджса, № 822-г на 9 л.*

ПРИЛОЖЕНИЕ: по тексту на 39 л.

*1 марта 1949 г.
№ 752/ф*

*вх. М-17 Вх. № 010
9. III.49
1 л.*

Как видно из текста этой сопроводительной записки, речь идет о материалах отчета Коваля о своей «командировке» по заданию ГРУ. Вероятно, того самого, который он писал по возвращении в СССР начиная с конца октября или начала ноября 1948 г., который В. Лота считал утерянными.

Конечно, это не сам отчет, а «выжимка» самых важных материалов из него.

О том, что это материалы именно Коваля, однозначно свидетельствует то, что они содержат данные о тех объектах, где он служил (Ок-Ридж и Дейтон), и специально обсуждаются вопросы техники безопасности на этих объектах, которые входили в круг профессиональных обязанностей Жоржа: и в Ок-Ридже, и в Дейтоне он был «health physics officer»¹⁴⁸. Такая военная специальность отсутствовала в Красной армии, а позже в Советской армии наиболее соответствующей ей стала специальность дозиметриста.

¹⁴⁵ Ibid, стр. 711.

¹⁴⁶ Ibid, стр. 655.

¹⁴⁷ Ibid, стр. 689.

¹⁴⁸ Michael Walsh, «George Koval: Atomic Spy Unmasked», «Smithsonian magazine», may 2009 <http://www.smithsonianmag.com/history/george-koval-atomic-spy-unmasked-125046223>

То, что речь идет именно о разведывательной информации, подчеркнуто специальным указанием Берии – все действия с этими материалами необходимо согласовывать с одним из руководителей Комитета информации генерал-лейтенантом П. В. Федотовым.

Не зря Лаврентий Павлович подчеркнул фамилию Федотова! И здесь кроется какая-то «аппаратная интрига», поскольку в это время Комитет информации являлся органом, объединившим все разведывательные структуры *за исключением ГРУ*, с 1 января 1949 г. выведенного из подчинения комитета.

Почему же все мероприятия, связанные с дополнительными разъяснениями и уточнениями информации, должны были производиться через структуры, подчиняющиеся лично генерал-лейтенанту П. В. Федотову, а не генералу армии М. В. Захарову, в то время начальнику ГРУ? Опытнейший аппаратчик Берия лишних людей к серьезным делам не допускал.

Вероятно, «первый смысл» этого указания состоял в том, чтобы дать возможность Комитету Информации «на законном основании» покопаться в делах независимого от него ГРУ.

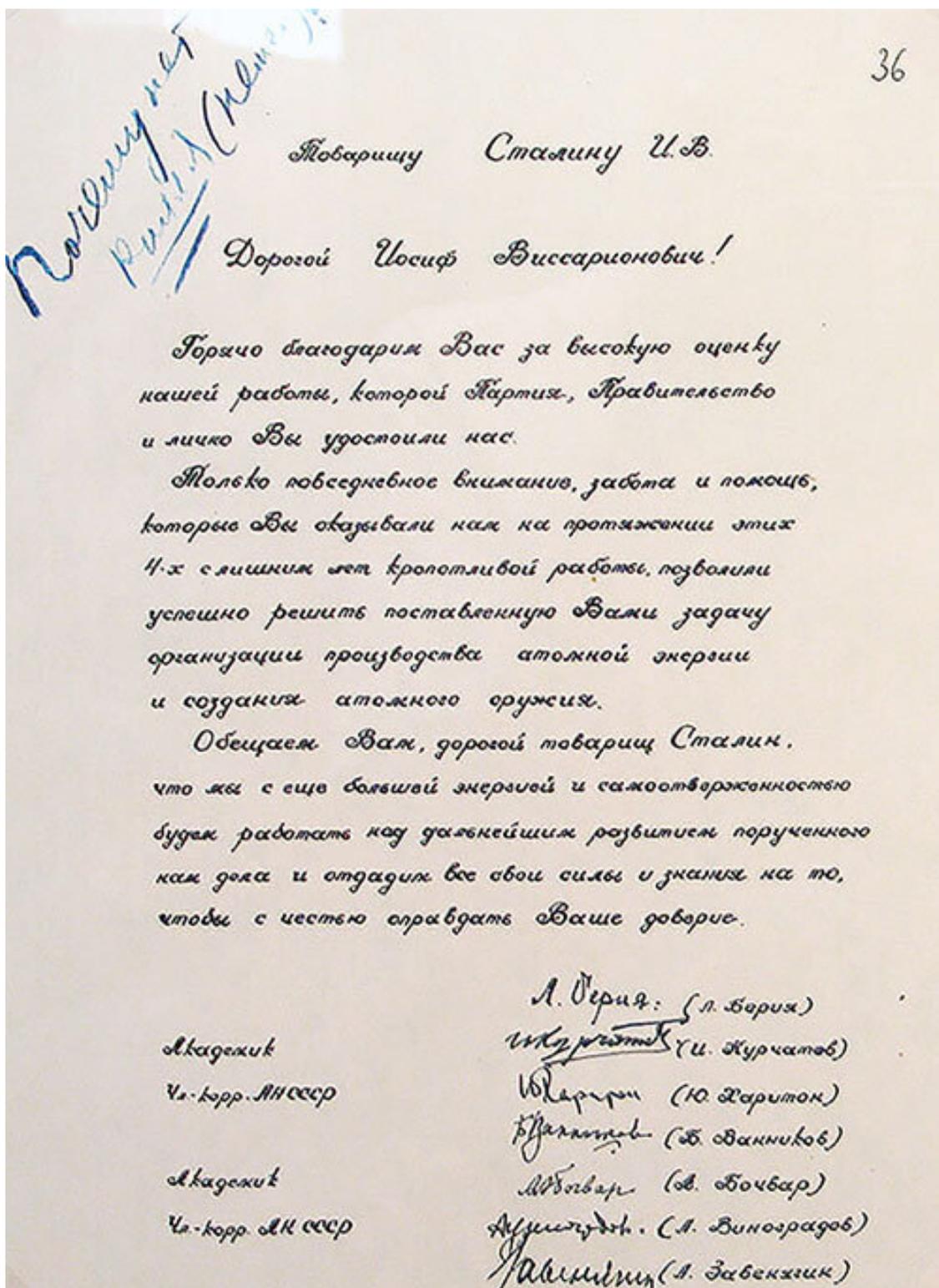
Но был и «второй», о котором поговорим позже...

Особый интерес представляют рукописные тексты на этих документах. Идентификация авторов этих текстов требует специального графологического анализа и весьма затруднительна в силу малого количества достоверно известных автографов предполагаемых авторов, поэтому пока можно высказать только некоторые предположения, основанные на косвенных обстоятельствах. Тем не менее, такой предварительный анализ может дать содержательные с эвретической точки зрения результаты и обозначить пути дальнейшей графологической работы.

Анализ дат на документах показывает, что, поскольку сопроводительная записка из ГРУ с подборкой материалов из отчета Ковалья на 39 листах была направлена Берии 1 марта 1949 г., а весь отчет, по данным В. Лоты, включал более 100 страниц, Коваль закончил составление своего отчета во второй половине февраля 1949 г.

Полученные материалы были рассмотрены Берией весьма оперативно, и в пятницу 4 марта 1949 г. он подписал свое распоряжение Первухину и Завенягину. Учитывая последовавшие выходные и праздничный день (8 марта) реакция на это распоряжение также была весьма оперативной – все последующие визы и резолюции имеют дату 9 марта 1949 г.

Из содержательных пометок, прежде всего, отметим односложную резолюцию «Читал 9.Ш [автограф]». Автограф похож на подпись Завенягина, образец которого есть на благодарственном письме И. В. Сталину от группы ученых, удостоенных государственных наград после успешного испытания первой советской атомной бомбы.

08.03. Благодарственное письмо награжденных орденами и званиями академиков и ученых специалистов И. В. Сталину за высокую оценку работы в области производства атомной энергии и создания атомного оружия. 18 ноября 1949. Рукопись 29,7×21,9.¹⁴⁹

¹⁴⁹ Источник фото: «Атомный проект СССР. Экскурс в историю», Очерк по материалам отечественных и зарубежных СМИ, Сайт «Открытое атомное сообщество», <http://publicatom.ru/blog/vniinn/7546.html> (вх. 26.02.20). Первоначальное место хранения АП РФ, оп. 53, д. 301, л. 36. После упразднения АП РФ документ передан в какой-то федеральный архив и его нынешнее нахождение мне неизвестно.

Рядом, под этим автографом, еще один. Этот второй автограф, по моему мнению, весьма схож с автографом Ю. Б. Харитона на том же благодарственном письме И. В. Сталину.

Оба автографа на рассматриваемом документе производят впечатление весьма торопливых и «сокращенных». В автографе Харитона (?) не хватает начальной буквы «Ю», что может объясняться именно его «парафиновочным» стилем.

Автографа, схожего с подписью И. В. Курчатова, обнаружить не удалось. Но то, что он был поставлен в известность о распоряжении Берии с поручением ему ознакомиться с этими разведывательными материалами, сомнения не вызывает.

Думается, однако, что ознакомление с документами отчета именно в эти дни начала марта 1949 г. было для Курчатова скорее помехой в работе, чем реальной помощью.

Дело в том, что как раз в эти дни он был занят подготовкой к пуску первого исследовательского атомного реактора на природном уране и тяжелой воде (пуск в апреле 1949 г.)¹⁵⁰. И именно в эти дни требовала особого внимания работа завода № 817, где на реакторе, сравнимом с Ок-Риджским, уже производился плутоний.

Волновался же он потому, что

*«из-за задержки с наработкой необходимого количества плутония установленный постановлением СМ СССР № 234–98сс от 8 февраля 1948 г. срок изготовления первого экземпляра РДС-1–1 марта 1949 г. – не был выдержан...».*¹⁵¹

И ликвидация этой задержки требовала не «ознакомления с разведанными», а личного руководства работой на производстве, ведь Курчатов был научным руководителем завода № 817!

Да и в «политической атмосфере» вокруг атомного проекта пахло грозой – в январе – марте 1949 г. шла интенсивная подготовка «Всесоюзного совещания физиков», которое было назначено на 21 марта и на котором советская физика должна была быть подвергнута «чистке», аналогичной лысенковской чистке биологии в 1948 г.¹⁵² И это только некоторые из реальных озабоченностей Курчатова в начале марта 1949 г.

Что же касается представленных на его рассмотрение «новых материалов» Коваля, то они не были для Курчатова новостью – он знал ключевые положения этого пакета документов гораздо раньше.

Полагаю очевидным, что сведения, сообщенные еще в 1945–1946 гг. Ковалем о производстве плутония в Ок-Ридже, о роли полония в конструкции атомной бомбы импlosionного типа и технологии его получения помогли Курчатovu сформулировать главные направления советского атомного проекта на начальной стадии – плутониевая импlosionная бомба с инициатором на основе бериллийполониевого источника нейтронов.

Именно они, данные Коваля, подтвердив материалы Фукса по принципам конструкции бомбы и показав масштабы производства плутония в США, позволили Курчатovu построить оптимальную стратегию советского атомного проекта и, значит, позволили значительно сократить время и силы при создании советской атомной бомбы.

А в 1949 г. материалы Коваля лично для Курчатова были уже материалами историко-научного характера, материалами для мемуаров типа «Былое и думы», но не катализаторами новых идей.

¹⁵⁰ Андрушин И. А., Чернышев А. К., Юдин Ю. А., «Хронология основных событий истории атомной отрасли СССР и России» в книге «Укрошение ядра: страницы истории ядерного оружия и ядерной инфраструктуры СССР», Саров, 2003 г. https://polar.mephi.ru/projects/ukrosch_ydra/ukrosch_ydra.pdf

¹⁵¹ Гончаров Г. А., Рябев Л. Д., «О создании первой отечественной атомной бомбы», УФН, т. 171, № 1, 2001 г., стр. 101, цит. по сайту журнала УФН, <http://ufn.ru/ru/articles/2001/1/c/references.html>.

¹⁵² Горелик Г. Е., Кожевников А. Б., «Что спасло советскую физику от лысенкования? Диалог», Природа, № 5, 1999 г., стр. 95–105.

Нужны же они были, скорее, не ему, а уже сформированному на основе решений 1945 г коллективу инженеров, конструкторов и администраторов для решения конкретных производственных задач.

И подтверждает такую трактовку располагающаяся ниже обширная резолюция следующего содержания:

*т. Смирнову [?] т. Позднякову
Подготовить сравнение приводимых у нас мероприятий с этими
данными
а) По техн. безоп.
б) по охране
в) по устройствам
[автограф Первухина (?)] 9/III*

Кто такой «т. Смирнов» точно установить не удалось. Может быть, это Д. В. Смирнов, который в это время был заместителем заведующего секретариатом заместителя председателя СМ СССР.¹⁵³

Если это предположение верно, и Смирнов был одним из сотрудников секретариата Л. П. Берии, то обращение к нему Первухина оправдано тем, что Смирнов мог знать круг специалистов по охране труда и технике безопасности.

А Б. С. Поздняков в это время был ученым секретарем Научно-технического совета Первого главного управления при СМ СССР. Фамилия подчеркнута рукой автора резолюции.

Автограф Первухина идентифицирован по схожести с автографом с автографом Первухина на благодарственном письме Сталину.

В левом нижнем углу еще один автограф с датой 9.III.49. Можно предположить, что это автограф Б. Л. Ванникова, как бы визирующий резолюцию Первухина.

Автографа Завенягина обнаружить не удалось. Поскольку он лично хорошо знаком с вопросами строительства атомных объектов, отвечает за это в ПГУ, очевидно, что он должен сам провести анализ материалов 822-а и 822-б по заводам в Ок-Ридже и Дейтоне для доклада Берии и ему не нужно отдавать каких-то распоряжений. Вероятно, поэтому он не фиксирует письменно свое знакомство с поручением Берии.

В другом положении находится первый адресат поручения Берии – министр химической промышленности Первухин. В это время он фактически исполняет функции начальника ПГУ, курирует все действующие и строящиеся промышленные объекты атомного проекта и с этой точки зрения должен «любой ценой» обеспечить успех близившегося первого испытания атомной бомбы.

Очевидно, что вопросы охраны труда и техники безопасности не были главными приоритетами в его работе. Но этим вопросам посвящена значительная часть представленных Берией материалов Ковалея (8 листов материала 822-в и 9 листов материала 822-г).

Можно предположить, что возникшая необходимость вникнуть во «второстепенные» на тот момент для Первухина вопросы вместе с нацеленностью на решение главных задач породила своеобразный когнитивный диссонанс, разрешившийся консонансом – решением использовать анализ вопросов техники безопасности для разбора технических, конструкторских и производственных задач, в которых эти вопросы возникли как у американских, так и у наших специалистов. И сравнить результаты их решений.

Иными словами, пройти причинно-следственную цепочку инженерных решений «в обратном порядке», используя как индикатор именно вопросы охраны труда и техники без-

¹⁵³ «Атомный проект СССР: документы и материалы», Ред. Л. Д. Рябев, Издательство МФТИ, 2002, М., т. 1. ч. 2. стр. 694.

опасности – в них порой отражаются такие важные детали технологии и конструкторских решений, которые не видны при «прямом анализе».

Да и сами по себе вопросы охраны труда и техники безопасности важны! А у нас, насколько мне известно, в отличие от американцев, им в это время уделялось значительно меньшее внимание.

Такой консонанс позволял и качественно выполнить поручение Берии, и полезно использовать «второстепенную» информацию разведки для выполнения главной задачи. Я не уверен, что Первухин в напряженной атмосфере последних месяцев перед испытанием первой советской атомной бомбы именно так мотивировал – даже для себя! – свое мнение при написании резолюции, но такой ход мысли очевидно соответствует принятому им решению.

Вероятно, именно поэтому Первухин счел необходимым выделить вопросы техники безопасности для отдельного обсуждения. Но с кем проводить это обсуждение? Прежде всего, нужно было определить круг авторитетных специалистов.

Как и всякая начальственная резолюция, эта резолюция Первухина предполагала, что упомянутые в ней исполнители компетентны в рассматриваемом вопросе, а потому кратка и лапидарна.

То, что подготовка сравнения мероприятий в США и СССР по кругу вопросов техники безопасности, «охраны» (вероятно, в данном случае имелась в виду только «охрана труда», поскольку охраной секретности при анализе представленных материалов должны были заниматься П. Я. Мешик и Н. С. Сазыкин) и «устройств» (т. е. технических средств защиты персонала) поручена ученому секретарю НТС ПГУ Б. С. Позднякову (его фамилия выделена подчеркиванием), свидетельствует о том, что Первухин, вероятно, не был лично знаком с ведущими специалистами по этим темам и не имел времени заниматься их поиском.

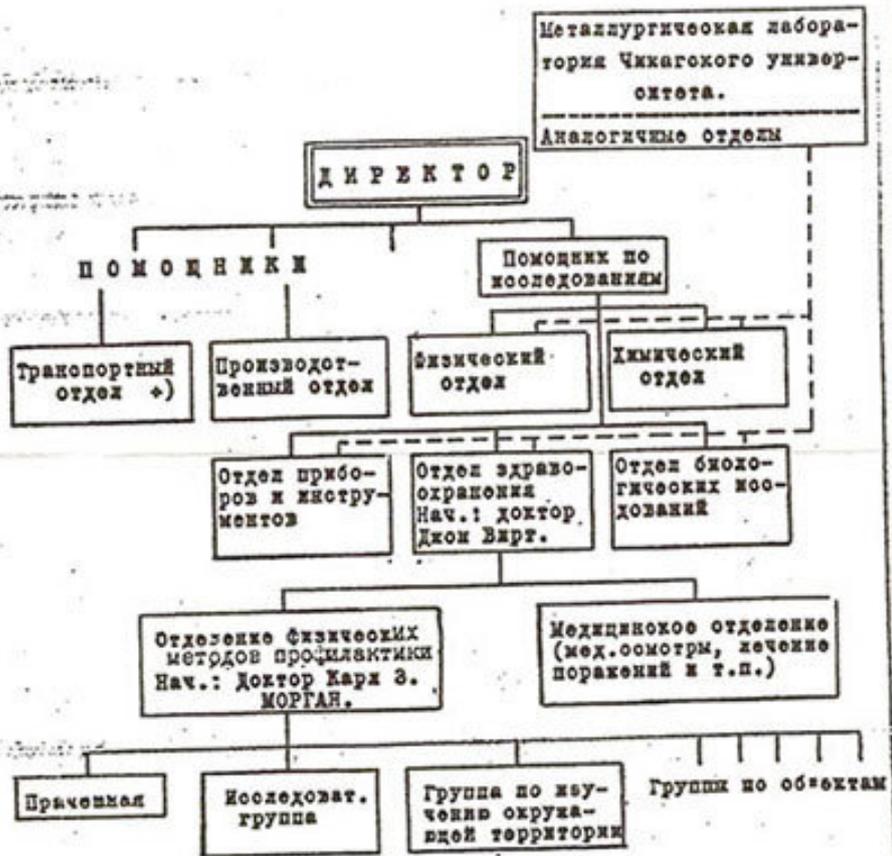
Первухин логично предполагал, что опытный администратор Поздняков совместно с администратором из аппарата Совмина Смирновым найдет этих специалистов и даст им задания. А уж анализ результатов сравнения должен сделать сам Первухин и доложить результаты Берии.

Лист 2 является схемой административного устройства «Клинтонских лабораторий» объекта X-10 – комбината по производству плутония. Именно там и служил в 1944–1945 гг. сержант американской армии G. Koval.

Лист 2:

- 18 -

ПРИМЕРНАЯ СХЕМА
организации Клинических лабораторий
«X-10»

+) Внутренний транспорт. Все перевозки на другие заводы осуществляются военным транспортом.

2537/1044

08.04. Второй лист документа от Крамиша.¹⁵⁴

¹⁵⁴ ДСАЖАК, ксерокопия.

Берия и Курчатов

Проведенный анализ текстов и автографов позволяет построить версию хода событий после получения Берией 1 марта 1949 г. отчета Коваля. Версия исходит из конкретных обстоятельств, в которых находился Берия в начале марта 1949 г., и строит эвереттические ветвления действительности исходя из наиболее вероятных с сегодняшней точки зрения исходах событий и психологических характеристик их главных участников.

Важнейшим внешним обстоятельством, повлиявшим на поведение ключевых в этой ситуации фигур – Берии и Курчатова, – было то, что именно с 1 марта 1949 г. они должны были быть готовыми к объяснению с «высшим руководством» по поводу срыва сроков выполнения постановления Совета Министров СССР № 234–98сс от 8 февраля 1948 г. *об изготовлении первой атомной бомбы РДС-1 к 1 марта 1949 г.* <курсив мой – Ю. Л.>

Конечно, Берия знал о готовившемся обсуждении этого постановления на заседании совета. И, очевидно, очень его боялся. Ведь чем грозит невыполнение *такого* постановления, Лаврентий Павлович знал не понаслышке.

Вот эпизод, рассказанный Я. П. Терлецким:

*«Оказывается, после взрыва атомной бомбы в Хиросиме Сталин устроил грандиозный разнос, он впервые за время войны вышел из себя, стучал кулаками, топал ногами. Право, было от чего выйти из себя. Ведь рушилась мечта о распространении социалистической революции на всю Европу, мечта, казавшаяся столь близко осуществимой после капитуляции Германии и как бы перечеркнутая «нерадивостью» наших атомщиков во главе с Курчатовым. Видимо, отводя удар от себя, Курчатов пожаловался, что поступавшие в течение ряда лет материалы не очень доступны ученым, а лишь эти материалы позволили бы нам наверстать упущенное в начальный период войны и начать овладение атомной проблемой не с нуля».*¹⁵⁵

Этот эпизод, рассказанный Терлецким явно с чьих-то слов, вызывает некоторые сомнения в части подробностей – например, мог ли сухорукий Сталин даже в минуты самого большого гнева стучать кулаком, присутствовал ли при этом Курчатов и т. п.

Но то, что о жалобе Курчатова на разведку сообщает именно Терлецкий, весьма важно, поскольку именно он знал о взаимоотношениях разведки и Курчатова из личного опыта своей работы в отделе «С» НКВД.

По сути же, рассказ Терлецкого является еще одним свидетельством серьезности ответственности за срыв сроков выполнения заданий Сталина и понимания Берией степени своей личной ответственности. Вот ещё один пример того, что Берия знал характер Сталина и меру своей ответственности:

«Заместитель наркома вооружений В. Н. Новиков вспоминал, как во время войны решался вопрос о том, за какой срок можно вдвое увеличить ежедневное производство винтовок на Ижевском заводе. Хотя Сталин требовал уложиться в три месяца, и к этому склонялись большинство членов госплановской комиссии, Берия в конце концов прислушался к мнению специалиста – Новикова и поставил указанный им реальный срок – семь месяцев, хотя это явно не обрадовало Сталина. Новиков объяснил подобное решение тем, что гораздо хуже было не пойти против сталинского мнения, а обмануть Иосифа Виссарионовича. Если потом окажется, что

¹⁵⁵ Терлецкий Я. П., «Операция «Допрос Нильса Бора»», ВИЕТ, № 2, 1994 г., стр. 21–44.

*потребовалось не три месяца на увеличение производства, а семь месяцев, виновные в обмане могли не носить головы. А за атомный проект Сталин спрашивал строже, чем за любой другой... Уж он-то отлично сознавал, что в случае, если «изделие» не взорвется, академиков, наверное, арестуют и распахают по «шарашикам», а его, Берия, уж точно объявят американским шпионом и расстреляют за то, что сорвал выполнение такого задания, от которого в буквальном смысле слова зависит жизнь и смерть коммунистической власти».*¹⁵⁶

Заседание Совета Министров СССР по вопросу о сроках готовности атомных бомб различных модификаций состоялось 3 марта 1949 г. Судя по тому, что в эти дни Сталин был занят приемом делегации КНДР во главе с Ким Ир Сенем, он вряд ли лично присутствовал на этом заседании. Вполне вероятно, что проводил его сам Берия как заместитель председателя СМ СССР. Подтверждением этого служит тот факт, что 3 и 4 марта Сталин даже не работал в своем кабинете (в журнале посетителей за эти дни отсутствуют записи).

Это может объяснить тот удивительный факт, что в принятом постановлении СМ СССР № 864–328сс/оп¹⁵⁷ подробно регламентируются новые сроки готовности изделий РДС-2 и РДС-3, а по поводу РДС-1 сказано вскользь – «наряду с работой по РДС-1».

Можно предположить, что конкретика нового срока готовности РДС-1 вообще не обсуждалась. Создается впечатление, что докладчики – Харитон, Зернов и Курчатов – как-то «обошли» этот вопрос. Вполне вероятно, что сослались на некоторые секретные технические детали, обсуждение которых на заседании Совета Министров нецелесообразно. И на заседании Берия мог это объяснение принять. Но истинные причины неопределенности ясны из следующего:

*«15 апреля 1949 г. Ю. Б. Харитон и К. И. Щелкин подписали «Краткий доклад о состоянии работ КБ-11». В документе, адресованном Л. П. Берия, они указали: силами КБ-11 и привлеченных организаций «решены все принципиальные и конструктивные вопросы, возникшие во время разработки» РДС-1. По-прежнему не до конца решены задачи определения критической массы плутония (из-за отсутствия этого материала в нужном количестве) и изготовления полоний-бериллиевого нейтронного запала (из-за отсутствия полония)».*¹⁵⁸

То, что в отсутствие Сталина на заседании СМ СССР удалось избежать неприятных объяснений, конечно же, не успокаивало Лаврентия Павловича. Более того, он понимал, что чем дольше будет длиться пауза, тем суровее будет разборка. И в случае значительной задержки готовности бомбы и крутого «разбора полетов в «хозяйстве» Берии» уже лично Сталиным, он учтёт переданное ему мнение Курчатова (а, возможно, и услышанное при подготовке к «разбору полётов» прямое свидетельство Курчатова – Сталин мог заслушать Курчатова при подготовке к «разбору» и лично) о том, что срыв сроков готовности бомбы в какой-то мере обусловлен недостаточно эффективной работой разведки.

А то, что Курчатов время от времени «дразнил» Берия исполнением своей роли главного эксперта эффективности работы разведки, видно из такого примера, приведённого А. Н. Рыловым.

¹⁵⁶ Соколов Б.В., «Берия. Судьба всесильного наркома», АСТ, М., 2008 г., стр.56, цит. по <http://fictionbook.in/boris-sokolov-beriya-sudba-vsasilnogo-narkoma.html>.

¹⁵⁷ Атомный проект СССР: документы и материалы... т. 2. кн. 1. стр. 510–511.

¹⁵⁸ Медведь А. Н., «К истории создания первой отечественной ядерной бомбы», Двигатель, № 1 (67) 2010 г., стр. 42–45, цит. по <http://engine.aviaport.ru/issues/67/page42.html>

Где-то в марте или апреле 1946 года на очередном заседании Научно-Технического совета при Спецкомитете был поставлен вопрос об эффективности работы Бюро № 2 (фактически – бериевского «Отдела «С»», главного источника разведывательной информации). По каким-то аппаратным причинам Берии нужно было получить «официальную оценку» работы разведки.

К этому моменту уже разворачивались масштабные работы, основанные на материалах Бюро № 2 и Берия ожидал от Курчатова высокой оценки материалов Бюро № 2. Но доклад Курчатова, длившийся пять минут, свёлся к утверждению:

*«Ну, что ж, товарищи! Я считаю, что информация Бюро № 2 при Совете Министров, не противоречит нашим научным исследованиям. И это уже не так мало».*¹⁵⁹

Курчатовым не только не было сказано ожидаемое – мол, эта информация «играет важнейшую роль в нашей работе», не было сказано даже то, что она «помогает нам в нашей работе». Всего лишь «не противоречит нашим научным исследованиям». Говоря попросту, вместо ожидаемой «пятерки» разведка Берии получила только «твёрдую тройку» (твёрдость этой «тройки» подчеркнута фразой – «и это уже не так мало»). Так что Курчатов мог прикрыться щитом своего научного авторитета в глазах Сталина.

И потому Берия должен был принять меры, исключаящие возможность такой трактовки срыва сроков испытания, поскольку в конечном итоге и за разведку, и за соблюдение этих сроков он, Берия, отвечал перед Сталиным лично.

И это проясняет некоторые особенности содержания рассматриваемых документов. Берия начинает аппаратную интригу против Курчатова, но не с целью «убрать» его, а только с задачей переложить на его плечи бóльший груз ответственности за срыв сроков.

Берия понимал, что у Сталина нет возможности заменить Курчатова в этой ситуации (бомба была «почти готова», а коней на переправе не меняют), но отвести от себя неизбежное раздражение вождя и направить его на Курчатова или кого-то другого из руководителей Атомного проекта он, конечно, хотел и мог попытаться это сделать.

И первым шагом в этой интриге представляется тот факт, что отчет Ковалея, из которого очевидно, какие первоклассные материалы разведка представляет ученым, распространяется Берией среди всей руководящей верхушки советского атомного проекта и даже доводится до сведения генерал-лейтенанта П. В. Федотова, по сути не имеющего отношения к атомному проекту, но формально возглавляющего советскую разведку. В это время он – первый заместитель председателя КИ при МИД СССР, но именно в день подписания Берией своего распоряжения – 4 марта 1949 г. – Федотов выполняет функции председателя: В. М. Молотов освобожден от должности, а А. Я. Вышинский или Я. А. Малик еще не приступили к новым обязанностям. Этим и объясняется отмеченная выше странная адресация в распоряжении Берии.

Такая широкая адресация должна была быть и скрытым предупреждением Курчатову. Явно «угрожать» и «давить» на Курчатова в тот момент Лаврентий Павлович не хотел и не мог – в обстоятельствах весны 1949 г в интересах дела и личных интересах Берии Курчатов должен был быть ограждён от любых негативных факторов, отвлекающих его от работы над бомбой.

Но, тем не менее, для Берии было важным, чтобы Курчатов не забывал, насколько важными для проекта были материалы Ковалея в 1945–1946 гг., и понимал, что теперь, после оглашения «в узком кругу» материалов отчёта Ковалея, о значении этих материалов для развёртывания атомного проекта могут догадаться и некоторые другие «атомные генералы».

¹⁵⁹ А.Н. Рылов, интервью в фильме «Терминатор Разведчик, диверсант Павел Судоплатов 1 серия», «ЗАО телекомпания «Совершенно секретно», 2013 г., <https://www.youtube.com/watch?v=IX36rX4gegk> (вх. 18.04.20).

Так что винить в чем-то разведку в случае возможных «разборок наверху» Курчатову было бы просто глупо – это означало признание собственной недальновидности при экспертизе разведматериалов.

Терлецкий, как известно, ездил к Бору по заданию Берии с целью получения сведений об американской атомной бомбе. Что же существенного мог рассказать Бор, исходя из собственного опыта работы в Лос-Аламосе? Как считают А. В. Андреев и А. Б. Кожевников,

*«трудно сказать точно, насколько Бор был посвящен в технические детали проекта. Считается, что не очень глубоко. Он был в Лос-Аламосе несколько раз, но понемногу, способствовал общему моральному климату, участвовал в дискуссиях. По словам Оппенгеймера, его единственным конкретным вкладом была помощь в работе над инициатором (небольшой источник нейтронов, дающий старт цепной реакции)».*¹⁶⁰

А ведь именно информация о нейтронном инициаторе, принципе его работы и конструкции – одна из важнейших в отчете Коваля. То, о чем мог рассказать, но умолчал Бор в ноябре 1945 г. в беседе с Терлецким, сообщил в Москву (в конечном счете, лично Курчатову!) в декабре 1945 г. Коваль! Удивительна эвереттическая синхронистичность этих двух событий – поездки Терлецкого и донесения Коваля.

Другие руководители подразделений Атомного проекта, ранее не знакомые с объемом и ценностью материалов отдела «С», на примере этого отчета могли увидеть масштаб и значимость материалов разведки.

¹⁶⁰ Андреев А. В., Кожевников А. Б., «Копенгагенская операция советской разведки», ВИЕТ, № 2, 1994 г., стр. 44.

Берия и Коваль

А какую роль отводил Берия в этой аппаратной интриге генералам Сазонову и Мешику? Первый был его помощником, и, если бы у Берии не было каких-то особых «видов» на его роль, он мог просто показать ему отчет Коваля и получить интересовавшие его комментарии в рабочем порядке, не обременяя ни себя, ни Сазонова письменным распоряжением. Вероятно, такой показ и беседа и произошли в период с 1 по 4 марта.

И здесь генерал Сазыкин, опытный бюрократ, бывший «в теме» атомных вопросов уже много лет (работал заместителем Судоплатова в отделе «С» с 27 сентября 1945 по 28 марта 1947 г.) мог вспомнить, что материалы по полонию и объекту в Дейтоне были получены от агента Дельмара в отделе «С» еще в декабре 1945 г. и феврале 1946 г.¹⁶¹

Вполне вероятно, что эти материалы, адресованные из ГРУ на имя Судоплатова, прошли именно через него. И, разумеется, они были переданы Курчатову.

Я думаю, что эта информация от Сазыкина вызвала желание Берии поближе познакомиться с источником столь важной для атомного проекта информации. И полагаю, что Берия вызвал Дельмара-Коваля для личной беседы.

Это чисто эвереттическое утверждение. В ходе моих бесед с родственниками Жоржа я специально спрашивал – как Жорж относился к Берии? Что говорили об этом «в семье»? За годы совместной жизни какие-то «проговорки», «намёки» и т. п. должны были создать какое-то впечатление по этому вопросу. Ведь, не вспомнив ничего конкретного, мои собеседники утверждали достаточно уверенно – Сталина Жорж не любил. Но вот о его отношении к Берии никто ничего вспомнить не мог – никаких даже намёков ни у кого в памяти не сохранилось.

Я отношу это «белое пятно» в семейной памяти к тому, что у «нашего Жоржа» в «нашей» ветви альтерверса были особые причины не обсуждать это историческое лицо. И, я думаю, именно потому, что у Жоржа были личные впечатления, которые он не мог, да и не хотел обсуждать. А молчать Жорж умел профессионально – никто и не мог догадаться, что скрывается за его молчанием.

Итак, в преддверии встречи с Ковалем или в ходе нее у Берии, вероятно, появился план еще одного мероприятия. Возникшая в ходе беседы «симпатия» Берии к профессионализму Коваля только укрепила его в целесообразности и вероятной успешности задуманного им оперативного мероприятия.

Жорж отчетливо понимал, что его опыт будет весьма полезен в советском атомном проекте и был готов (более того, думаю, что внутренне настроен!) продолжить работу на каком-то советском атомном объекте. Но работать он хотел в качестве технического специалиста. А у Берии, думаю, были другие планы его использования.

Конечно, вокруг Курчатова уже были «люди Берии», но они выполняли, главным образом, функции «ушей Берии» и вряд ли могли эффективно выполнять функции «мозгов», особенно в качестве контрразведчиков. А именно эта категория спецслужб по мере приближения СССР к статусу «ядерной державы» становилась всё более актуальной.

Если о советской атомной разведке в последнее время мы, пусть ничтожно мало, но, всё-таки, узнали что-то содержательное, то об атомной контрразведке в советском атомном проекте мы не знаем практически ничего.

То, что этим формально занимался П. А. Судоплатов одновременно с работой и по атомной разведке, и по диверсионным делам, вряд ли говорит о том, что это было признанием важности атомной контрразведки. Скорее, наоборот. Судоплатову «навесили» эту работу по «остаточному принципу» – в отсутствие профессионала по данной теме создать эффективную

¹⁶¹ Лота В., «ГРУ и атомная бомба», М., ОЛМА-ПРЕСС, 2002, стр. 256.

специальную структуру было просто невозможно. И взятое мною в кавычки выражение «атомный Смерш» только намечает тоненькую веточку альтерверса.

Тема «советская контрразведка в атомном проекте» пока табуирована очень жёстко и, конечно, ещё ждёт своего исследования. Мне не удалось найти содержательной информации о работе 2-го Главного управления НКГБ-МГБ (ВГУ НКВД-МГБ), занимавшегося контрразведкой в 1945–1950 годах, во время создания советской атомной бомбы. И в открытой печати первым руководителем ВГУ назван П. В. Федотов, занявший эту должность в 1954 году.¹⁶²

Квалификация разведчика и длительная профессиональная техническая работа «на той стороне» делали Ковалея почти идеальным кандидатом на роль если не руководителя потенциального «атомного Смерша» (тут нужен опыт практической работы в чекистских структурах, которого у Жоржа не было), то уж главного аналитика и советника точно. На собственном опыте Коваль знал, что может интересовать «атомного разведчика», какие методы наиболее эффективны в этой работе, где могут быть «щели» для утечки технической информации.

А то, что такие «щели» в Советском атомном проекте были, сомневаться не приходится. Вот, например, в сообщениях из Лондона от 25 октября 1948 года и 12 февраля 1949 о контактах с Фуксом говорится, что

*«в начале октября он <Фукс – Ю. Л.> познакомился с сообщением англ. разведки о ходе строительства и оборудования сов. атомного центра около Сухуми, где работает немецкий физик Герц. В сообщении дается описание хода строит-ва и перечень поступающего оборудования».*¹⁶³

И

*«что англичане связались с одним из советских ученых с целью получить от него мат-лы о ведущихся в С. С. главных работах по атомной проблеме. Эти сведения Ч-зу <Фуксу – Ю. Л.> сообщил некто Скиннер (Herbert Skinner)».*¹⁶⁴

И в некоторой паутинке ветвлений альтерверса Берия, узнав о том, что Фукс обнаружил каналы утечки секретной информации о советском атомном проекте, каковы каналы он, Берия, сам и организовал, «находясь на службе у английской разведки», во избежание полного раскрытия своего двурушничества решил избавиться от Фукса и «сдал» его англичанам.

«Поймать» эту паутинку мог тогдашний заместитель начальника американского отдела ПГУ МГБ А. С. Феклисов (он же – Калистрат), который и получил в Лондоне приведённую выше информацию от Фукса. Провал Фукса в 1950 году прервал успешную работу Феклисова в лондонской резидентуре и, конечно, причина этого провала его очень интересовала. Но явно продемонстрировать свою заинтересованность Феклисову не хотелось – для всех «силовиков» времена были очень смутными и при ещё живом Берии сыпать соль на его раны добровольно, без понукания начальства и каких-то особых житейских или карьерных обстоятельств, было опасно.

Поэтому Феклисов решил реализовать свою инициативу через нового начальника Второго главного управления МВД А. С. Панюшкина. (Назначен 18 июля 1953 года, после аре-

¹⁶² «Второе главное управление КГБ СССР», Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/Второе_главное_управление_КГБ_СССР

¹⁶³ Архив ФСБ, Дело 84490 т.1, “Брас” – “Чарльз”, стр. 356. Цит. по сайту «Wilson Center. Digital Archive International History Declassified», А. Васильев, «VASSILIEV YELLOW NOTEBOOK #1», <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112856>, стр. 82 (вх. 26.03.19)).

¹⁶⁴ Ibid, стр. 393 архива, стр.83 сайта. Герберт Скиннер – «Нач-к отдела общей физики в англ. атомном центре», «фашист», как характеризует его 05.02.50 сотрудник КИ А. Райна (Архив ФСБ, Дело 84490 т.3, стр. 45. Цит. по сайту «Wilson Center. Digital Archive International History Declassified», А. Васильев, «VASSILIEV YELLOW NOTEBOOK #1», <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112856>, стр. 92 (вх. 26.03.19)).

ста Берии).¹⁶⁵ Было подготовлено письмо к министру МВД С. Н. Круглову и передано на ознакомление В. Б. Барковскому, который представил его Л. Р. Квасникову. Кроме «Дела Фукса» в письме «туманно» намекалось и на возможную утечку документов по «реактивной технике» и «радиолокации»:

«Товарищу Круглову С. Н.»

В связи с выявлением преступной связи предателя Берия с иностранными разведками было бы желательным допросить Берия и его сообщников дополнительно о том, какие сведения о наиболее ценных агентах научнотехнич. разведки и полученных от них материалах по атомной энергии, реактивной авиации и радиолокации и т. д. были переданы иностранным разведкам. Возможность передачи таких сведений можно предполагать, учитывая провал зимой 1950 г. в Англии ценного агента Клауса Фукса – крупного специалиста по атомной энергии и последовавший за ним летом 1950 г. провал в США агентурной группы известного Вам Джулиуса Розенберга. Если провал Р-га произошел в результате предательства Фукса, выдавшего своего связника, знавшего в прошлом одного из агентов группы Роз-га, а также последующего предательства этих связника и агента при допросе их амер. контрразведкой, то причины провала Фукса до сих пор точно не установлены. В 1951 г. амер-й контрразведкой были допрошены два других агента научнотехнич-й разведки, один из к-х в прошлом дал нек-е ценные сведения по атомной энергии. В-сь, к-е были им заданы, касались нек-х аспектов их работы с нами в прошлом. Причины, почему контрразведка стала интересоваться этими агентами, также неизвестны. Между тем, предателям Берия, Меркулову и Кобулову во время их работы на руководящих должностях в органах госуд-й безопасности, систематически докладывались все ценные материалы по атомной энергии, реактивной технике и радиолокации, а также сведения об источниках этой инф-ции. В частности, им были известны имена и биограф-е данные агентов Фукса и Роз-га и ряда членов агент-й группы последнего. Работая в Совете Министров СССР, Б. продолжал систематически получать всю инф-ю по в-сам атомной энергии, добываемую научно-техн-й разведкой. А в конце 1950 г. он затребовал из научно-технич. разведки перечень всех имеющихся агент-х материалов по реактивной технике и радиолокации, к-й был выслан в его распоряжение. Впоследствии отмеченные по указанию Б. в этом перечне 38 материалов были направлены в его адрес. 14 этих мат-лов не возвращены до наст. времени. Точно так же до сих пор не было возвращено значит-е кол-во материалов по атомной энергии, несмотря на напоминания тов. Завенягину и тов. Махневу со стороны 2 Главного Управления МВД СССР. Принимая во внимание вышеизложенное, считал бы целесообразным поручить следственной комиссии допросить Берия, Меркулова и Кобулова

¹⁶⁵ Млечин Леонид Михайлович, «Служба внешней разведки. Александр Панюшкин. Посол и резидент», <https://history.wikireading.ru/45863>, (вх. 29.01.20).

Б. по этим в-сам и поручить 6 отделу 2 Главного Упр-я подготовить для следствия соответств-е мат-лы.

А. Панюшкин... декабря 1953 г.»¹⁶⁶

Как видно из этого пространного текста, у чекистской контрразведки действительно были формальные основания задать Берии «неудобные вопросы». Но вряд ли за этим формализмом скрывалось что-то большее, чем желание продемонстрировать «бдительность» и лояльность новому руководству страны. (Ну, и действительный интерес Феклисова к деталям провала Фукса, оборвавшего его блестящую работу в Лондоне...).

Но в нашей ветви альтерверса вопросы и не были заданы. В документе отсутствует дата, но стоит месяц – декабрь. Это черновик письма, который ещё должен пройти согласование и правку. После этого (если Круглов сочтёт целесообразным) нужно будет согласовать вопросы с ведущим делом Генеральным Прокурором Р. А. Руденко, и включить тему в план допросов. Всё это требует значительного времени.

В «нашей истории» черновик не прошёл и первого этапа – согласования:

«[Док-т не подписан. На с. 329 – резол-я Квасникова от 18.12.53: “Тов. Барковскому В. Б. Данный документ мною доложен т. Доброхотову и т. Панюшкину. Поскольку мы не имеем уличающих данных, провести допрос только на наших предположениях не представляется возможным, нечем их припереть”».¹⁶⁷

А времени для сбора «уличающих данных», чтобы «припереть» Берию, Меркулова и Б. Кобулова уже не было. Да и не нужно это было – Берия был расстрелян 23 декабря 1953 года, через 5 дней после сетования Квасникова о недостаточности имеющихся «уличающих данных». Ветвление исторического альтерверса произошло и без «достаточных данных», а в выбранной ветви новому руководству эти данные уже нужны были как прошлогодний снег...

Конечно, в 1949 году Лаврентию Павловичу в нашей ветви альтерверса даже в страшном сне не могло присниться, что «прорехи» в режиме «атомной секретности», обнаруженные Фуксом и ставшие известными его куратору Феклисову и его руководителю Квасникову, могут так «аукнуться» ему в 1953 году.

Рассматривая в 1949 г. возможность использования Жоржа в работе контрразведки Берия, прежде всего, рассчитывал на длительный опыт его успешной работы в условиях тотального контроля американских спецслужб.

А в том, что Коваль согласится на сотрудничество с ним в деле улучшения деятельности контрразведки, Берия, конечно, не сомневался. Но как убедить Курчатова в необходимости принять Ковалья в свою команду?

Если предложить Курчатovu кандидатуру Ковалья прямо, он наверняка будет считать это попыткой внедрения к нему «засланного казачка». Да это было и невозможным даже для Берии – введение в проект американца (а Коваль и по анкетным данным, и «по сути», с точки зрения кадровиков, был именно американцем) требовало предварительно личного одобрения Сталина.

Шансов на согласие Сталина почти не было. Берия уже имел негативный опыт попытки введения в проект американского учёного российского происхождения Г. Н. Антонова в 1945 году. Г. Н. Антонов в это время был заведующим кафедрой физической химии Фордхемского

¹⁶⁶ Архив ФСБ, Дело 84490 т.5 «“Брас” – Клаус Фукс», стр. 329–330. Цит. по сайту «Wilson Center. Digital Archive International History Declassified», А. Васильев, «VASSILIEV YELLOW NOTEBOOK #1», <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112856>, стр. 56 (вх.28.01.20).

¹⁶⁷ Архив ФСБ, Дело 84490 т.5 «“Брас” – Клаус Фукс», стр. 329. Цит. по сайту «Wilson Center. Digital Archive International History Declassified», А. Васильев, «VASSILIEV YELLOW NOTEBOOK #1», <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112856>, стр. 57 (вх.28.01.20).

университета (Нью-Йорк, США). По характеристике самого Берии в письме к И. В. Сталину, Г. Н. Антонов был

«продолжателем работ профессоров Менделеева и Коновалова... В 1914 году защитил диссертацию на тему «Продукты дезинтеграции урана»»¹⁶⁸

Известно, что он работал по теме радиоактивности у самого Резерфорда, в 1911 г. открыл радиоизотоп Уран-У (^{231}Th), в годы Первой мировой войны читал в Петроградском Университете курс лекций по радиоактивным веществам, в январе 1917 года (ещё до революции и потому никак не мог быть причастным к борьбе против большевиков!) покинул Россию, но в 1945 году просил у И. В. Сталина

*«разрешить мне вернуться на Родину и принять участие в воссоздании всего того, что разрушила эта война, кончившаяся столь блестяще благодаря Вашему лидерству».*¹⁶⁹

Фактически, сам Берия ручался за него:

*«компрометирующих данных на АНТОНОВА не имеем».*¹⁷⁰

Но Сталин отказал – даже несмотря на «покровительство» самого Берии! (скажем мягче – «возможное покровительство», поскольку архивный экземпляр письма к Сталину Берией не подписан☺).

Сталин американцам (если говорить точнее – российским эмигрантам, обосновавшимся в Америке), претендующим на работу над бомбой непосредственно в нашем атомном проекте, не доверял.

Вот ещё одно свидетельство на эту тему:

*«Александр Васильев: Был, по крайней мере, один человек, который попросил денег за свою информацию. Звали его Борис Подольский, псевдоним «Квант». Родился он в России в 1896 году, эмигрировал в Америку в 1911 году. В 35 году вместе с Альбертом Эйнштейном он написал очень важную работу по квантовой механике. А в 42 году он пришел в советское посольство в Вашингтоне и сказал, что хочет поехать в Советский Союз, чтобы помочь создать атомную бомбу. Ему сказали, что это невозможно. Потом с Борисом Подольским встречались в Нью-Йорке, и в частности, с ним встречался Семен Семенов. Когда Подольский пришел на встречу с Семеновым, он сказал, что хотел бы получать финансовое вознаграждение. Подольский принес материалы по атомной бомбе, Семенов на них посмотрел и сразу же выдал ему 300 долларов. По нынешним ценам это примерно 3500 долларов. Борис Подольский не участвовал непосредственно в атомном проекте, но он знал, какие проекты там ведутся, с какими проблемами сталкиваются ученые. Сотрудничества с ним не получилось. Наше руководство решило, что не имеет смысла тащить его в Советский Союз, что он нужнее на месте, а на месте с ним работа не пошла».*¹⁷¹

Именно потому, что Берия сам «обжётся», предлагая Сталину взять в Советский атомный проект «лояльного эмигранта», он решил попробовать подставить Курчатова.

¹⁶⁸ Письмо Л.П. Берии И.В. Сталину от 12 декабря 1945 г., ГА РФ, ф. 9401, оп. 2, д. 102, л. 94

¹⁶⁹ Письмо Г.Н. Антонова И.В. Сталину от 15 сентября 1945 г., ГА РФ, ф.9401, оп.2, д. 102, л. 97

¹⁷⁰ Письмо Л.П. Берии И.В. Сталину от 12 декабря 1945 г., ГА РФ, ф. 9401, оп. 2, д. 102, л. 94

¹⁷¹ Владимир Тольц, «"Розенберги и другие. Интерьер с бомбой". Передача четвертая», эфир «Радио Свобода» от 10 августа 2013 г., цитируется по транскрипции записи на сайте «Радио Свобода», <https://www.svoboda.org/a/25072024.html> (вх. 20.03.19).

По замыслу Берии, Курчатов должен сам попросить направить Коваля в свое распоряжение. И произойти это должно было после его личного знакомства с квалификацией Жоржа Абрамовича. Но по правилам конспирации организовать прямую личную встречу Коваля и Курчатова было нельзя. И возникла идея «конспиративной встречи».

Генерал Сазыкин (а не Берия!) должен был после официального ознакомления с материалами отчета Коваля выдвинуть инициативу проверки достоверности рассматриваемых материалов по правилам разведки. (Вот для чего нужно было упомянуть его в распоряжении Берии!)

Нужно было убедиться в том, что источник информации действительно компетентен в излагаемых вопросах и составил свой отчет именно на основании личного опыта, а не излагает чью-то чужую информацию. И в части, касающейся технологических вопросов, в этом могли разобраться только Курчатов и Харитон. Поэтому предлагалось устроить «живую беседу» Коваля и проверяющих по правилам конспирации, используемым в разведке.

Технически такую «беседу» должен был организовать генерал Мешик – он был специалистом по секретности. Вот почему и его фамилия попала в распоряжение Берии от 4 марта.

По замыслу Берии, в ходе этой беседы Курчатов должен был убедиться в ценности Коваля как специалиста в технологических вопросах производства делящихся материалов для бомбы и осознать необходимость его работы где-то в своей системе.

Все изложенное относительно замысла Берии и событий марта 1949 г. можно было бы считать очередной «конспирологической легендой» атомного проекта, если бы мне не посчастливилось в ходе работы по сбору воспоминаний о Жорже взять несколько интервью у Евгения Сергеевича Дмитриева, инженера кафедры ОХТ РХТУ им. Д. И. Менделеева.

Я знаком с Евгением Сергеевичем с 70-х гг. прошлого века и знаю его как человека ответственного и не склонного к мистификациям. Он работал с Жоржем Абрамовичем под его непосредственным руководством с 1966 по 1985 г.

И вот что выяснилось в ходе наших бесед с Евгением Сергеевичем:

15.10.13

Е. Д.: ...так случилось, что у меня есть информация «из надежного источника» о некоторых деталях того, как и кому была передана информация от Коваля после его возвращения. Лаврентий Павлович поставил процесс передачи информации без рассекречивания источника вполне грамотно. Дело происходило примерно так. В одной комнате сидел Жорж, а в другой, за стенкой, Курчатов, Харитон и другие, кто двигал наш атомный проект. Всего шесть человек. И вот кто-то из шестерки писал на бумажке вопрос: «Как там у них сделано то-то и то-то?» И специальный товарищ-посыльный брал эту бумажку и относил Жоржу. Жорж писал ответ. Так и работали целый день... И не один день!¹⁷²

03.07.14

Ю. Л.: В феврале месяце совершенно случайно обнаружили документы, которые Крамиш прислал Жоржу. Майя Коваль – внучка Жоржа – перебирала его книги в домашней библиотеке, и из нее выпали два листочка.

¹⁷² Уточнение Е. Д. от 3 ноября 2013 г.: «Разумеется, я не могу утверждать достоверно, как очевидец, что так оно и было. Такие вещи нужно проверять и уточнять. Но считаю, что нужно зафиксировать все воспоминания, все, что слышал. И мое воспоминание об этом эпизоде не «подставляет» никого из ныне живущих. А историки пусть проверят достоверность того, что я слышал...».

Вот один из них. Посмотри! (предъявлены приведенные выше ксерокопии. – Ю. Л.)

Е. Д.: Ничего себе!..

Ю. Л.: Да! Из этих документов следует, что лично «товарищ Берия» дает указания «товарищам Курчатovu, Харитону»...

Е. Д.: И Первухину!..

Ю. Л.: ...разобраться с информацией по вопросам, которые излагались в отчете Жоржса. Значит, информация от Жоржса не просто дошла до «высшего руководства», но Берия, исходя из ее важности, счит нужным организовать контакт «источника» с руководителями советского атомного проекта. И это подтверждает то, что ты рассказывал мне при нашей первой встрече о ходе этих контактов Жоржса и Курчатова!

Е. Д.: Ты знаешь, кто мне это рассказал?

Ю. Л.: Именно к этому я и веду. Думаю, что теперь можно огласить источник твоей информации.

Е. Д.: Это сказал Васильев Дмитрий Павлович. Генерал ГРУ. Он уже умер... Я хорошо знаю его сына – Сергея Дмитриевича. Он «киноинник». А Дмитрий Павлович работал во время войны в Нью-Йорке, через него шли поставки по ленд-лизу через «Севморпуть» и авиацией через Аляску... И он мне сказал, что Берия соблюдал такую секретность, что это наверняка было так, как я тебе рассказывал. И что и в американской разведке тоже сохраняли инкогнито информаторов примерно так же... Бегал курьер с этажа на этаж...

Ю. Л.: Еще раз, вспомни, что он тебе сказал?

Е. Д.: Берия очень боялся, что кого-то из «Курчатовского проекта» выкрадут, и он может что-то раскрыть. А потому «меньше знаешь – лучше спишь!». Поэтому он не показывал Жоржса ни Курчатovu, ни Харитону. Ведь, хотя американцы по своим каналам знали, что Жоржс жив, но наверняка над ним висел смертный приговор за его дела.

Ю. Л.: И у Берии было предположение, что Жоржс является для американцев «врагом номер один»?

Е. Д.: Совершенно верно! И наверняка американцы хотели его «ликвидировать», но просто физически не могли этого сделать... А Берия, как человек умный и хитрый, препятствовал распространению любой информации о Жоржсе...¹⁷³

Ю. Л.: А откуда, как ты думаешь, Васильеву было известно что-то о Жоржсе? Он ведь был «по ленд-лизу»?

Е. Д.: По возвращении из Америки Васильев достиг очень высокого положения. Все-таки, генерал ГРУ – это не «рядовой»... Но чем конкретно он занимался, я, конечно, не знаю.

Ю. Л.: А ты почему стал задавать вопросы о Жоржсе?

Е. Д.: Это было года за два до кончины Дмитрия Павловича. Я, узнав в разговоре с Сергеем, что его отец во время войны был в Америке, рассказал ему о Жоржсе. И он передал это отцу. Мы встретились с ним...

Ю. Л.: Когда, где?

¹⁷³ В связи с моим предположением о желании внедрить Ковалея в окружение Курчатова, избранная Берией форма знакомства может иметь и особый смысл оперативной игры с Курчатовым – «ловли на живца». Если Курчатов заинтересуется информатором, их можно будет свести лично для развития этой игры. Если нет – Коваль остаётся не персонифицированным «агентом Дельмар» в соответствии с правилами конспирации, принятыми в разведке.

Е. Д.: Это было летом. Дмитрий Павлович уже очень плохо видел, и Сергей его водил. Мы встретились в скверике возле Высшей партийной школы и постояли, разговаривая, минут двадцать...

Ю. Л.: А когда умер Дмитрий Павлович?

Е. Д.: Где-то году в 2007...

Ю. Л.: Значит, это было после 2002 года, когда из публикаций Лоты стало известно о Жорже как о разведчике. Во всяком случае, факт того, что Жорж работал в ГРУ, уже не был секретом. Это объясняет откровенность Дмитрия Павловича. Ведь сведения, которые сообщил тебе Дмитрий Павлович, только дополняют Лоту после раскрытия главной «тайны ГРУ»: Жорж Коваль – атомный разведчик ГРУ.

08.05. Е. С. Дмитриев во время интервью 03.07.2014.¹⁷⁴

Подчеркну, что информация о «конспиративной встрече» Курчатова и Ковалья была получена мною до обнаружения М. Г. Коваль рассматриваемых документов, и рассказ Е. С.

¹⁷⁴ Источник фото: Архив автора. Фото Ю.А. Лебедева.

Дмитриева полностью соответствует предложенной трактовке событий марта 1949 г., произошедших в связи с реакцией Берии на отчет Коваля.

Есть и ещё один, «конспирологический» вариант трактовки причин «внутреннего раскрытия» Берией в 1949 году наличия хорошо осведомленного советского агента в Манхэттенском проекте. Раскрытия, разумеется, только для узкого круга причастных к созданию атомной бомбы высших руководителей госаппарата, разведки и научного комплекса советского атомного проекта. Этот вариант трактовки профессиональной работы Ж. А. Коваля я слышал от нескольких «хорошо информированных источников».

Кратко он может быть выражен словами Е. Б. Шиховцева, с которым мы обсуждали эту тему:

*«Не был ли Коваль фигурой прикрытия, рассекречивание коей должно было прикрыть некоего настоящего суперагента? Это ведь тоже классика дезинформации».*¹⁷⁵

Наличие такого «суперагента» в лице самого Р. Оппенгеймера, Г. Гопкинса или кого-то ещё, обсуждается в исторической литературе, но пока это предположение не является хорошо проработанным.

Осмысление рассматриваемого документа даёт дополнительные аргументы для этой версии, т. е. повышает «весовой коэффициент» такой ветви альтерверса в суперпозиции исторических состояний марта 1949 года, но насколько существенно, ещё требует уточнения и проверки.

Как бы то ни было, Курчатов не попросил направить в его распоряжение автора документов, проанализировать которые распорядился Берия. Причин этого может быть много, но мне кажется, что главными были две.

Первая – в 1949 г. содержащиеся в отчёте дополнения к полученной ранее от Коваля информации о технологиях получения плутония и полония в 1945–1946 гг. в США была для Курчатова не актуальной. Реактор в Челябинске уже почти наработал нужное для первой бомбы количество плутония, а лаборатория А. Я. Апина в КБ-11 уже создала нейтронный запал для нее.

¹⁷⁵ Е.Б. Шиховцев, письмо к автору, e-mail от 03.09.16:05.10

08.06. А. Я. Апин, Дунино, 1948 г.¹⁷⁶

В основе и того, и другого успехов, безусловно, была немалая заслуга Коваля, но только *в основе*, сейчас же, накануне решающего испытания, специалист в американских технологиях пятилетней давности мог внести только ненужную нервозность в и так накаленную атмосферу практической подготовки первого советского атомного взрыва.

Вторая – Курчатов, вероятно, понял игру Берии, и не захотел иметь при себе «засланного казачка». Тем самым, он спас Жоржа Абрамовича от исполнения весьма неблагоприятной (хотя, действительно «производственно необходимой» в атомном проекте!) роли соглядатая, которая, осуществись замысел Берии, почти наверняка привела бы к трагическим последствиям для Коваля.

Зная его лично много лет, я берусь утверждать – не был он из породы «педелей». Приведу такой факт, которому я был свидетелем лично. На кафедре ОХТ в МХТИ им. Д. И. Менделеева в начале 70-х годов ввели правило – каждый сотрудник должен записывать в специаль-

¹⁷⁶ Источник фото: «Апин Альфред Янович(1906–1972)», сайт Росатома, http://www.biblioatom.ru/founders/apin_alfred_yanovich/

ный журнал время своего прихода и ухода. Руководители курсов должны были контролировать выполнение этого правила и докладывать руководству результаты своего контроля.

Разумеется, это правило нарушалось ежедневно – сотрудники вели себя «по понятиям», но записывали в журнал «предписанные» данные. Жорж Абрамович, руководитель курса «Автоматизация химических производств», реагировал на это тоже «по понятиям» – распекал нерадивых, поощрял дисциплинированных вне зависимости от записей в журнале. Следить за своими подчинёнными «с хронометром в руках» было просто противно его натуре.

Если бы план Берии удался, то исполнение этой навязанной и чуждой ему роли закончилось бы для Жоржа или лагерем (немедленно в случае отказа от сотрудничества с Берией или «недобросовестного исполнения» этих обязанностей), или моральными мучениями на всю оставшуюся жизнь.

Тем не менее, Жорж выдержал «экзамен» специалистов и тем самым укрепил позиции Берии при возможном конфликте с Курчатовым в ходе разборки причин срыва сроков готовности бомбы. И он не был виноват в глазах Берии в провале попытки внедрения «своего человека» в ближнее окружение Курчатова и Харитона.

После завершения итогового отчёта и успешной его защиты у самого Л. П. Берии, руководство ГРУ должно было принять решение о дальнейшей судьбе «агента Дельмара». Это не было простым вопросом.

Профессиональная состоятельность Ковалея не вызывала сомнений, а вот его «политическое лицо» в свете идущей в стране компании борьбы с космополитизмом требовало «прояснения» и, возможно, некоторых оперативных мероприятий, включающих, например, собеседования с лицами, общавшимися с Ковалем после его возвращения в октябре 1948 года. Собеседований, разумеется, конфиденциальных, без возможностей у Жоржа узнать что-либо от своих коллег и как-то повлиять на ход проверки.

Понятно, что пока идёт проверка и обсуждение различных вариантов использования Жоржа, он не должен иметь возможности влиять на эти процессы.

Сначала процесс проверки протекал в рамках «работы с документами», но примерно через месяц потребовалось проведение каких-то оперативных мероприятий, сведений о которых сам Жорж не должен был иметь. Однако, для предотвращения утечки информации не арестовывать же героического нелегала, удостоенного благосклонности самого Берии!

И было решено, что военнослужащему Жоржу Абрамовичу Ковалею предоставляется отпуск на 50 суток, который он должен провести у родителей, в колхозе имени 17 партсъезда под Хабаровском, находящимся в 8 533 километрах от Москвы по железной дороге...

Глава 9. Прощание с Дельмаром

Поездка в колхоз

После «отчёта у Берии» намерения руководства ГРУ и желания самого Жоржа полностью совпали. Сам он, конечно, нуждался в отдыхе и очень хотел встретиться с отцом, матерью и братом. И он был рад, что такую возможность ему дали. 5 мая 1949 года он получил отпускной билет сроком на 50 суток:

Отпускной билет № 51

МВС СССР
ВОЙСКОВАЯ ЧАСТЬ
№ 38729
г. Москва

Предъявитель сего Военнослужащий
КОВАЛЬ Жорж Абрамович

уволен в очередной отпуск за 1949 г. ст. Волочаевка 2,
Хабаровского края, колхоз им. 18 Партс'езда.

сроком на 50 (пятьдесят) суток
с 7 мая по 25 июня 1949г.

Уволенный в отпуск КОВАЛЬ Ж.А.

обязан по окончании срока его явиться к месту службы в город
Москва

26 июня 194 9 г.

Для проезда туда и обратно выданы перевозочные документы:
требования по форме № 1 за №№ 439046
первое на проезд от станции (пристани) Москва
до станции (пристани) Волочаевка-2 по маршруту и обратно

и второе на проезд от станции (пристани) _____
до станции (пристани) _____ по маршруту _____

ПОМ. НАЧАЛЬНИКА В ЧАСТИ 38729
Подпись Егоров (ЕГОРОВ)
ПОЛКОВНИК
М А Я 194 9 г.

ЛИТ МВС СССР 1949-И

09.01. Отпускной билет Ж. А. Коваля.¹⁷⁷

Любопытная деталь – подписан билет *полковником* Егоровым, а выдан он *военнослужащему* Ковалю. Почему же он без звания? Ответ во всё ещё закрытых материалах какого-то архива ГРУ.

¹⁷⁷ ДСАЖАК, оригинал.

Но кое-что об этом военнослужащем можно сказать на основании самого отпускного билета. Судя по сроку отпуска – 50 суток – «военнослужащий Коваль Жорж Абрамович» – офицер. Длительный отпуск предоставлялся

*«офицерам Красной Армии и Военно-Морского Флота на срок до 30 суток, не считая времени на проезд к месту отпуска и обратно».*¹⁷⁸

Десятисуточный срок в пути от Москвы до станции Волочаевка-2, «заложенный» командованием в дополнение к 30 суткам основного отпуска, в то время был вполне достоверен. Но Жоржу, судя по отметке о прибытии на обратной стороне билета, уложиться в этот срок не удалось – начав отпуск 5 мая, он прибыл в «Колхоз имени 18 партсъезда» только 17 мая.

Подробнее «социальный статус» Жоржа был прописан в каком-то удостоверении личности. А таковым для военнослужащего является военный билет. Значит, в отпуск Жорж отправился, имея на руках военный билет офицера. Не может же он ехать через всю страну без удостоверения личности! Там же было указано и его офицерское звание. И жил он с этим документом с октября 1948 (прибытие в СССР) по июнь 1949 года (возвращение из отпуска), когда ему был выдан новый военный билет. Значит, пока он ездил в колхоз, в Москве начальство ГРУ ещё не решило окончательно его судьбу. И спектр этих решений мог быть весьма широким – от награды до расстрела...

Конечно, Жоржу и Миле очень хотелось поехать вместе! Но была очень важная причина, по которой Людмила Александровна поехать вместе с Жоржем не могла – она должна была пройти курс лечения в санатории, путёвка в который была ей обещана в ближайшее время, а получить на заводе два отпуска в одном году было, конечно, не реально.

И они с Жоржем решили, что её отдых и лечение важнее, чем совместная поездка на Дальний Восток. Жорж поехал один, а Людмила Александровна осталась, ожидая путёвки и поездки на лечение. Договорились, что она сразу же известит Жоржа о сроках своего отпуска.

И это сделало возможным сегодня подробно рассмотреть поездку Жоржа к родителям, поскольку все её этапы описаны в его письмах, сохранившихся в семейном архиве.

Жорж уехал из Москвы 9 мая. В 1949 году день 9 мая назывался не «День Победы», а, по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 23 декабря 1947 года, более скромно – «праздник победы над Германией». И был обычным рабочим днём.

Первое письмо отправлено с дороги 11 мая. И начинается оно с меланхолической констатации:

*«Скучно, очень скучно – и ещё жарко и, кроме того, пыльно. Едем уже третьи сутки а ещё не вошел в обычное состояние безразличия, когда ешь и пьешь и спишь и тебе безразлично, какой сегодня день и далеко ли еще ехать и кажется, что всю жизнь так один и будешь ехать, без конца».*¹⁷⁹

Что же мешало установиться этому «обычному» у нас гоголевскому настроению длительной дороги по бескрайним российским просторам? Невольно ощущаемый контраст с хотя и длительными, но динамичными и напряжёнными деловыми поездками по Америке и, особенно, по Европе при возвращении? Вряд ли впечатления от них уже совершенно забыты. Да и воспоминания о бурных событиях «отчётного периода», прошедшие «игры» с Берией и Курчатовым, неопределённость дальнейшей судьбы, располагали не к меланхолическому безразличию, а к сосредоточенному самоанализу.

¹⁷⁸ «Приказ с объявлением постановления Государственного Комитета Обороны “О восстановлении отпусков военнослужащим Красной Армии и Военно-Морского Флота” № 0147 24 июля 1945 г.», цит. по сайту «Проекты BDSA.RU – Боевые действия Красной армии в ВОВ», http://bdsa.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=732:592&catid=39&Itemid=125 (вх. 23.12.19).

¹⁷⁹ ДСАЖАК, письмо Ж.А. Коваля к Л.А. Ивановой от 11.05.1949 г «недоежая Омска». Сохранена орфография подлинника.

Конечно, Курчатова он не знал ни лично, ни по фамилии, но понимал, что его отчёт принимало высшее руководство советского атомного проекта.

Однако, как видно из письма, ни меланхолия, ни умственная работа не овладели им. Жара, пыль и скука... Почему? Причин оказывается две.

Первая описана Жоржем с джеромовским юмором:

*«У нас в купе больше никого не посадили. Так и едем – сосед мой Слава, замечательный мальчик, добродушный, чистоплотный, дисциплинированный. У него один недостаток – понос – правда он лучше кошки тем, что просится на горшок, но поезд качает и часто бывает так – раз и мимо, т. что вообще результат почти такой же».*¹⁸⁰

А вторая – собственное самочувствие:

*«Нос распух, голова болела, ноги ломали. Но к счастью погода вышла горячая (26, 27 градусов) и все это солнце скоро выпекло и теперь почти нет никаких следов».*¹⁸¹

Так что первые трое суток пути ничего приятного не принесли. К списку огорчений можно добавить и то, что из-за дефекта колеса в первые же сутки отцепили вагон-ресторан. Жорж сохранил о нем теплые воспоминания:

*«Я один раз успел покушать в нем – было очень вкусно. Очень хорошо».*¹⁸²

И, со всё-таки берущей своё на третьи сутки пути меланхолией, философски замечает:

*«Без него хуже, но жить можно вполне».*¹⁸³

После окончания насморка он начинает с неизбежной меланхолией оглядываться по сторонам:

*«Публика скучная – почти все военные. Дуют в преферанс и вдурак – свободных дам почти нет, т. что любовь не процветает. Некоторые смотрят на проводницу и вздыхают но она (пока что?) никого не выделяет, со всеми одинаково любезна.»*¹⁸⁴

Наконец появляются и первые результаты осмысления дорожных наблюдений:

*«Такая поездка очень стимулирует размышление – едешь и видишь, что наша земля почти не тронута: редко где земля возделывается – города и деревни серенькие присеренькие. Видишь какие есть нетронутые богатства и сколько нужно ещё делать».*¹⁸⁵

Это, конечно, отголосок невольного сравнения нынешней поездки со стремительным прошлогодним броском по Европе в «Восточном экспрессе».

Следующее письмо отправлено также с дороги 15.05.1949 г. «*между Читой и Хабаровском*».¹⁸⁶ И продолжает тему российских просторов и их восприятия путешественником.

Поездка длится уже почти неделю. Как пунктуально отмечает Жорж,

¹⁸⁰ Ibid

¹⁸¹ Ibid

¹⁸² Ibid

¹⁸³ Ibid

¹⁸⁴ Ibid

¹⁸⁵ Ibid

¹⁸⁶ ДСАЖАК, письмо Ж.А. Ковалея к Л.А. Ивановой от 15.05.1949 г. «*между Читой и Хабаровском*», отправленное из Могочи. Сохранена орфография подлинника.

«Скоро (часов через 5) будет неделя, как мы расстались. Скучно без тебя»¹⁸⁷.

Но скучно не только от отсутствия близкого человека, но и от скудости путевых впечатлений.

«Мы находимся теперь между Читой и Хабаровском. На протяжении этих 2,500 километров, станции все маленькие, крупных городов нет. «Крупными» называются такие, как Ерофей Павлович, Сквородино, Шилка, Могоча и т. д. о которых я уверен ты даже никогда не слышала.»¹⁸⁸

Единственным исключением из череды скучных безлюдных пейзажей за окном был, конечно, Байкал:

«Мы вчера проехали Байкал. Он был по обыкновению великолепен, но я не пришел в свой обычный восторг».¹⁸⁹

09.02. Вид на Байкал из окна поезда.¹⁹⁰

По моим подсчётам, это была восьмая поездка Жоржа по железной дороге мимо Байкала. Эти притягивающие глаз пейзажи он видел уже семь раз, и они всегда вызывали чувство восторга.¹⁹¹ Но не в этот раз...

¹⁸⁷ Ibid

¹⁸⁸ Ibid.

¹⁸⁹ Ibid.

¹⁹⁰ Источник фото: Alexander Belenkiy (Беленький Александр), фото в материале Sergei Rzhnevsky (Ржевский Сергей), «The train ride along the shore of Lake Baikal», 22.09.16, сайт russiatrek (блог путешествий по России), <http://russiatrek.org/blog/regions/the-train-ride-along-the-shore-of-lake-baikal/> (вх. 03.02.20).

¹⁹¹ Фото сделано много позже, чем это видел Жорж, но великолепие пейзажа за окном железнодорожного вагона в этих местах мало меняется с годами...

Почему? Ответ – в психологическом состоянии Жоржа. В этой поездке он не «путешественник в пространстве», он – «путешественник во времени».

Его прошлогоднее возвращение в Москву уже показало ему, насколько сложно срастаются ветви судьбы после девятилетнего перерыва. И он понимал, какую важную роль в этом сыграла его Мила, жена и друг, которая выдержала испытание разлукой, смогла понять его сегодняшнего и помогла сохранить «дней связующую нить».

Теперь же Жоржу предстояла новая встреча с прошлым, но груз настоящего на этот раз должны были принять его пожилые родители, пережившие годы войны не в благоустроенном Сью-Сити и солнечной Калифорнии, как их американские родственники, а у биробиджанских сопок, в лесах, степях и болотах. И он страшится, что этот груз окажется слишком тяжёлым для его ностальгических иллюзий.

*«Эта поездка не веселая для меня. Думаю, основное – это почти боязнь увидеть маму и папу. Я их помню и могу представить только такими как они были лет 15 назад. Я их даже не помню в том виде, как они были в 40-м году, а как они выглядели раньше, когда отец и мать были в полном расцвете сил. Знаю, что они очень постарели с тех пор, и мне страшно увидеть это. Знаю, что будет тяжело».*¹⁹²

Здесь следует обратить внимание на то, что Жорж не помнит, как выглядели его родители в 1940 году, когда он видел их в последний раз. Это свидетельствует о том, что его встреча с ними тогда была не эмоционально значимым прощанием на долгие годы, а именно деловым мероприятием, о котором говорилось в главке «Легализация» главы «Командировка». Он обсуждал с отцом детали возможного взаимодействия с американскими родственниками и друзьями отца в ходе выполнения его задания или в случае возникновения «непредвиденных обстоятельств». И оба не считали, что прощаются надолго. Командировка Жоржа не предполагала быть особенно длительной.

К концу поездки стало особенно тяготить дорожное безделье и невозможность сосредоточиться. Это безделье особенное – оно наполнено ненужной суетой и ненужным общением:

*«... мне уже так надоело бездельничать, и в этом отношении хуже даже чем дома. Там есть возможность хоть почитать, подумать, а тут соседы, необходимость сходить на каждую станцию сделать покупки, вообще быть – не дают заниматься, чем-нибудь серьёзным. Если едешь после какой-нибудь активной деятельности, такое в сущности глупое существование, на некоторое время может быть даже приятно, а для меня на этот раз оно тяготно».*¹⁹³

Да, ехал он после весьма «активной деятельности», и в начале пути могло быть и приятно побездельничать пару-тройку дней, но именно тогда он страдал от своего насморка и поноса добродушного и чистоплотного мальчика Славы (понос, кстати, и до конца поездки не прекратился).

А после недельного пребывания в купе со Славой и его родителями («они славные...»), постоянными партнёрами по неизбежной в дороге игре в «дурака», конечно, уже хотелось «свободы и покоя».

И за два дня до окончания поездки финал письма не излучает оптимизма:

¹⁹² ДСАЖАК, письмо Ж.А. Коваля к Л.А. Ивановой от 15.05.1949 г. «между Читой и Хабаровском», отправленное из Могочи. Сохранена орфография подлинника

¹⁹³ Ibid

*«Хотел написать длинное письмо, но очень болтает и настроение отвратительное...».*¹⁹⁴

Следующее письмо написано уже из родительского дома, на второй день после приезда, 18 мая. В Хабаровске Жоржа встретила колхозница, которую мама специально отправила для его встречи и сопровождения до дома. Приехали на местном поезде на станцию Дежневка в двух километрах от колхоза. Колхозница побежала сообщать, что Жорж приехал, и

*«через полчаса, вижу идет моя мама с тремя девочками.»¹⁹⁵ Мама еле ходит, спотыкается. Меня встретила, прижала к груди, горько и громко плакала. Девушки, смущенно, стояли не знали, что сказать, что делать. Вообще, кончилось. Я осмотрелся. Мать начала более спокойно говорить. Она, очень постарела. вообще плохо выглядит – совсем старушкой. и ум у нее в многих отношениях старческий».*¹⁹⁶

Как видно из этих строк, дорожные опасения Жоржа были не напрасными. Во всяком случае, по отношению к матери. Встреча получилась действительно тяжёлой.

Жорж, вероятно, остался на станции с чемоданом и ждал мужской помощи отца с братом (за полчаса, если бы он пошел налегке вслед за колхозницей, он наверняка был бы дома). Но первой, несмотря на немощь, пришла мать – она наверняка хотела быть первой и велела мужу и сыну подождать дома, пока она сама не встретит и не заплачет. Не хотела, чтобы кто-то видел это.

«Девушек» (старшей было 13 лет) направили для того, чтобы ей было легче дойти и, «в случае чего», быстро вернуться за помощью домой. По всему чувствуется, что именно мать была «старшей» в семье, как это и принято в еврейских семьях –

*«В делах домашних... мужчина должен следовать совету жены...».*¹⁹⁷

Дочь раввина, с возрастом она и должна была стать если и не религиозной (что нередко случается со многими пожилыми людьми любых национальностей и вероисповедальных склонностей), то уж точно более «консервативной» в соблюдении еврейских традиций, усвоенных ею в детстве. Конечно, иногда это порождало конфликты с более молодыми членами семьи – невесткой и внучками.

Особенно заметные изменения произошли в ней за последние годы, после тех жизненных испытаний, через которые пришлось пройти – это и гибель младшего сына Гейби, и гибель всех родных в Телеханах, и столь долгая разлука с Жоржем, и, конечно, все усиливающееся ощущение холода от дыхания власти.

Жорж, тоже, конечно, «хлебнул горячего» за эти годы, и новое «дыхание власти» в Москве ощущалось даже явственнее, чем в дальневосточном колхозе, но изменения, произошедшие в нём, были изменениями возмужания. И мать он помнил ещё в «расцвете сил». А теперь он с первого взгляда ощутил, что время её не пощадило: «ум у нее в многих отношениях старческий».

После встречи на станции с матерью встреча дома с остальными членами семьи, вероятно, была бурной и радостной. Но со стороны должна была выглядеть странной – домашние наперебой рассказывали Жоржу о себе, а он вряд ли сказал что-то внятное о своей жизни в течение почти десятилетней разлуки.

¹⁹⁴ Ibid

¹⁹⁵ Это Гита, Гала и Софа – дочери Шай, племянницы Жоржа Абрамовича.

¹⁹⁶ ДСАЖАК, письмо Ж.А. Ковале к Л.А. Ивановой от 18.05.1949 г. с пометкой «Колхоз». Сохранена орфография подлинника.

¹⁹⁷ Талмуд, Бавамецца, 59а, цит. по: Владислав Нагирнер, «Ценности еврейской семьи», <https://professional.ru/Soobschestva/psi-faktorvzglyad/tsennosti-evrejskoj-semji/>

Странность для внешнего наблюдателя состояла в том, что такое поведение Жоржа не удивляло и не раздражало его собеседников. Они понимали причины его умолчаний. Но, конечно, было много деталей и намёков, по которым каждый строил свою картину событий минувшего десятилетия. Сам Жорж признаётся:

*«Вообще все подробности встречи не опишу – впечатлений очень много: не мог заснуть вчера из-за них, хотя я почти не спал целую ночь до этого».*¹⁹⁸

Об отце в письме только одна фраза:

*«Папа тоже здорово постарел».*¹⁹⁹

Думается, что такая краткость и упоминание только одного, очевидного внешнего впечатления, свидетельствует о том, что Жорж просто умалчивает о неизбежно состоявшемся разговоре с отцом «с глазу на глаз», в котором они обсудили то, что не следовало обсуждать прилюдно даже в семейном кругу.

То же самое можно сказать и о брате. О нём Жорж написал тоже предельно кратко и дал только одну внешнюю характеристику:

*«Шая совсем лисый».*²⁰⁰

Но и с ним тоже наверняка был «приватный разговор». И итоги этих разговоров с отцом и братом во многом были причиной того, что Жорж долго не мог уснуть.

Гораздо подробнее описаны племянницы Галя, Гита, Софа и их мать Мария Петровна Шейнфельд (в семейном общении Муся) – жена Шаи.

*«Ей тоже очень тяжело обошлась война»*²⁰¹

– немцы расстреляли отца, сестру и братьев. Узнал Жорж и о гибели всех своих родственников в Телеханах.

В тот же вечер произошёл и неприятный конфликт с матерью. Жоржа возмутило материнское отношение к внучке Софе:

*«Отношение к ней почти как к падчерице (я не совсем уверен в слове) и тут в первой очереди виновата именно моя мама. Я ей уже сделал замечание, но это конечно мало поможет. Ну это подробно описать нельзя».*²⁰²

Конфликт, очевидно, был следствием каких-то бытовых мелочей, подмеченных Жоржем, а его реакция на них объяснялась неприятием семейного авторитаризма «старшей женщины», от которого страдал и сам Жорж на Большой Ордынке.

Но дома в Москве он должен был смирять свои чувства, а здесь, в колхозе, ему показалось, что он может помочь несправедливо обижаемой племяннице. У матери, конечно, были свои представления о семейной справедливости и свои причины так или иначе воспитывать Софу. И вмешательство Жоржа в этот процесс, тем более в первый же день его приезда, было для неё неприятно. Так что обиделись они оба: Жорж на материнскую «чёрствость» к внучке, мать – на его неуместное вмешательство в дела семейные.

Конечно, и этот конфликт явился вкладом в причины бессонницы Жоржа в первую ночь в деревенском доме...

¹⁹⁸ ДСАЖАК, письмо Ж.А. Коваля к Л.А. Ивановой от 18.05.1949 г. с пометкой «Колхоз». Сохранена орфография подлинника.

¹⁹⁹ Ibid.

²⁰⁰ Ibid.

²⁰¹ Ibid.

²⁰² Ibid.

Но утро вечера мудренее! С утра жизнь пошла своим чередом. Май в деревне – месяц огородных работ. И с утра, пользуясь тем, что Шае и отцу дали отгул в связи с приездом Жоржа, все отправились на огородные работы. Правда, Жорж пробыл там недолго –

*«я помогал на огороде, до тех пор, пока всем не стало противно смотреть на мою «московскую» работу и меня не прогнали...».*²⁰³

Конечно, «прогнали» его не потому, что были недовольны помощью, а чтобы дать возможность отдохнуть после изматывающей дороги. Жорж воспользовался случаем и начал писать письмо в Москву. Но, как оказалось, спокойно отдохнуть и без спешки написать письмо не пришлось.

Причина – привезённые из Москвы подарки детям.

*«Не могу тебе описать как встретили наши куклы, и т. д. Эти ребята – не Таня²⁰⁴ – у них почти ничего нет такого, причем в колхозе они считаются самыми богатыми, т. что можешь представить, как остальные ребята – они такого никогда не видели. Сегодня (и вчера вечером) была нескончаемая вереница ребят – осмотреть и поиграть (в основном мальчики) с ними – меня совсем не дают покой – то требует книжку прочесть, то в лото сыграть – все очень удачно, – особенно кукля – я даже жалел, не найдешь минуточку поговорить, всегда кругом какие то ребята. Но это, конечно, временно».*²⁰⁵

Здесь важны два момента.

Во-первых, то, что хозяйство Абрама Коваля считается в колхозе «самым богатым». Значит, усилиями Абрама, Шаи, Этель и Муси семья добилась признания односельчан.

Семнадцать лет назад Абрам и Этель решили начать новую жизнь в СССР и стали первопроходцами-колонизаторами дикого края. Жизнь там оказалась очень трудной, даже трагической, большинство из тех, с кем они покинули Америку, или вернулись обратно, или нашли более благоприятные места для жизни.

А семья Абрама добилась успеха именно там, где у других ничего не вышло. Это – победа твердости характера, трудолюбия и стойкости семейства Ковалей.

Во-вторых, то детское паломничество за книжками и куклами из Москвы в «самый богатый» дом колхоза показывает, чего недоставало в наполнении этого богатства даже у самых успешных дальневосточных колхозников в 1949 году. А само богатство на тот момент, как свидетельствует Жорж, состояло из:

*«4 козлят, 2 поросят, корову, 3 козы, кошка и котёнок (5 недель)».*²⁰⁶

И ещё в состав этого богатства входил месячного возраста мальчик, которого

*«пока называют – «мальчик плачет», – «мальчик, кушать хочет» – и т. д. – Между прочим, парень, кажется, хороший – выглядит здоровый, плотный – плачет, правда, много».*²⁰⁷

Это первое упоминание Жоржем своего племянника Г. И. Коваля. В этот день Геннадью исполнился ровно месяц и в этом возрасте он ещё не имел даже имени. В дальнейшем судьба

²⁰³ Ibid.

²⁰⁴ Скорее всего, эта Таня (в замужестве Зозуля) – дочь Вали, школьной подруги Людмилы Александровны, 1947 года рождения (уточнение В.И. Коваль, e-mail от 16.07.17). Вероятно, ей после возвращения Жоржа тоже была подарена кукла, но этот подарок её не очень обрадовал.

²⁰⁵ ДСАЖАК, письмо Ж.А. Коваля к Л.А. Ивановой от 18.05.1949 г. с пометкой «Колхоз». Сохранена орфография подлинника.

²⁰⁶ Ibid.

²⁰⁷ Ibid.

распорядилась так, что с 1966 года Геннадий вошёл в семью Жоржа Абрамовича и занял в ней место сына.

Особенно тесными их отношения стали после смерти Людмилы Александровны в 1999 году, когда сыновняя забота Геннадия и членов его семьи стала для Жоржа Абрамовича жизненно необходимой.

Закончил это письмо Жорж с возвращением всего семейства с огородных работ. Наверняка после этого было и застолье, и продолжение разговоров с отцом и братом – им многое нужно было рассказать друг другу...

Следующее письмо датировано 26 маем. И написано оно в ответ на первое письмо от Людмилы Александровны. С момента отъезда прошло 17 дней, Жорж живёт у родителей уже 9 дней, волнуется за состояние дел своей Милы, и каждый день ждёт письма из Москвы.

Все домочадцы видят это, сочувствуют, но не показывают вида, поскольку понимают – тут дело личное:

*«Конечно, я не сумел скрыть от них мое волнение на счет отсутствия писем. Все были очень тактичны: старались не упомянуть письмо. Когда пришло, все обрадовались, говорят: «Ну, Жорж, теперь ты будешь более веселым!»».*²⁰⁸

Причиной задержки письма от Людмилы Александровны, было, судя по всему, то, что она хлопотала об отпуске и путевке в санаторий, но пока безрезультатно. И не хотела расстраивать этим Жоржа.

А колхозная жизнь Жоржа текла своим чередом под аккомпанемент обычной в тех краях погоды – «холодные ветра, дожди».²⁰⁹

И «отпускное безделье» наполнялось полезной конкретикой – помощь в посадке огорода, занятия с племянницами, наблюдение за «мальчиком». Дело в том, что Мусю

*«в связи с прорывом в работе овощеводческой бригады, ее назначили бригадиром и сегодня она уже приступила к работе – как выйдем не знаю. Ведь мальчика нужно часто кормить. Гита будет за ним наблюдать, но кормить его конечно, не может».*²¹⁰

За мальчиком стала присматривать Гита. Ну, и Жорж, конечно!

*«Вообще существо забавное; за время моего пребывания здесь, он изменился очень заметно. Он довольно крепко держит голову, смеется. Поворачивает голову, чтобы смотреть на то, что ему интересно».*²¹¹

В один из дождливых вечеров Жорж принял участие в колхозном собрании, на котором было решено озеленить посёлок 18 Партсъезда. И, во исполнение этого решения, они с Шайей отправились в лес, выкопали 8 молодых берёзок и посадили их около дома.

*«Не знаю вырастут или нет: говорят, что полагается это делать раньше: пока, что они ещё не завяли».*²¹²

Произошло в эти дни и довольно комичное событие, которое также является типичным элементом мозаики тогдашней колхозной жизни. Вот как описывает его Жорж.

²⁰⁸ ДСАЖАК, письмо Ж.А. Ковалёва к Л.А. Ивановой от 26.05.1949 г. с пометкой «Колхоз». Сохранена орфография подлинника.

²⁰⁹ Ibid.

²¹⁰ Ibid.

²¹¹ Ibid.

²¹² Ibid. Эти берёзки (или какая-то их часть) прижились, мне говорил об этом Геннадий Ковалёв. И у смидовичских краеведов может быть надежда обнаружить место, где стоял дом Ковалёвых – берёза живет до 150 лет.

«Был тут вечер – праздновали мальчика, моего приезда и «в шутке» – молодожённых. (Муся хотела стать «Ковалем», что она не сделала, когда первоначально расписались. Когда пошли в сельсовет, оказалось, нет никакого записи в архивах об их браке и пришлось расписаться вновь).²¹³ Собрались все почтенные люди – председатель колхоза, зам. председатель, пред. сельсовета, парт орг и т. д. Выпили, закусили, пели, шутили».²¹⁴

Конечно, все «почтенные люди» были не прочь выпить, закусить, и даже спеть и в честь приезда Жоржа, и в честь рождения сына у «молодожёнов» ☺.

Но вряд ли кто-то из сидящих за столом гостей догадывался, что через процедуру «повторной женитьбы» прошли и присутствующие здесь же родители «жениха» – Абрам и Этель. Они тоже повторно оформляли свой брак в Америке 11 июня 1911 года,²¹⁵ за 7 месяцев 1 неделю и 4 дня до рождения (22 января 1912 года)²¹⁶ своего первенца Луиса, который теперь сидел за столом в качестве молодожёна под именем Шая.

Не было у них 38 лет назад в Сью-Сити документов о хупе²¹⁷ в Телеханах, но Луис не знал об этом, а Этель, почувствовав внутри себя его активность, решила, что нужно срочно оформить брак с Абрамом по американским законам.

В пуританской американской глубинке начала века это было необходимо для будущего ребёнка. В биробиджанской глубинке середины XX века общественные нравы были, конечно, попроще, но и здесь, как мы видим, и председатель колхоза, и председатель сельсовета (и парт-орг!) одобрили поступок Шайи и Муси.

Но, конечно, очень многое из увиденного оставалось «за скобками» письма:

«О том, что здесь делается, как живут, и т. д. есть много сказать, но это дело, не для письма...».²¹⁸

Дописывает письмо Жорж на следующий день и отправляет его с Гитой, которая в Волочаевке-2 сдает экзамен. В последних торопливых приписках («Отец зовет на огород спешу»²¹⁹) категорический наказ:

«Мила, обязательно возьми отпуск. Нечего ждать... Нужно было, чтоб было только один: добиться путевку и все».²²⁰

За этим отчаянным призывом скрывается семейная драма Жоржа и Милы. Они очень хотели иметь детей, но в условиях работы Людмилы Александровны в 1941–1942 гг. в Уфе

²¹³ Обычно семейное положение фиксируется в паспорте, но в то время паспортов у колхозников не было. А Шая и Муся были колхозниками...

²¹⁴ ДСАЖАК, письмо Ж.А. Ковалю к Л.А. Ивановой от 26.05.1949 г. с пометкой «Колхоз». Сохранена орфография подлинника.

²¹⁵ «Iowa, County Marriages, 1838–1934», database, Family Search, Abraham Koval and Ethel Shenitsky, 1911. <https://familysearch.org/pal:/MM9.1.1/QJDS-Z96P?from=lynx1&treeref=LVN2-7D7>

²¹⁶ Эта дата рождения указана в Отчёте ФБР1 на стр. 115 на основании выписки из «Книги записей рождений»: «... the birth of the LOUIS KAVAL in Sioux City, Iowa on January 22, 1912, the son of ABE KAVAL, 1214- 10th Street, mother listed as ETHEL SHENISKE». Выписка представлена 7 марта 1955 года представителем администрации Сью-Сити. В том же отчёте ФБР представлены и другие сведения. По данным школьной книги регистрации учеников в отделе образования Сью-Сити, ISAIAH KOVAL родился 22 июля 1912 года у АБРАХАМ KOVAL. Разночтение понятно – отдавая сына в школу его «омолодили» на полгода. Эта маленькая хитрость облегчала и школьную жизнь мальчика (он получал полугодовую фору в развитии), и предотвращала возможные пуританские кривотолки относительно сомнительности его рождения в «законном браке».

²¹⁷ Хупа – балдахин, под которым еврейская пара стоит во время церемонии своего бракосочетания, а также сама эта церемония. («Хупа», Википедия, <https://ru.wikipedia.org/wiki/Хупа>).

²¹⁸ ДСАЖАК, письмо Ж.А. Ковалю к Л.А. Ивановой от 26.05.1949 г. с пометкой «Колхоз». Сохранена орфография подлинника.

²¹⁹ Ibid.

²²⁰ Ibid.

(обстоятельства эвакуации описаны выше), она заболела. Её мучила жестокая экзема. Но, что было гораздо тяжелее – материнство стало для неё проблематичным.

Врачи сказали, что при её болезни могут помочь санаторные процедуры на курорте в Серноводске. Тамошние воды и грязи, по их мнению, обеспечивали комплексное лечение. Путёвка в Серноводск в 1949 году – как они тогда верили в это! – была для Жоржа и Милы шансом восстановить полноценную семью.

Эти надежды не оправдались. Болезнь оказалась хронической и неизлечимой. Своих детей у Жоржа Абрамовича и Людмилы Александровны не было. Во всяком случае, во всех тех ветвях альтерверса, которые совместимы с памятью всех членов семьи Ковалей, всех их знакомых и всех документов семейного архива.

Правда, по интернету «гуляет» версия, гласящая, что

*«в 1939 году он женился на своей однокурснице, родилась дочка... а к концу 1948 года Жорж Коваль вернулся в Москву к жене и дочери, которые долгие десять лет ждали его, изредка получая небольшие письма, через незнакомых им военных».*²²¹

Где и как эта версия может стыковаться с известными нам волокнами судьбы Жоржа, может знать Илья Куксин, автор статьи. В самой статье ответов на эти вопросы нет.

Но истинный масштаб болезни Людмилы Александровны выяснился позже, а тогда, в 1949 году, казалось бы, получить путёвку для лечения жены действующего сотрудника ГРУ, только что вернувшегося из «командировки» после восьмилетней нелегальной работы, принесшей важнейшие результаты для атомного проекта, не составит труда.

Однако, как видим, «в нашей буче, боевой, кипучей»,²²² руководство ГРУ не обременило себя помощью в решении личных проблем своего сотрудника даже тогда, когда эти проблемы возникли у него «в связи с выполнением профессиональных обязанностей».

Но я подозреваю, что в данном случае такое «невнимание» было специфическим проявлением повышенного внимания к проблеме «борьбы с космополитизмом». В этом случае, в рамках проводимых в отсутствие Жоржа в Москве «оперативных мероприятий» Людмиле Александровне отводилась роль «узловой точки» для отслеживания круга знакомств Жоржа.

Впрочем, такое предположение выявляет конспирологические ветви альтерверса, не имеющие большого статистического веса в суперпозиции действительностей, и я не буду развивать его подробно.

Последнее письмо из колхоза было написано 3 июня. И было ответом на очередное письмо из Москвы, в котором Людмила Александровна сообщала, что по-прежнему не может получить отпуска.

Жорж понимал, что это сильно огорчает Милу, но что он мог сделать? И вышло из-под его пера (точнее, из-под пера Гитиной ученической ручки, которую держал Жорж в своей руке и макал в синие школьные чернила) только горькое признание своего бессилия:

*«Письмо, мне огорчило тоже: очень плохо, что тебе не дают отпуск. Плохо само по себе, во-первых, а во-вторых, очень обидно, что не поехала со мной – весь смысл решения был в том, чтоб ты отдохнула, а получается на оборот».*²²³

Завершает Жорж «разбор полётов», неожиданно переходя на английский:

²²¹ Илья Куксин, «Так кем же был Жорж Коваль», журнал «Мишпоха» (выпускается Союзом Белорусских еврейских общественных организаций и общин), № 26, 2010 год, <http://mishpoха.org/n26/26a21.php> (вх. 19.03.20).

²²² В.В. Маяковский, из «Хорошо! Октябрьская поэма».

²²³ ДСАЖАК, письмо Ж.А. Коваля к Л.А. Ивановой от 03.06.1949 г. с пометкой «Колхоз 18 Партсъезда». Сохранена орфография подлинника.

*«It's no use crying over spilt milk».*²²⁴

Буквальный перевод гласит: «Бесполезно плакать над пролитым молоком». Но есть более глубокий и многозначный: «Нет пользы сожалеть о том, чего не вернуть». Первый перевод, как мне кажется, отражает конкретную ситуацию с их планами на летний отдых, а второй можно отнести к более общей оценке Жоржем всей своей предшествующей жизни. Что же вкладывал в эту поговорку сам Жорж «там и тогда», узнать не у кого...

Далее в письме продолжается тема «мальчика»:

*«Нагляделся я на «мальчика» здесь. Парень – во,! На большой палец! пузатый, крепкий, рослый, с большой хорошей улыбкой; С большим удовольствием заимел бы такого, хотя, возни с ним, конечно, очень много и он довольно голосистый».*²²⁵

Поразительная прозорливость и предчувствие: «такого» Жорж заиметь не смог, но он заимел именно его в качестве сына в конце своей жизни!

И, конечно, даются описания повседневных дел – работа на огороде, где Жорж тяпкой (в его орфографии «*тапкой*») обрабатывает картошку, походы на станционный «базар» Волочаевка-2, где к поезду Хабаровск-Комсомольск выходят 6–8 местных жителей и продают рыбу, дикий лук, дикий чеснок, черемшу.

*«Все это очень дешево, но у народа денег мало».*²²⁶

Ну, и «общий итог» —

*«Загоряю, отдыхаю, балуюсь с ребятами...».*²²⁷

Отпуск подходит к концу. Выехал обратно Жорж, как это следует из отметки в отпускном билете, 14 июня, и, значит, прибыл в Москву числа 22–23 июня, за две недели до своего увольнения.

Он ещё не знал о таком решении, принятом руководством, но, думаю, оно было принято ещё до его возвращения в Москву.

²²⁴ Ibid.

²²⁵ Ibid.

²²⁶ Ibid.

²²⁷ Ibid.

Увольнение

Внешне процесс увольнения выглядел так. Вернувшись из отпуска, Жорж выяснил у Милы все подробности отказов в отпуске и путёвке, явился в свою часть (вряд ли в предписанный срок – 26 июня 1949 г. было воскресеньем), сдал документы, а через 10 дней получил новый Военный билет,²²⁸ и был демобилизован – «военнослужащий Жорж Абрамович Коваль» превратился в «гражданина Жоржа Абрамовича Ковалья».

Увольнение произошло практически мгновенно. Как написал сам Жорж 9 июля 1949 г.,

*«В рядах Советской армии я находился до 30/VI-49 г».*²²⁹,

т. е. приказ о его увольнении был подписан на четвёртый день после возвращения из отпуска – в четверг, 30 июня. А дата увольнения 6 июля 1949 г. – очередная «липа» нового военного билета. И прослужил Жорж после возвращения из отпуска всего три дня, в течение которых его офицерский военный билет превратился в солдатский.

С кем и о чём он говорил в эти последние драматические дни службы, сегодня мы не знаем. Но одно ясно – в какой-то из этих бесед со своим руководством (или с кем-то из настоящих друзей в своём могущественном ведомстве), он смог найти такие убедительные аргументы необходимости вмешательства в свои личные дела авторитета ГРУ, что 25 августа 1949 года Людмила Александровна Иванова, жена демобилизованного рядового Жоржа Абрамовича Ковалья, получив законный отпуск, отправилась по путевке на курорт в Серноводск.

А, значит, хоть что-то, отобранное судьбой, пусть и небольшое, пусть хотя бы капельку «пролитого молока», но Жорж смог вернуть своей Миле...

Что же стояло за этим решением – по результатам проверки уволить Жоржа из ГРУ? Здесь мы имеем дело с двумя центрами принятия решения.

Первый, очевидный, это собственно руководство ГРУ, в штате которого состоял «военнослужащий Жорж Абрамович Коваль», и второй, неформальный, но решающе важный – Лаврентий Павлович Берия.

Рассмотрим «информацию для размышлений», имевшуюся к концу июня 1949 года в обоих центрах.

Прежде всего, в ГРУ.

Итог процесса Кравченко явно усугублял подозрения против Жоржа при профессиональном анализе действий Дельмара по выполнению приказа о возвращении (его «письмо-запрос» к матери).

Конечно, ему «припомнили» и то, что необходимость выполнения этого приказа заставила ГРУ «приоткрыть» американской контрразведке своего старого и весьма влиятельного агента Ринконеса.

После того, как Жорж не смог самостоятельно получить американский заграничный паспорт, он был оформлен через Р. R.Rincones, тогдашнего президента «Атлас Трейдинг Корпорейшн». Сам Ринконес вышел из корпорации в 1949 году, продав свою долю в ней. А вошёл в корпорацию он в 1937 году, будучи членом Американской Коммерческой Палаты в Венесуэле.

«Скользкость» ситуации состояла в том, что Жорж никогда не работал в этой фирме, а фирма не имела никаких деловых контактов с Европой, куда, по представлению Ринконеса, Госдеп оформил Жоржу заграничный паспорт.

Наверняка припоминалось Жоржу и то, что отправлял его на задание, утверждал и его цели и даже оперативный псевдоним расстрелянный в 1941 году «враг народа» генерал-лейте-

²²⁸ Дата выдачи по записи в военном билете – «6 июля 1949 г.» (ДСАЖАК).

²²⁹ Цитируется по рукописи черновика заявления Директору МХТИ им. Д.И. Менделеева о восстановлении в аспирантуре. Черновик датирован 9/VI-49 (ДСАЖАК).

нант И. И. Проскуров. И Жорж, конечно же, мог подозреваться в том, что он попал в разведку как пособник этого «преступника».

А преступления Проскурову вменялись тяжкие:

*«Являясь участником антисоветской военно-заговорщической организации, проводил работу, направленную на подрыв оборонной мощи СССР, а также занимался шпионажем в пользу иностранных разведок» (статьи 58–1б, 58–6 и 58–11 УК РСФСР).*²³⁰

Спасло Жоржа от прямого обвинения в пособничестве, вероятно, то, что арест Проскурова был связан с его службой в авиации, а не в разведке. Но в 1949 году органы НКВД могли использовать и другую статью – недоносительство. Как бы то ни было, Жоржу в очередной раз повезло. А все обвинения с И. И. Проскурова были сняты при его реабилитации только 15 мая 1954 года, уже совсем в другую эпоху.²³¹

И, конечно, учли наблюдения за реакцией Жоржа на политическую атмосферу 1948 года – атмосферу «нелицеприятной борьбы с космополитизмом».

Стоит напомнить, что по свидетельству ветерана ГРУ генерал-майора В. А. Никольского, очевидца тех событий,

*«Среди оперативного состава управления в ту пору еще было много евреев: Эпштейн, Бумштейн, Финкельштейн, Мильштейн, Гутин, Соркин и многие другие. Часть из них, очевидно, наиболее дальновидная, сменила свои фамилии на русские. Нужно отметить, что все эти сотрудники отличались знанием дела и гибким умом. Они владели иностранными языками, ездили с заданиями за рубеж и казались нам, новичкам, настоящими профессорами разведывательного дела. Значительная часть их проработала до окончания Великой Отечественной войны. Лишь после нее евреев из разведупра стали постепенно увольнять».*²³²

Что конкретно «нарыли» на Жоржа, пока неизвестно, но должны быть документы, проясняющие обстоятельства и условия увольнения Жоржа – какие-то рапорты, протоколы совещаний, докладные записки, документы курьеров-связников лета 1948 года и, не исключая, даже анонимки «доброхотов». Разные люди служили в ГРУ, и такое было время...

Маленький штрих к характеристике того времени. Буквально накануне увольнения Жоржа состоялось увольнение и «всей головки» Еврейской автономной области, куда Жорж ездил в отпуск.

25 июня 1949 г. ЦК ВКП(б) было принято решение «Об ошибках секретаря обкома Еврейской автономной области Хабаровского края т. Бахмутского А. Н. и председателя обл. исполкома т. Левитина М. Е.»²³³. На заседании рассмотрели материалы, представленные Хабаровским крайкомом ВКП(б), заслушали объяснения «т.т. Бахмутского и Левитина», убедились в том, что

«т.т. Бахмутский и Левитин примиренчески относятся к фактам проявления буржуазного национализма, в результате чего в...

²³⁰ В. Ерофеев, «Расстрел в запасной столице», газ «Волжская коммуна», 31.10.2009, цит. по <http://www.vkonline.ru/content/view/22915/rasstrel-v-zapasnoj-stolice>

²³¹ «Проскуров Иван Иосифович», Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/Проскуров,_Иван_Иосифович

²³² Виталий Никольский, «Аквариум-2», гл. «Обезглавленная разведка», изд-во «Гей итэрум», М., 1999 г., цит. по сайту эл. библиотеки «LIBKING.ru» <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/399064-7-vitaliy-nikolskiy-akvarium-2.html#book> (вх. 13.03.19).

²³³ Выписка (п.45) из протокола № 70 заседания Политбюро ЦК ВКП(б). Выписка подписана лично И.В. Сталиным. РГАСПИ, ф.17, оп.118, дело 428, л. 31–33. Документ цитируется по ксерокопии Еврейского музея и Центра толерантности.

учреждениях области длительное время орудовала группа националистов, пропагандировавшая в области сионистско-националистические взгляды»,²³⁴

и решили:

«За допущенные политические ошибки снять т.т. Бахмутского А. Н. с поста первого секретаря обкома ВКП(б) Еврейской автономной области и Левитина М. Е. с поста председателя Облсполкома. Объявить строгий выговор т.т. Бахмутскому А. Н. и Левитину М. Е. за недостойное поведение в отношениях с Американо-Биробиджанским комитетом в США».²³⁵

Как видим, летом 1949 года репрессии по «пятому пункту» ещё не достигли «людоедского уровня» 1937 года – увольнение, выговор, но не арест, не расстрел! И в случае Бахмутского и Левитина, и в случае Жоржа «разборки» оканчивались печально, но не трагически. (Правда, совсем скоро, в 1951 г. Бахмутского и Левитина арестовали по «Биробиджанскому делу» и дали по 25 лет лагерей).

Жоржу повезло. Более того, в его случае среди «разных людей», которые принимали решения, были и те, кто понимал и ценил не только профессиональные, но и человеческие достоинства Жоржа Абрамовича. Были ведь среди аппаратчиков ГРУ те, кто работал с Дельмаром в Америке – за восемь лет через нью-йоркскую резидентуру прошло немало людей! И, несмотря на явную опалу, не только сохранившие дружеские чувства к Жоржу, но и оказывавшие ему конкретную помощь в «житейских ситуациях». Очевидные примеры – получение путёвки в Серноводск для Людмилы Александровны и помощь при восстановлении в аспирантуру после увольнения.

И, хотя уволен был Жорж в звании рядового, но, вероятно, с каким-то хорошим (по тем временам!) «выходным пособием» за годы работы. Мне не удалось найти правовых документов, действовавших по этому вопросу в 1949 году. Но хотя бы оценка этой суммы по сравнению с обычными «увольнительными выплатами» (тогда оклады денежного содержания рядового и сержантского состава составляли 10–15 рублей в месяц,²³⁶) может прояснить уровень принятия решения об условиях увольнения. А это, в свою очередь, будет косвенным подтверждением высказанной гипотезы о том, что Л. П. Берия принимал участие в обсуждении.

То, что в сентябре 1949 года Жорж не просто не нуждался в деньгах, но даже позволял себе «роскошествовать», видно из такого эпизода, приведённого Т. В. Ивановой, тещей Жоржа:

«... в четверг, не то в пятницу, явился И. А. <Иван Алексеевич, общий знакомый Жоржа и Людмилы Александровны – Ю. Л.> и просидев четверть часа – увлек Жоржа. Мы, говорит, – в ресторан, мы люди холостые и, конечно, говорит, – на Ваши деньги, так как моих у меня нет. Жорж быстро довольно согласился и сказал, что не надолго. Пришел он около часу. И были то в какой то шпане на Пятницкой. Жорж говорит, что ему было скучно уже под конец с И. А. т. к. тот говорит одно и то же. Денег, конечно, он у Жоржа занял, но Жорж не сказал сколько».²³⁷

Поскольку явного криминала в действиях Жоржа ГРУшным расследованием обнаружено не было, не все «компроматы» на него с ним открыто обсуждались, и он сам мог и не знать о

²³⁴ Ibid, л. 31

²³⁵ Ibid, л. 33.

²³⁶ Письмо начальника Департамента полевых учреждений ЦБ РФ Е.В. Бадаева № 27-4-3-2/1333 от 6 апреля 2012 г., цит. по Михаил Черепанов, «Ещё раз о банковской совести», сайт Кремник, 18.04.12, <https://www.kremnik.ru/node/427553#comment-16034> (вх.18.04.20).

²³⁷ ДСАЖАК, письмо Т.В. Ивановой к Л.А. Ивановой от 1–2 сентября 1949 г. Сохранена орфография подлинника.

конкретных претензиях руководства к себе. Но и не догадываться о существовании серьёзного «негатива» в свой адрес тоже не мог.

Но, по крайней мере, одно направление, с которого дули «холодные ветры», было очевидным – его еврейство.

Подтверждением этому является его письмо к Людмиле Александровне, уехавшей в санаторий для лечения, написанное в ходе попытки восстановления в аспирантуру МХТИ им. Д. И. Менделеева менее чем через два месяца после своего увольнения из ГРУ. Вот что он написал:

«Напишу тебе письмо. Не знаю, что получится – настроение у меня неважное. Вообще в таких случаях пожалуй лучше совсем не писать а то можно передавать такие скверные настроения. С другой стороны писать надо – просто пора – и мне хочется. Поделюсь, наверно легче станет.

Ты не пугайся – ничего страшного. Может быть все мое воображение. С утра мне Т. В.²³⁸ рассказывала всякие ужасы, которыми она где-то наслышалась (на счет увольнения, гонения и т. д.) Потом я опять звонил на счет моего дела, и мне опять сказали «завтра» – т. е. до вторника и мне показалось, что я по тону и по разговору почувствовал, что в моем деле, которое раньше было ясное и прямое появились всякие осложнения, что вообще может быть мое дело «швах» – не знаю. Посмотрим – думаю не отставать пока не получу ответ во всяком случае».²³⁹

Конечно, «ничего страшного» в этом письме нет, но сегодня, с исторической дистанции, ясно видно, что душевная смута Жоржа в это время порождена всеобщей атмосферой «борьбы с космополитизмом». Но его природный оптимизм, вероятно, был подкреплён какими-то договорённостями с друзьями из ГРУ о помощи в критических ситуациях. Потому он и не хотел «отставать» от руководства МХТИ «без боя» ☺.

Свидетельства наличия таких договорённостей можно найти в письме Татьяны Васильевны Ивановой, адресованное к своей дочери Людмиле Александровне в Серноводск.

Хочется отметить, что как раз в августе – сентябре 1949 года переписка Жоржа, Татьяны Васильевны и Людмилы Александровны была весьма интенсивной. Из неё видна картина быта Жоржа в это время, картина жизни в коммунальной квартире с прогнившими полами, сломанной печкой, интригами жильцов по вопросу очередности уборки «общественных мест» и тягот по ликвидации последствий ремонтных работ в связи с газификацией:

«С газом пока больше ничего – только выломали громадную дыру в поле кухни (там, где были гнилые доски, т. что к раковине подойти нельзя и приходится идти вниз умываться. Начали чинить, но когда можно будет умываться не известно.»²⁴⁰

Те из читателей, которые не имеют личного опыта жизни в советских коммуналках, могут представить эту картину по весьма ярким и достоверным её описаниям в произведениях М. Зощенко и И. Ильфа с Е. Петровым.

Возвратимся к свидетельствам тёщи. Татьяна Васильевна отмечает общую «закрытость» Жоржа:

«Ведь у него что либо узнать весьма трудно, и все облечено в тайну».

²³⁸ Татьяна Васильевна Иванова.

²³⁹ ДСАЖАК, из письма Ж.А. Коваля к Л.А. Ивановой от 3 сентября 1949 г. Сохранена орфография подлинника.

²⁴⁰ ДСАЖАК, из письма Ж.А. Коваля к Л.А. Ивановой от 7 сентября 1949 г. Сохранена орфография подлинника. Но опасения в этот раз были напрасными – к 11 сентября пол починили ☺ (ДСАЖАК, из письма Ж.А. Коваля к Л.А. Ивановой от 11 сентября 1949 г.)

Тем не менее, она догадывается –

«У него, очевидно, не очень то ладится с Менделеевкой».

И, чтобы преодолеть эти «нелады», Жорж куда-то время от времени звонит:

*«Жорж ушел «не надолго» – очевидно звонить. Это все Менделеевка, очевидно».*²⁴¹

И эти переговоры дали результат! В конце концов, после всех проволочек вдруг произошёл прорыв. Вот его хронология:

31 августа Жорж пишет жене:

*«Жаворонков²⁴² рад бы избавиться от меня, но не знает как»;*²⁴³

Поиск причины для отказа доходил до абсурда. В том же письме он пишет, что ему говорили,

*«что обязаны по закону восстановить, но никто не знает какой закон».*²⁴⁴

7 сентября он констатирует:

*«На счет аспирантуры – все то же – даже писать неохота. Я чувствую себя как белька в колесе: все что-то бегаю, бегаю, а с места не двигаюсь»*²⁴⁵.

А вот 11 сентября он уже радостно сообщает о результате своего вчерашнего разговора с Жаворонковым –

*«не о том шел разговор принимать или нет – а куда идти!»*²⁴⁶.

И в ходе разговора Жоржу были предложены на выбор несколько возможных мест для выполнения работы и написания диссертации. Более того, оказывается, что директор МХТИ им. Д. И. Менделеева был столь любезен, что после позднего приёма и, как написал Жорж, «очень приятного» разговора (попал Жорж к нему на приём в 21–30 10 сентября),

*«Жаворонков меня «подбросил» к метро Маяковская на своей машине».*²⁴⁷

Конечно, в архивах ГРУ нет никаких документов, отражающих общение его сотрудников с Жоржем и руководством МХТИ по поводу его восстановления в аспирантуре, но других «рычагов давления» на Жаворонкова у Жоржа просто не было.

А вот в архивах ФБР такой документ нашёлся! В 1962 году некий «Информатор»²⁴⁸ сообщает ФБР:

«По возвращении в Советский Союз КОВАЛЬ подал заявку на поступление на факультет Технологического института им. Менделеева в Москве. Первоначально его ходатайство было отклонено, но впоследствии ему был предоставлено место после телефонного звонка в Институт

²⁴¹ ДСАЖАК. Все цитаты в этом абзаце взяты из письма Т.В. Ивановой к Л.А. Ивановой от 1–2 сентября 1949 г. Сохранена орфография подлинника.

²⁴² Н.М. Жаворонков с 1948 по 1962 г. был директором (ректором) МХТИ им. Д.И. Менделеева

²⁴³ ДСАЖАК, из письма Ж.А. Ковалея к Л.А. Ивановой от 31 августа 1949 г. Сохранена орфография подлинника.

²⁴⁴ Ibid.

²⁴⁵ ДСАЖАК, из письма Ж.А. Ковалея к Л.А. Ивановой от 7 сентября 1949 г. Сохранена орфография подлинника.

²⁴⁶ ДСАЖАК, из письма Ж.А. Ковалея к Л.А. Ивановой от 11 сентября 1949 г. Сохранена орфография подлинника.

²⁴⁷ Ibid.

²⁴⁸ О нём и об обстоятельствах появления цитируемого документа мы поговорим в следующей главе. Там же будет приведён и полный текст этой цитаты.

*члена ЦК ВКП(б), который приказал, чтобы КОВАЛЬ был принят в штат преподавателей. КОВАЛЬ в настоящее время является доктором наук в Менделеевском технологическом институте и преподавателем на кафедре Общей химической технологии».*²⁴⁹

Вот этот «звонок сверху» и заставил Жаворонкова резко изменить своё отношение к «ходатайству» Жоржа и даже «подбрасывать» его к метро на собственной машине.

Как видим, никакого внешнего вмешательства ГРУ здесь не видно, но именно это и выдаёт истинного инициатора «благоденствия» к Жоржу, у которого не было НИКАКИХ выходов на ЦК ВКП(б), а вот организовать звонок из ЦК в Менделеевский институт для ГРУ проблем не составляло – была бы только «политическая воля» к этому. Правда, эта «политическая воля» должна была возникнуть на достаточно высоком уровне, чтобы из ЦК звонил не сотрудник его аппарата, а «член ЦК». И здесь я вижу «тень Берии»²⁵⁰ – именно его участие в организации этого звонка было необходимо для обеспечения такого уровня разговора. А о причинах участия Лаврентия Павловича в этом деле читатель, после прочтения предыдущей главы, может судить сам.

В связи с «антисемитскими аспектами» истории восстановления Жоржа в аспирантуре невольно приходит в голову история поступления в аспирантуру А. Д. Сахарова. Если Жоржу «еврейский вопрос» мешал, то Сахарову он помог!

Дело в том, что Сахаров окончил физфак МГУ в эвакуации в Ашхабаде в 1942 году. И тогда же по распределению попал в Ульяновск инженером на патронный завод. Добросовестно отработав два года по распределению («сделал изобретение по контролю бронебойных сердечников и внёс ряд других предложений»²⁵¹), Андрей Дмитриевич решил поступить в аспирантуру.

Дальше события развивались следующим образом:

- «– В июле 44-го пишет заявление о допуске к экзаменам в аспирантуру.*
- Три своих работы по теоретической физике Сахаров отсылает Тамму, но (по словам самого Сахарова) «выбрал их, видимо, неудачно, они не показались ему интересными».*
- 29 октября первое заявление об увольнении для отъезда в аспирантуру.*
- 20-го ноября наркомат отсылает запрос на завод с вопросом можно ли отпустить тов. Сахарова.*
- 1-го декабря директор ФИАНа Вавилов пишет ходатайство об откомандировании.*
- 13-го декабря кадровик патронного завода пишет что «Отпустить с завода инженера тов. Сахарова не можем, т. к. в этой квалификации имеется нужда».*

²⁴⁹ В подлиннике: «Upon returning to the Soviet Union, KOVAL made application to join the faculty of the Mendelaev Institute of Technology in Moscow. His application was initially declined, but he was subsequently granted a position following a phone call to the Institute by a member of the Central Committee of the CP, who directed that KOVAL be placed on the faculty staff. KOVAL is presently a doctor of science at the Mendelaev Institute of Technology and teacher in the Department of General Chemical Technology». (Дело ФБР «George Abramovich Koval», <https://archive.org/stream/GeorgeAbramovichKoval/George%20Abramovich%20Koval%20Part%2004%20of%204#page/n287/mode/2up> (вх. 23.04.20)).

²⁵⁰ Конечно, очень любопытно – кто именно? А.П. Жуков, которому я сообщил об этой архивной находке 23.04.20, выдвинул предположение, что звонившим Жаворонкову «членом ЦК» был тогдашний министр Высшего образования, кандидат в члены ЦК ВКП(б), выпускник МХТИ Сергей Васильевич Кафтанов. Как уполномоченный ГКО по науке, занимавшийся «атомными делами» во время войны, он тесно общался с Л.П. Берией в рамках советского атомного проекта.

²⁵¹ «Сахаров, Андрей Дмитриевич», Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/Сахаров,_Андрей_Дмитриевич (вх. 14.02.19).

– 15-го декабря (через два дня после отказа кадровика!) заместитель наркома пишет разрешение на откомандирование Сахарова и в тот же день выходит приказ о его зачислении в кандидатскую аспирантуру ФИАН.

– В конце декабря – второе заявление об увольнении, 1го января приказ об увольнении, 12 января – отъезд в Москву.

Привлекает внимание резкое ускорение процесса в конце ноября – декабре. Четыре месяца практически никакого движения, а затем, похоже, оформление вдруг пошло сразу в два потока, и менее чем за месяц все решается. Видимо, что-то случилось...»²⁵²

А случилось вот что:

«Р.А. Медведев свидетельствует, что осенью 1944 г. в Кремле состоялось расширенное совещание, где Сталин высказался о "еврейской проблеме". В частности, он указал на необходимость более осторожного назначения евреев на руководящую работу. Наиболее подробным, как пишет Р. А. Медведев, было выступление Г. М. Маленкова. После совещания партийные комитеты получили подписанное Маленковым директивное письмо – "маленковский циркуляр", где перечислялись должности, на которые назначать евреев считалось нежелательным. Одновременно вводились ограничения и на прием евреев в высшие учебные заведения».²⁵³

И если ещё в начале осени Сахаров, после того, как Тамму его работы показались «неинтересны», почти не имеет надежды попасть в аспирантуру из-за сильной конкуренции других соискателей, среди которых было много евреев, то в декабре, после того, как из-за «маленковского циркуляра» оказался под угрозой весь план приёма в аспирантуру, «сработала» рекомендация преподавателя физики в МГПИ Д. И. Сахарова, отца А. Д. Сахарова. Андрею Дмитриевичу послали вызов, но его

«не отпускали с оборонного завода даже по вызову из Академии наук... Директору ФИАН Вавилову пришлось специально ходатайствовать об «откомандировании А. Д. Сахарова с завода в наш Институт». Нашли обходный маневр, – Сахарова утвердили в аспирантуре «без отрыва от основной работы».²⁵⁴

В Москву Сахаров поехал уже утверждённым аспирантом без всяких экзаменов! Но это «утверждение» должно было быть одобрено самим И. Е. Таммом. Встреча с ним состоялась на второй день после приезда Сахарова в Москву, в середине января 1945 года.

«Игорь Евгеньевич спросил меня о папином здоровье и потом, почти сразу, начал спрашивать меня о науке... К концу разговора И. Е. стал более требователен – по-моему, это означало, что он стал относиться ко мне всерьёз. <Значит, ДО этого разговора у Тамма не было определённого мнения об уже утверждённом «без отрыва от основной работы» аспиранте

²⁵² Дмитрий Юрьев, «Еврейский фактор в номенклатурной карьере академика Сахарова», http://www.igfarben.ru/akademik_sakharov#cite_ref-kost-35 (вх.15.02.19).

²⁵³ Г.С. Батыгин, И.Ф. Девятко, «Еврейский вопрос: хроника сороковых годов», Вестник Российской Академии наук, 1993, т. 63, № 1, стр. 65, цит. по <http://instyryktsiya.ru/other/31230/index.html> (вх. 14.02.19).

²⁵⁴ Геннадий Горелик, «Андрей Сахаров. Наука и свобода», изд-во «Вагриус», М., 2004 г., цит. по <http://iknigi.net/avtor-gennadiy-gorelik/133924-andrey-saharov-nauka-i-svoboda-gennadiy-gorelik/read/page-8.html> (вх. 15.02.19).

Сахарове! – Ю. Л.> Он сказал, что принимает меня к себе в аспирантуру, на оформление уйдёт несколько дней...»²⁵⁵

И действительно, с 1 февраля 1945 года А. Д. Сахаров стал уже аспирантом «с отрывом».

Как пошло развитие мировой цивилизации в тех ветвях альтерверса, где «маленковский циркуляр» не открыл А. Д. Сахарову дорогу в большую науку и где Андрей Дмитриевич не занялся изобретением водородной бомбы, а продолжил на патронном заводе «ту изобретательскую работу, которая начала у меня получаться»²⁵⁶, описано в энциклопедиях этих ветвей. Что говорится в них об Андрее Дмитриевиче, судить не берусь...

Теперь о роли Берии в принятом руководством ГРУ решении об увольнении Ковалея из разведки.

После «контрольного опроса» агента Дельмара и срыва планов по введению Жоржа в атомный проект, Берия понимал, что не должен был винить в этом Жоржа и из-за этого как-то ограничивать варианты его использования как специалиста.

Но что он мог сделать? В структуры его спецпроекта Коваль не попал, и было ясно, что и в ГРУ ему тоже не было места. В это время (1948) из ГРУ «по пятому пункту» среди многих других сотрудников был уволен даже такой «ас атомной разведки», как Артур Адамс. Так что Коваль там в это время был явно не ко двору.

И после отчета перед руководителями атомного проекта он оказался ненужным никому из «заказчиков» его восьмилетней работы в США! Пожалуй, только Берия мог иметь в виду этого «Дельмара» как потенциально полезного для него человека. Но только «потенциально», не сейчас.

Идея «атомного Смерша» должна была стать актуальной после того, как обескураженные успехом СССР в создании атомного оружия американцы бросятся ликвидировать свой провал в области агентурной разведки советского атомного проекта. А пока на этом фронте было полное затишье.

Реальными же ведомствами, которые могли заинтересоваться Ковалем как «американским евреем, проникшим в советскую разведку благодаря поддержке расстрелянного врага народа генерала И. И. Проскурова», были только МВД и МГБ.

Но этот интерес был для него смертельно опасен! Берия это понимал, и отблагодарил Ковалея весьма щедро – сумел организовать его увольнение из ГРУ таким образом, чтобы максимально обезопасить его от внимания со стороны «органов» – МВД (министр С. Н. Круглов) и МГБ (министр В. С. Абакумов).

И даже для Берии это оказалось не просто. Его отношения с тогдашними министрами МВД и МГБ были сложными. Оба были когда-то его подчиненными и соратниками, но в 1949 г. оба вели самостоятельную игру. И как противники были настолько сильны, что с ними приходилось считаться даже «всесильному» Берии.

Как выясняется, он сам в это время уже был объектом «разработки» чекистов. Причём объектом, в отношении которого были допустимы не только слежка, но и провокации. Вот что вспоминает А. Рыбин об одном «оперативном эпизоде» работы органов Абакумова с Берией в это время, в котором Рыбин непосредственно участвовал:

«<Берия> был с женицами «на близкой ноге»... У него в Большом театре были, в санатории были... Везде... И вот наш «доброжелатель»²⁵⁷, очень интересная пухленькая девушка, как-то была у него на квартире. Ну, когда сидели за столом, она, после всего там, смотрит на портрет Сталина. Наверное, думает: «Что же у тебя происходит?». Берия посмотрел на неё

²⁵⁵ Сахаров А.Д., «Воспоминания», т.1, изд-во «Права человека», М., 1996 г., стр.105

²⁵⁶ Ibid, стр. 102.

²⁵⁷ Эвфемизм А. Рыбина, обозначающий сексота.

и говорит: «Что ты на него смотришь? Хозяин в стране я, а не он!». Представляете себе! А она приехала... Пришла и письменно нам доложила о своем посещении Берии. Понимаете, какое дело?»²⁵⁸

И Берии ли было не знать, на что нацелен и как работает в руках чекистского МГБ инструмент «доброжелательства» – инфильтрованный во все сферы общественной и частной жизни контингент не только «*интересных пухленьких девишек*», но также многочисленных

«рабочих, служащих, патриотов своей Родины... да хоть дворников, хоть учителей, хоть инженеров... Они реагировали сразу на всякие, так сказать...»²⁵⁹

Кроме «добровольных доброжелателей» были и профессиональные, «особые доброжелатели» из числа штатных чекистов. Ещё при Держинском приказом ВЧК от 14 января 1921 г. было создано Секретно-оперативное управление (СОУ) ВЧК, в состав которого вошли информационный, секретный, оперативный и иностранный отделы.²⁶⁰ Первым руководителем СОУ был назначен В. Р. Менжинский.

Чем конкретно занимался СОУ ВЧК неизвестно. Никаких официальных документов на этот счёт я не встречал. Но вот что вспоминает в 1989 году пенсионер Леонид Алексеевич Лебедев, руководитель детского музыкального кружка «Играй, мой баян» в Киевском районе Москвы (он же – отставной майор КГБ Алексей Рыбин):

«Я этой штукой занимался с 30-го года, а, может быть, и раньше, чтобы найти у него какую-нибудь крамолу с точки зрения женщин... Ничего подобного! И никто ничего не мог...»²⁶¹

Поясню смысл эвфемизмов, употреблённых Рыбиным. «Эта штука» – наблюдение за Сталиным, «крамола с точки зрения женщин» – свидетельства об интимных связях с женщинами, «никто ничего не мог» – и другие «доброжелатели», независимо от Рыбина наблюдавшие за Сталиным, сексуальной крамолы у него не нашли.

1930 год – это год, когда ещё жива Надежда Алилуева, жена Сталина. Если бы обнаружили «связи на стороне», супружеская измена, то это можно было квалифицировать как «моральное разложение». Но, конечно, измена жене – это не измена Родине. Ни Председатель ОГПУ В. Р. Менжинский, ни, тем более, тогдашний руководитель СОУ ВЧК – Г. Г. Ягода об этих фактах никому бы не сообщили. Но соответствующие документы (рапорта «доброжелателей») в какую-то сверхсекретную папочку легли бы. А раз такая папочка была, то, по незыблемым законам бюрократии, в неё складывали и другие отчёты о разговорах, встречах, полученных поручениях... Ведь, как это следует из признания Рыбина, «профессиональные доброжелатели», которые секретно охраняли Сталина, сверхсекретно по долгу службы должны

²⁵⁸ Алексей Рыбин, интервью в фильме Семена Арановича (сценарий и постановка), «Я служил в охране Сталина, или Опыт документальной мифологии», студия Панорама, Ленфильм, 1989 г., [https://yandex.ru/video/preview/?filmId=8556865779227429047&text=Я%20служил%20в%20охране%20Сталина%20%20или%20Опыт%20документальной%20мифологии&noreask=1&path=wizard&parent-reqid=1572472609529966-1726918307300313771600105-man1-4277&redircnt=1587231009.1, 17 мин.51 сек. – 18 мин.43 сек... \(вх.18.04.20\).](https://yandex.ru/video/preview/?filmId=8556865779227429047&text=Я%20служил%20в%20охране%20Сталина%20%20или%20Опыт%20документальной%20мифологии&noreask=1&path=wizard&parent-reqid=1572472609529966-1726918307300313771600105-man1-4277&redircnt=1587231009.1, 17 мин.51 сек. – 18 мин.43 сек... (вх.18.04.20).)

²⁵⁹ Ibid, 16 мин.27 сек. – 16 мин.42 сек.

²⁶⁰ «Менжинский, Вячеслав Рудольфович», Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/Менжинский,_Вячеслав_Рудольфович (вх. 01.11.19).

²⁶¹ Алексей Рыбин, интервью в фильме Семена Арановича (сценарий и постановка), «Я служил в охране Сталина, или Опыт документальной мифологии», студия Панорама, Ленфильм, 1989 г., [https://yandex.ru/video/preview/?filmId=8556865779227429047&text=Я%20служил%20в%20охране%20Сталина%20%20или%20Опыт%20документальной%20мифологии&noreask=1&path=wizard&parent-reqid=1572472609529966-1726918307300313771600105-man1-4277&redircnt=1587231009.1, 54 мин.41 сек. – 54 мин.54 сек., \(вх.01.11.19\).](https://yandex.ru/video/preview/?filmId=8556865779227429047&text=Я%20служил%20в%20охране%20Сталина%20%20или%20Опыт%20документальной%20мифологии&noreask=1&path=wizard&parent-reqid=1572472609529966-1726918307300313771600105-man1-4277&redircnt=1587231009.1, 54 мин.41 сек. – 54 мин.54 сек., (вх.01.11.19).)

были искать и «какую-нибудь крамолу» на него. А это значит, что чекисты собирали компромат на *всех без исключения* высших руководителей страны.

В ту эпоху, в той ветви альтерверса владение инструментом «института доброжелателей» и обеспечивало реальную власть. Поэтому Берия в 1948 году, отстранённый от руководства МГБ, безусловно, ощущал, что, как бы ни была велика его «атомная власть», эпоха его «все-силия» осталась в прошлом.

Вот яркий пример, подтверждающий это. 14 апреля 1948 г. помощник Берии Н. С. Сазыкин получил письмо генерала МГБ А. Н. Бабкина, в котором на основании анкетных данных (!) Я. Б. Зельдовича (родители его матери живут в Париже, а сестра отца в 1936 г. арестована) и О. И. Лейпунского (имеет в Америке родных отца, а его брат арестован органами НКВД) генерал просил

*«поручить еще раз проверить эти материалы и решить, не была ли допущена ошибка в части разрешения привлеченных к специальным работам указанных лиц».*²⁶²

И Берия (!) не находит более эффективного способа спасти ближайших соратников Курчатова, чем спрятать их на Семипалатинском полигоне и через полгода дать через Сазонова расплывчато-бюрократический ответ генералу Бабкину. Как справедливо оценивает этот случай Горобец,

*«Берия, скорее всего, не хотел “засвечиваться” в политическом смысле в пиковый период травли космополитов, проводившейся по инициативе Сталина».*²⁶³

Тем не менее, Лаврентий Павлович был ещё достаточно силен и опытен, чтобы устроить увольнение Ковалея из ГРУ в звании рядового и без наград, не проявившего себя ни в каких сражениях.

Это значительно снижало интерес к нему – с точки зрения «органов» Коваль становился «мелкой рыбешкой».

Правда, через четыре года сеть, с помощью которой эти «органы» проводили чистку, стала настолько «мелкоячеистой», что спастись от нее «космополиту» Ковалю стало уже почти невозможно, о чем и свидетельствует описанная ниже история с его письмом о «трудоустройстве» в 1953 г.

И ещё об одном качестве Берии как «менеджера». В июле 1949 года шли последние приготовления к испытанию первой советской атомной бомбы. Для Берии успех этого испытания был буквально жизненно важным. В связи с этим он был погружён в самый сложный клубок административных вопросов, требовавших предельного внимания и сосредоточенности. И при этом он не забыл о судьбе «агента Дельмара»!

Конечно, конкретику бюрократических формальностей увольнения Ковалея разрабатывал не он сам, для этого у него были специальные аппаратчики, но принципиальные решения нужно было принять ему.

Окончательное оформление документов проводилось в ГРУ, а тамошние исполнители всё-таки «накосячили» при оформлении военного билета. Что-то было сделано с явными намерениями «замаскировать» личность владельца этого документа – он «не участвовал» в военных действиях, «не имеет» никаких наград, и по званию «рядовой». Но вместе с этим документом содержится запись, которые у любого опытного кадровика вызовут недоумение и потребуют разъяснений.

²⁶² Горобец Б. С., «Ядерный реванш Советского Союза. Судьбы Героев, дважды Героев, трижды Героев атомной эпопеи», изд-во Красанд, М., 2014, стр. 67

²⁶³ Ibid, стр. 68

Почему-то проставлена «липовая» дата призыва (25.10.39 – противоречит документам о приеме в аспирантуру), несуразная по отношению к ней дата принятия присяги (07.11.41 – через два года после призыва!), дата выдачи билета совпадает с датой увольнения (06.07.49), а основанием для увольнения является мифический (или секретный?) Указ ВС СССР.

В военном билете Жоржа Абрамовича сказано: «Демобил. на основании Указа Презид. Верхов. Совета СССР от 4.2. 1947 г. 6.VII. 1949 г.». Но 4 февраля 1947 года не было никакого Указа о демобилизации!

Был Указ о демобилизации от 25 сентября 1945 года: «О демобилизации второй очереди личного состава Красной Армии». И в нём был подходящий для случая Жоржа пункт: «1. Провести демобилизацию второй очереди – десяти последующих старших возрастов рядового и сержантского состава Красной Армии (исключая войска Дальнего Востока)».²⁶⁴

Но если сослаться на него, то было бы налицо нарушение другого пункта этого указа: «3. Демобилизацию личного состава, в соответствии с настоящим Указом, закончить к концу 1945 года».

Так что опытный кадровик, оформляя на работу предъявителя такого документа, должен был пригласить его на беседу, после чего перед ним вставала дилемма – либо просто отказать соискателю, подозревая, что распутывание всех несуразностей принесёт только ненужную головную боль, либо (что более вероятно!) доложить «куда следует» о предъявлении такого документа.

Как бы то ни было, сплетение бюрократических интриг привело к тому, что сразу после окончания процедуры отчёта о командировке, в июле 1949 года Жорж Абрамович Коваль был уволен из ГРУ в звании рядового.

Само увольнение, а не арест, было высшей наградой за проделанную работу, а звание рядового было высшим званием, которое он мог получить в то время.

Конечно, выходя в начале июля 1949 г. из какого-то спецотдела ГРУ с новеньким солдатским военным билетом «на гражданку» в звании рядового без заслуг, Жорж должен был испытывать сложные чувства.

Как разведчику Дельмару ему было очень обидно, что тот опыт, который он копил, работая в Ок-Ридже и Дейтоне, опыт, совершенствование которого придавало в его собственных глазах смысл всей работе в Америке, оказался никому не нужным здесь, в СССР.

А ведь это было совсем не так! Вот что вспоминают сотрудники «Института специальных металлов НКВД (Инспецмет)», занимавшиеся получением металлического урана и плутония с участием немецких специалистов:

*«Интересным фактом, описанным в мемуарах наших сотрудников, было то, что из-за отсутствия экспресс-мониторинга радиационной обстановки (мелкосерийное производство приборов в стране было налажено только в 1949 году), немецкие ученые для этих целей использовали древесных жучков, которых в деревянных перекрытиях было много. Жучки реагировали на озон, образующейся в воздухе под действием радиации, и начинали беспорядочную суету. Это значило, что радиационный фон повышен».*²⁶⁵

Так неужели для налаживания производства приборов контроля радиационной обстановки был не нужен опыт вернувшегося из Ок-Риджа и Дейтона дозиметриста?

²⁶⁴ «Указ Президиума ВС СССР от 25.09.1945 о демобилизации второй очереди личного состава Красной Армии», Вики-тека, https://ru.wikisource.org/wiki/Указ_Президиума_ВС_СССР_от_25.09.1945_о_демобилизации_второй_очереди_лично_состава_Красной_Армии

²⁶⁵ «Атомный проект СССР. Экскурс в историю», Очерк по материалам отечественных и зарубежных СМИ, сайт «Открытое атомное сообщество», <http://publicatom.ru/blog/vniinm/7546.html>.

Отмечу, что вопросы радиационного контроля в полной мере не были решены и десятилетия спустя. По рассказу одного из ветеранов, работавшего в 60-х годах на Семипалатинском полигоне в должности инженера, тогда при полевых работах в зоне подземных ядерных взрывов (некоторые из которых приводили к вспучиванию и даже выворачиванию грунта) работникам, как рядовым, так и руководящим, не выдавали индивидуальных дозиметров!²⁶⁶

Приведённый частный пример иллюстрирует гораздо более масштабную проблему безопасности атомной энергетики в целом. Госатомнадзор, системно контролирующей безопасность атомных объектов, появился в СССР только в 1983 году. Причина проста:

*«В Советском Союзе атомная энергетика явилась побочным продуктом создания ядерного оружия и поначалу развивалась по законам, характерным для развития соответствующего оружейного комплекса».*²⁶⁷

А главный закон «военных атомщиков» тоже прост: достигнуть предписанного результата как можно быстрее и любой ценой. . .

Этот закон Жорж, конечно, знал. Именно поэтому, не зная всех «нюансов» своего увольнения и не представляя себе истинного места добытой им информации в иерархии этапов атомного проекта, он чувствовал обиду на то, что результаты его работы оказались достойны столь низкой оценки. Ему казалось, что они никому ни в чем не помогли, и никому не нужны.

И это чувство обиды усугублялось тем, что в газетах, по радио и даже в его «конторе» он явственно ощущал удушливый запах антисемитизма, тот запах, во многом из-за которого 17 лет назад семейство Ковалей покинуло Америку.

Нет, он не считал, что здесь это надолго, ведь он помнил свои студенческие годы с их духом интернационализма, а потому надеялся, что эта социальная зараза здесь надолго не приживется. . .

Трудно сказать, насколько оправданными были эти надежды. Во всяком случае, они не были беспочвенными. И сегодня, как считает известный журналист Л. Парфёнов, специально занимавшийся этой темой,

*«Маргиналами стали люди, которых и сейчас волнует прежде всего «пятый пункт» – ну, они и остаются в прошлом веке, когда эта графа «национальность» существовала в анкете отдела кадров».*²⁶⁸

На этом анализ событий, произошедших в жизни разведчика Дельмара в 1949 году и вызванных реакцией Берии на его отчет, можно пока закончить.

Другие аспекты и ветви событий, вызванных резолюцией Берии на сопроводительном письме к его отчету должны стать предметом отдельного рассмотрения.

Не менее интересным является рассмотрение причин появления у Жоржа Абрамовича документов, проясняющих истинное значение его работы как разведчика. Они связаны с последним периодом его жизни, признанием его выдающейся роли в «игре разведок» как со стороны российских, так и американских коллег.

Последнее особенно удивительно, но один из ветеранов и ведущих историков Манхэттенского проекта – А. Крамиш, руками которого был смонтирован механизм взрывателей первого «гаджета» в Аламогордо – в письме к Ж. А. Ковалею сам выражает желание написать «длинную историю твоего подвига». Но подробности этой истории мы обсудим позже. . .

А вот как 36-летний «гражданин Коваль» он был, прежде всего, рад тому, что, наконец, снова свободен! Свободен от гнетущего пресса «двойной жизни», бдительного надзора началь-

²⁶⁶ Разговор с 80-летним случайным собеседником в поликлинике 26.10.19.

²⁶⁷ А.М. Букринский, «Безопасность атомных станций и её регулирование в России: Сборник статей», М., 2016, стр. 41.

²⁶⁸ Алексей Крижевский, «Люди, которых волнует «пятый пункт», остались в прошлом веке», интервью с Л. Парфёновым, Газета. ру, 21.09.17, https://www.gazeta.ru/culture/2017/09/20/a_10899908.shtml

ства, от обязанности отчитываться за каждый свой шаг и, как это ни странно в его возрасте (36 лет!), свободен выбирать дальнейший жизненный путь: углубиться ли в любимую электротехнику (в кармане – свежий диплом с отличием от 1 февраля 1948 г. Нью-Йоркского городского колледжа со званием бакалавра в области электротехники) или вернуться в химию, где он уже успел стать аспирантом девять лет назад.

Рад он был и тому, что его Мила дождалась и по-прежнему любит его, что в Биробиджанском колхозе имени XVIII партсъезда живы отец и мать, а старший брат одарил его расцветшими за годы его отсутствия тремя очаровательными племянницами и только что (как раз в период его «экзамена» у Берии!) крепышом-племянником, нянча которого месяц тому назад, он говорил брату, что, мол, конечно, парень хорош, вырастет – будет старшим в следующем поколении Ковалей!

Радовался, что Москва по-прежнему красива (он любит Кремль каждый день, идя к себе домой по Большой Ордынке), что в «Спартаке» появились такие замечательные молодые ребята, как Игорь Нетто и Никита Симонян...

09.03. Вероятно, одна из первых «гражданских» фотографий Ж. А. Коваля. На обороте фото 3×4 надпись «август 1949».²⁶⁹

Да многому чему еще был рад снявший маску Дельмара Жорж Абрамович Коваль летом 1949 г.!

²⁶⁹ ДСАЖАК

Но очень скоро эта радость была вытеснена тоскливым недоумением и, как ни невероятно это звучит по отношению к «бесстрашному разведчику, ощущением страха. В какой-то момент даже захотелось снова надеть маску...

Снова космополит. Год 1953

Восстановившись (вероятно, не без помощи ГРУ) в аспирантуре, Жорж с головой погрузился в научную работу, стараясь не замечать того, чем пугала его Татьяна Васильевна: «*всякие ужасы, которыми она где-то наслышалась (на счет увольнения, гонении и т. д.)*»

Но, думаю, что та социальная картина, которая высветилась перед Жоржем сразу после возвращения из своей «командировки» в 1948 и увольнения из ГРУ в 1949 году, за прошедшее к 1953 году время не только не потускнела, но и «заиграла новыми красками».

А эти «новые краски», если употребить химические образы, были замешаны на весьма ядовитых пигментах – лжи, лицемерии, ненависти, жестокости, скудоумии – растворённых в липком страхе.

«Государственный прессинг» евреев всё время усиливался. Так,

«по данным статистического сборника о руководящих кадрах партийных, советских, хозяйственных и других органов, подготовленного в 1952 г. по указанию Г. М. Маленкова^[cxlvii]²⁷⁰, количество евреев-руководителей среди руководящих кадров центрального аппарата министерств и ведомств СССР и РСФСР сократилось с начала 1945 г. до начала 1952 г. с 516 до 190 человек (с 12,9 % до 3,9 % в общей массе руководителей этого звена, насчитывающей 4 тыс. человек в 1945 г. и 4,9 тыс. в 1952 г.). Среди руководителей предприятий и строек (около 4,2 тыс. человек) доля евреев за этот же период снизилась – с 11,2 до 4,6 %, среди директоров промышленных предприятий (около 2 тыс. человек) – с 12,3 до 4,6 %, среди руководителей НИИ, КБ и проектных организаций (около 430 человек в 1945 г. и 1 тыс. в 1952 г.) – с 10,8 до 2,9 %, среди руководящих кадров центральной печати (около 300 человек в 1945 г. и 480 в 1952 г.) – с 10,7 до 5,4 %, среди руководителей вузов и партшкол (около 730 человек в 1945 г. и 1900 в 1952 г.) – с 10,9 % до 3,1 %. В то же время доля евреев среди секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик (около 770 человек в 1945 г. и 1000 в 1952 г.) сократилась с 1,3 до 0,1 %, доля евреев среди наиболее многочисленной когорты руководителей основных окружных, городских и районных советских и хозяйственных учреждений и организаций (свыше 50 тыс. в 1945 г. и около 57 тыс. в 1952 г.) снизилась с 2,8 до 2,2 %^[cxlviii]²⁷¹».²⁷²

Это – данные о руководящем слое советских чиновников. Люди, входившие в него, обладали и властью, и связями и опытом выживания в сталинских чистках. Но всё это не помогло, и число переживших кампанию по борьбе с космополитизмом с сохранением привычного образа жизни было в разы (а порой и на порядок) меньше тех, кто оказался «выброшенным за борт».

А статистических сборников с данными о «простых гражданах», у которых в пятом пункте анкет было написано «еврей», ни Г. М. Маленков и никто другой не заказывал. Так что каждый читатель может судить о статистике чисток «по пятому пункту» опираясь на историю своей семьи, семей друзей и знакомых, опубликованным мемуарам и литературным произведе-

²⁷⁰ Его полное название – «Руководящие кадры партийных, советских, хозяйственных и других органов к началу 1952 года (без данных по министерствам: Военному, Военно-Морскому, Госконтроля и по войскам МВД, МГБ и спецсидам». Данные сборника частично опубликованы в кн.: Государственный антисемитизм в СССР, стр. 353–357.

²⁷¹ См. там же. Подсчеты произведены по данным, приведенным на страницах 353–355.

²⁷² Александр Вдовин, ««НИЗКОПОКЛОННИКИ» И «КОСМОПОЛИТЫ». 1945–1949: история и современность», http://www.voskres.ru/idea/vdovin_printed.htm.

дениям Н. Мандельштам, В. Шаламова, А. Солженицына, Е. Гинзбург, В. Гроссмана, Л. Копелева, О. Адамовой-Слиозберг (да простят меня те литераторы, чьи фамилии я не включил в этот список по неведению или забывчивости) и, конечно, сообразуясь со своей интуицией и здравым смыслом.

Отметим, что до начала 1953 года этот период новой чистки проходил под маской борьбы с космополитизмом. Сам Жорж за эти годы, как ясно видно из уже разобранных перипетий его судьбы, неоднократно попадал в ситуации, картины которых рисовались простыми «антикосмополитическими карандашами», но раскрашивались уже ядовитыми антисемитскими красками.

В 1953 году ситуация стала критической. «Борьба с космополитизмом» переросла в невиданную по масштабам открыто антисемитскую кампанию, поводом для которой стало так называемое «Дело врачей».

Для «широких масс» (а именно к ним и относился Жорж в это время – младший научный сотрудник на хоздоговоре в МХТИ им. Д. И. Менделеева) дело началось 13 января 1953 года с анонимной статьи «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей» в газете «Правда».

Теперь доказано²⁷³, что эту статью представил Сталину 10 января 1953 года Д. Шепилов и вождь лично и весьма скрупулёзно её редактировал.

09.04. Вырезка из газеты «Правда» от 13 января 1953 года.²⁷⁴

Практически моментально тему подхватили все газеты и журналы, куплетисты и каррикатуристы:

²⁷³ См. документы на сайте «Бессмертный барак», «Дело «врачей-вредителей» своими глазами», http://bessmertnybarak.ru/article/delo_vrachey_vrediteley/

²⁷⁴ Репродукция из заметки «13 января. Черный январь» с сайта «HistoryTime», <https://historytime.ru/sobyitiya-dnya/13-yanvarya-titanicheskaya-katastrofa> (03.02.20).

Она обсуждалась на собраниях, на лекциях в учреждениях, на заводах, в институтах, в магазинных очередях, в трамваях и на коммунальных кухнях. Замороженные и испуганные обыватели боялись вызвать врача на дом или обратиться в поликлинику, если там работали врачи-евреи.

Тогдашнюю ситуацию «дипломатично» обрисовал спустя несколько месяцев после смерти Сталина, Л. М. Каганович, выступая с речью на Пленуме ЦК КПСС, посвящённом «делу Берии»:

*«...если даже к примеру взять дело врачей, которое некоторые элементы неправильно связывали с еврейством вообще...».*²⁷⁵

²⁷⁵ Каганович Л.М., выступление на Пленуме ЦК КПСС 3 июля 1953 года, «Стенографический отчёт «Пленум ЦК КПСС. Июль 1953»», заседание второе, утреннее. Цит. по «Известия ЦК КПСС», № 1, 1991 г., стр. 192.

Сегодня эвфемизм Кагановича «некоторые элементы» можно расшифровать так – «значительная часть населения крупных городов» и, прежде всего, Москвы и Ленинграда.

Дело шло к апогею – суду над «врачами-убийцами» и «неотвратимому наказанию» злодеев. Но тут произошло нечто совершенно неожиданное: 5 марта умер Сталин.

Сегодня трудно даже представить энергетику того взрыва эмоций, которые выплеснулись в обществе в связи с Его кончиной. В это время буквально «вся страна» плакала и даже рыдала: «Как же теперь будем жить без Него?».

Эмоционально ощутить царившую тогда в Москве и во всей стране атмосферу скорби можно по документальному фильму С. Лозницы «Государственные похороны» (2019). Этот двухчасовой монтаж из 200 коробок плёнки съёмок траурных мероприятий с 6 по 16 марта 1953 года по всей стране «визуализирует» общеизвестный факт – оторопели, скорбели и рыдали миллионы людей. Истерическая реакция народа на известие о смерти Сталина часто приводится как аргумент «всенародной любви» к нему. Но, как мне кажется, он же может рассматриваться как симптом социального психического заболевания. Это хорошо отражает один политический анекдот того времени:

«Приходит человек к психиатру: «Что со мной, доктор? Думаю одно, говорю другое, делаю третье?» – «Извините, – отвечает доктор, – но от сталинизма не лечим...»²⁷⁶

Хотя именно сегодня можно видеть, какие семена, проросшие десятилетия спустя, разметало время этим эмоциональным взрывом. Вот как выглядит сегодня фигура Сталина в глазах «среднего россиянина»:

«Сталин в массовом сознании многолик, говорит политолог Алексей Макаркин. Он и настоящий коммунист, продолжатель дела Ленина; он и имперец, вернувший России территории; он индустриализатор, «принял страну с сохой и оставил с атомной бомбой»; он победитель в Великой Отечественной; он тайный православный; он борец с коррупцией, так как якобы расстреливал только воров (под легендой врагов народа). В общем, для каждого найдется свой Сталин в Кремле».²⁷⁷

Искренность тогдашней всеобщей скорби подтвердил мне известный советский и российский биохимик, биофизик и историк науки С. Э. Шноль,²⁷⁸ который в результате ареста отца прошёл через детский дом, мытарства с трудоустройством после окончания университета в связи с «пятым пунктом» своей анкеты и в свои 23 года в то время никаких не только «горячих», но даже чуть тёплых чувств к Сталину уже не имевший. Так что это свидетельство абсолютно достоверно подтверждает атмосферу национальной трагедии, воцарившуюся в Москве.

Но, поскольку из каждого правила есть исключения, во всеобщую скорбь от известия о кончине «лучшего друга детей» именно дети внесли элемент фарса.

Вот что рассказала Наталья Олеговна Лебедева. Пятилетней девочкой в результате осложнения после гриппа (аритмия) в марте 1953 года она лежала в кардиологическом отделении детской больницы. Палата была большая – около 20 коек, на которых лежали страдающие сердечными недугами малолетние дети. И вот утром 6 марта 1953 года в палату вошла медицинская сестра и сказала: «Дети! Случилось большое горе – умер товарищ Сталин».

После этого произошло непредвиденное – дети закричали «Ура!» и, цепляясь за спинки кроватей, встали на головы, продолжая громко кричать: «Ур-р-а!».

²⁷⁶ Приведён в кн. Успенский В.Д., «Тайный советник вождя», кн. 1–6, изд-во «Прометей», М., 1993 г., стр.301.

²⁷⁷ Сеницын Андрей, «Свобода выбора Сталина. Почему отношение к вождю резко улучшилось?», сайт «Republic», 17 апреля 2019 г., <https://republic.ru/posts/93548> (вх. 20.04.19).

²⁷⁸ Частная беседа 04.10.2016 г.

Такой эффект был вызван тем, что из-за краткости сообщения и малого возраста, дети просто не осознали смысла услышанного (в этом возрасте для многих из них слово «умер» ещё не отделилось по смыслу от таких глаголов как «ушёл», «оставил», «умолк» и т. п.), но серьёзность взрослой тётки и ключевое слово «Сталин» породили почти рефлекторную реакцию – «Ура!» и вполне законную «моторную реакцию» – спокойно лежать в кровати для ребёнка сущее наказание. А тут такой повод!..

Чем закончилось это происшествие для медицинского персонала – неизвестно. Но ощущение радости от задорного крика при стоянии на голове осталось в памяти Натальи Олеговны и спустя многие десятилетия...

Конечно, случай в детской больнице – удивительное и редчайшее исключение из общей картины. Типично в детских учреждениях она выглядела так, как описывает И. Бродский:

«20 лет назад мне было 13, я учился в школе, и нас всех согнали в актовЫй зал, велели стать на колени, и секретарь парторганизации – мужеподобная тетка с колодкой орденов на груди – заломив руки, крикнула нам со сцены: «Плачьте, дети, плачьте! Сталин умер!» – и сама первая запричитала в голос. Мы, делать нечего, зашмыгали носами, а потом мало-помалу и по-настоящему заревели. Зал плакал, президиум плакал, родители плакали, соседи плакали, из радио неслись «Marche funebre» Шопена и что-то из Бетховена. Вообще, кажется, в течение пяти дней по радио ничего, кроме траурной музыки, не передавали. Что до меня, то (тогда – к стыду, сейчас – к гордости) я не плакал, хотя стоял на коленях и шмыгал носом, как все. Скорее всего потому, что незадолго до этого я обнаружил в учебнике немецкого языка, взятом у приятеля, что «вождь» по-немецки – фюрер. Текст так и назывался: «Unser Fuhrer Stalin». Фюрера я оплакивать не мог».²⁷⁹

В силу понятных причин, количество взрослых людей, хорошо понимавших смысл слов «смерть Сталина», которые, подобно С. Э. Шнолю, не испытывали чувства скорби по поводу кончины «Вождя народов», было не так много.

Ещё меньше было тех, кто понимал, что эта кончина может оказаться спасительной для советского еврейства. Как свидетельствует тот же С. Э. Шноль, в «простой» еврейской среде определённых слухов о предстоящей публичной казни «врачей-вредителей» и последующей депортации евреев на Новую Землю тогда почти не было.

«Почти» – очень неопределённая оценка. Да и Москва, живые впечатления от атмосферы в которой описывает С. Э. Шноль, далеко не вся страна. И Новая Земля – далеко не единственная область возможной депортации. Гораздо вероятнее, что говорили не о дальнем Севере, а о Дальнем Востоке. Вот свидетельство юного ленинградца И. Бродского:

«... семья готовилась к отъезду. Ибо стало известно, что в результате «дела врачей» (в результате сомневаться не приходилось) всех евреев будут перемещать на Дальний Восток, чтоб тяжким трудом на благо своего социалистического отечества они могли искупить вину своих соплеменников: врачей-вредителей».²⁸⁰ Мы продали пианино, на котором я все равно не умел играть, и которое было бы глупо тащить через всю страну – даже если

²⁷⁹ Бродский И.А., «Жить было возможно, но жить стало бессмысленно», эссе, сайт «Le Comte», 27.11.19:15.38, https://cont.ws/@le_comte/1516404 (вх. 30.11.19).

²⁸⁰ В опубликованном Я. Этингером тексте письма (один из нескольких обсуждавшихся вариантов текста для публикации в «Правде») говорилось о более широкой географии: «... мы полностью одобряем справедливые меры партии и правительства, направленные на освоение евреями просторов Восточной Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера». (Николай Михайлов, «Яков Этингер Еврейский вопрос», интервью с Я.Я. Этингером, <https://www.stihi.ru/2015/06/10/7474> (вх. 02.12.19)). Историю написания и подписания этого письма достаточно подробно рассмотрела Лариса Белага («О планируемой депортации евреев СССР», 18.12.2009, <https://la-belaga.livejournal.com/39736.html> (вх. 02.12.19)).

б и разрешили; отца выгнали из армии, где он прослужил всю войну, и на работу нигде не брали; работала только мать, но и она держалась на волоске. Мы жили на ее зарплату и готовились к депортации, и по рукам ходило письмо, подписанное Эренбургом, Ботвинником и другими видными советскими евреями, которое гласило о великой вине евреев перед советской властью и которое со дня на день должно было появиться в «Правде»».²⁸¹

Так что разные слухи о возможной депортации в разные места с разной интенсивностью циркулировали среди «простого народа». А знали об этом точно только в очень узком кругу очень высокого политического уровня – Политбюро, МВД. Ну, и, конечно, ГРУ.

Я написал «конечно», поскольку не могу себе представить, что планируемые мероприятия такого масштаба МВД никак не обсуждало с руководством ГРУ. Но даже если и так, то трудно предположить, что «по своим каналам» ГРУ не заметило подготовки к такому мероприятию у своих коллег-силовиков.

Вот редкое прямое свидетельство существования таких планов сотрудника МГБ Н. Н. Полякова:

«В конце сороковых, начале пятидесятих годов было принято решение о полной депортации евреев. Для руководства этой акцией была создана комиссия, подчинявшаяся только Сталину. Председателем комиссии Сталин назначил Суслова, а секретарем был я, Поляков. Для приема депортируемых в Биробиджане (в частности) форсированно строились барачные комплексы по типу концлагерей, а соответствующие территории разбивались на закрытые секретные зоны».²⁸²

Архивы, в которых содержались материалы работы этой сталинской комиссии, конечно же, подверглись тщательной чистке и в хрущёвские времена (было выделено к уничтожению в 1950 г. – 30,7 млн. дел, в 1955 г. – 68,1 млн. дел, 1957 г – 87,1 млн. дел, в 1959 г. – 87,8 млн. дел)²⁸³ и во времена «падения КПСС» в 1991 году.

Вот некоторые подробности об этом от Главного государственного архивиста России 1990–1996 гг. Рудольфа Психоя:

«23 марта 1991 года было принято постановление Секретариата ЦК КПСС «О некоторых вопросах обеспечения сохранности документов Архивного фонда КПСС». Впрочем, речь в этом документе шла о другом – о необходимости уничтожения части документов.

Протицирую постановление:

«В последнее время усиливается опасность захвата партийных архивов антикоммунистическими и антисоветскими силами и использования документов КПСС в деструктивных целях. В этой связи уже сейчас приняты меры по усилению охраны партийных архивов в ЦК компартий Латвии и Литвы, в обкомах партии областей Западной Украины. Однако возникает

²⁸¹ Бродский И.А., «Жить было возможно, но жить стало бессмысленно», эссе, сайт «Le Comte», 27.11.19:15.38, https://cont.ws/@le_comte/1516404 (вх. 30.11.19).

²⁸² Цитата содержится в источнике: Жидовецкий М.С., «Сборник статей по еврейской истории и литературе», Реховот, 1992. т. 2. ч. 1, 2. Воспроизводится по Федор Лясс, «Последний политический процесс Сталина, или несостоявшийся юдоцид», Москва-Иерусалим, 2007 г., стр. 65, цит. по http://www.belousenko.com/books/gulag/lyass_poslednij_polit_process_stalina.pdf

²⁸³ Р. Психоя, «Не попасть в историю», Журнал «Огонёк» № 43 от 30.11.2003, стр. 11, цит. по сайту <https://www.kommersant.ru/doc/2292441>.

необходимость более масштабных действий, позволяющих обезопасить архивы КПСС».

Средством «обезопасить архивы» (точнее, организации, создавшие эти документы) должен был стать новый этап «чистки» архивов: «провести экспертизу научной и практической ценности документов Архивного фонда КПСС периода 1946–1985 годов, выделив из него документы... не подлежащие постоянному хранению».

Работа началась. Выступления в прессе против уничтожения документов в расчет не принимались. Экспертизу успели осуществить в 64 республиках, краях, областях страны. Было выделено к уничтожению 6 569 062 архивных дела. Фактически успели уничтожить 2 324 213 дел».²⁸⁴

Неудивительно, что после таких чисток архивов сохранилось так мало документальных следов планировавшегося в 1953 году «государственного еврейского погрома».

То, что задумано было именно «общегосударственное дело», оставило следы в немногочисленных свидетельствах очевидцев, сохранивших в памяти факты, документы о которых были уничтожены в архивах. Об одном из них, относящемся к Литве, рассказал Герой Советского Союза Григорий Ушполис, работавший тогда в аппарате ЦК КП Литвы:

«Вызвал меня тогда к себе руководитель отдела И. Белинский. Он был партийным функционером со сложным характером. И вот он поручил мне поехать на товарную станцию проверить, в каком состоянии находятся эшелоны для отправки людей. Ознакомился на месте с пустыми вагонами. Они были далеки от готовности. Шедший со мной начальник товарной станции заявил, что, мол, «жиды» смогут и в таких вагонах отправиться на вечный покой... Мне стало ясно, что он считал меня литовцем. Поэтому был так откровенен...».²⁸⁵

Вот почему особое значение в качестве независимого косвенного свидетельства планов депортации евреев имеет письмо Ж. А. Коваля руководству ГРУ от 7 марта 1953 года.

Вот полный текст черновика этого письма, сохранившегося в семейном архиве:

7 марта, 1953²⁸⁶

Дорогие товарищи!

Обращаюсь к Вам в связи с трудным положением, в котором я оказался.

Как Вам вероятно известно, в конце сентября 1952 г. я окончил аспирантуру Московского химико-технологического института им. Менделеева. Меня Министерство Высшего Образования должно было направить на работу, но комиссия, которая занималась распределением, не направила меня никуда, а решила «оставить вопрос открытым». Чтобы помочь мне, в Менделеевском институте мне дали временную работу пока я не найду себе место. Я был оформлен в качестве старшего лаборанта, а потом временно зачислен на должность младшего научного сотрудника отдела научно-исследовательских работ, который ведёт исследования на договорных началах для разных заводов и учреждений.

Помочь найти мне постоянное место работы взялись мой бывший руководитель проф. И. Н. Кузьминых и начальник гл. упр. Химико-

²⁸⁴ Ibid.

²⁸⁵ Это воспоминание привела Лариса Белага 18.12.2009 г. в заметке «О планируемой депортации евреев СССР», <https://la-belaga.livejournal.com/39736.html> (вх. 02.12.19).

²⁸⁶ Исправлено в оригинале на «10 марта 1953»

технологических вузов М.В: О. т. Н. С. Торочешников, но, несмотря на их рекомендаций, мне везде отказывали (так, длительные переговоры с институтом научной информации академии наук и с институтом холодильной промышленности в конце концов ни к чему не привели). От меня не скрывали, что трудность оформления на работу возникают из-за «анкетных данных». Наконец директор Менделеевского института согласился зачислить меня постоянно на занимаемую мной временно должность младшего научного сотрудника О. Н. И.Р, но не прошло и двух месяцев, как 23 февраля – в день Советской Армии – я был уволен. Официальная версия увольнения – отказ заказчика от договора на научно-исследовательскую работу.

Теперь я без работы и без перспектив нахождения работы.

Я не хотел Вас беспокоить, но теперь обращаюсь к Вам потому, что не вижу выхода из создавшегося положения без Вашей помощи.

Моя жизнь сложилась таким образом, что по приезде в Советский Союз я в скором времени поступил на учебу в Менделеевский институт, по окончании которого в 1939 году почти тотчас же был призван в Армию и зачислен на службу к Вам. После демобилизации в 1949 году я опять учился (уже в аспирантуре) до октября 1952 г. Я нигде не успел поработать. Десятилетняя служба у Вас – «белое пятно» в моей биографии; ведь о характере службы в армии я не имею права никому говорить. Только Вам известно на каком трудном и ответственном участке мне было доверено служить и что я честно служил на нем. Некоторым может даже показаться странным, что человек с высшим образованием послужил 10 лет в Армии в звании рядового. Поэтому и потому, что моя военная служба проходила в таких особых условиях, я думаю, что имею право обратиться к Вам за помощью и теперь, через несколько лет после ухода от Вас. Надеюсь, что Вы мне не откажете.*

Конкретно, моя просьба заключается в следующем: я прошу Вас переговорить обо мне с министром высшего образования, т. Столетовым, т. к. думаю, что для предоставления мне работы потребуется его личное вмешательство. В частности, проф Н. М. Жаворонков, директор Менделеевского института, сказал мне, что, если министр позвонил бы ему, он нашел бы место для меня. Не обязательно там, но думаю, что министр нашел бы место, где я смог бы применить знания, приобретенные в институте и в аспирантуре

Убедительно прошу Вас вызвать меня лично. Связаться со мной можно по прежнему через мою жену Иванову Л. А. по телефону В-1-34-40.

Жду Вашего ответа.

Коваль Ж. А., Москва 17, Б. Ордынка л 14, кв 1.

** Между тем, если бы эти 10 лет я работал или служил в Советской Армии, как все, то я имел бы определенный трудовой стаж или боевой опыт, которые характеризовали бы меня. При приеме меня на работу обо мне не судили бы только как о выходе из США».²⁸⁷*

Вопреки распространённому в биографических публикациях о Ковале мнению, основанному на первой документально-биографической книге о нём, это обращение в ГРУ состоялось

²⁸⁷ ДСАЖАК, рукопись.

не после «около года» безуспешных поисков работы как сказано в книге В. Лоты²⁸⁸, а всего через две недели после получения извещения отдела кадров МХТИ об увольнении с должности младшего научного сотрудника МХТИ им. Д. И. Менделеева:

СВЕДЕНИЯ				О РАБОТЕ		
№ записи	Дата			Сведения о приеме на работу и увольнении	работу, перемещениях по (с указанием причин)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
	Год	Месяц	Число			
1	2			3	4	
				До поступления в МХТИ-Орг	ниж на работу с работы Об.ч.ев	Отправл. от 27/II. 1934
				МХТИ и чл.	Д.И. Менделеев	№847
1	1952	X	1	Замеслен на лаборанта	должностью с.м.	7/X. 1952
2	1952	XI	1	переведен на научного соуп	должностью с.м.	№962
3	1953	II	23	Освобожден от должности лаборанта	удинва с.м. занимаемой по сокращению штатов	18/XI 1952, Пр. №110 от 9/II 53

09.06. Лист 3 Трудовой книжки Ж. А. Коваля. Запись № 3 от 23 февраля 1953 года: «Освобождён от занимаемой должности по сокращению штатов», Приказ № 110 от 9 февраля 1953 г.²⁸⁹

Так что *длительными страданиями* «безработного» объяснить это обращение никак нельзя. Такая мотивировка скорее свидетельствует о попытке скрыть «правдоподобными причинами» истинные мотивы обращения Жоржа Абрамовича к ГРУ.

В каких условиях писалось это письмо? 4 марта объявлено о болезни И. В. Сталина. 6 марта – о его смерти. 6–9 марта – прощание в Колонном зале Дома Союзов. 9 марта – похороны. И именно в эти дни Коваль пишет свое письмо. Его черновик датирован 7 марта, днём, когда тело Сталина ещё не погребено (исправлено на 10 марта – вероятно, для чистовика), а Москва затихла в глубоком трауре:

10 марта, 1953

09.07. Автограф даты письма Ж. А. Коваля в ГРУ в 1953 г.²⁹⁰

²⁸⁸ Лота В., «ГРУ и атомная бомба», М., ОЛМА-ПРЕСС, 2002, стр. 260.

²⁸⁹ ДСАЖАК, рукопись.

²⁹⁰ ДСАЖАК, рукопись.

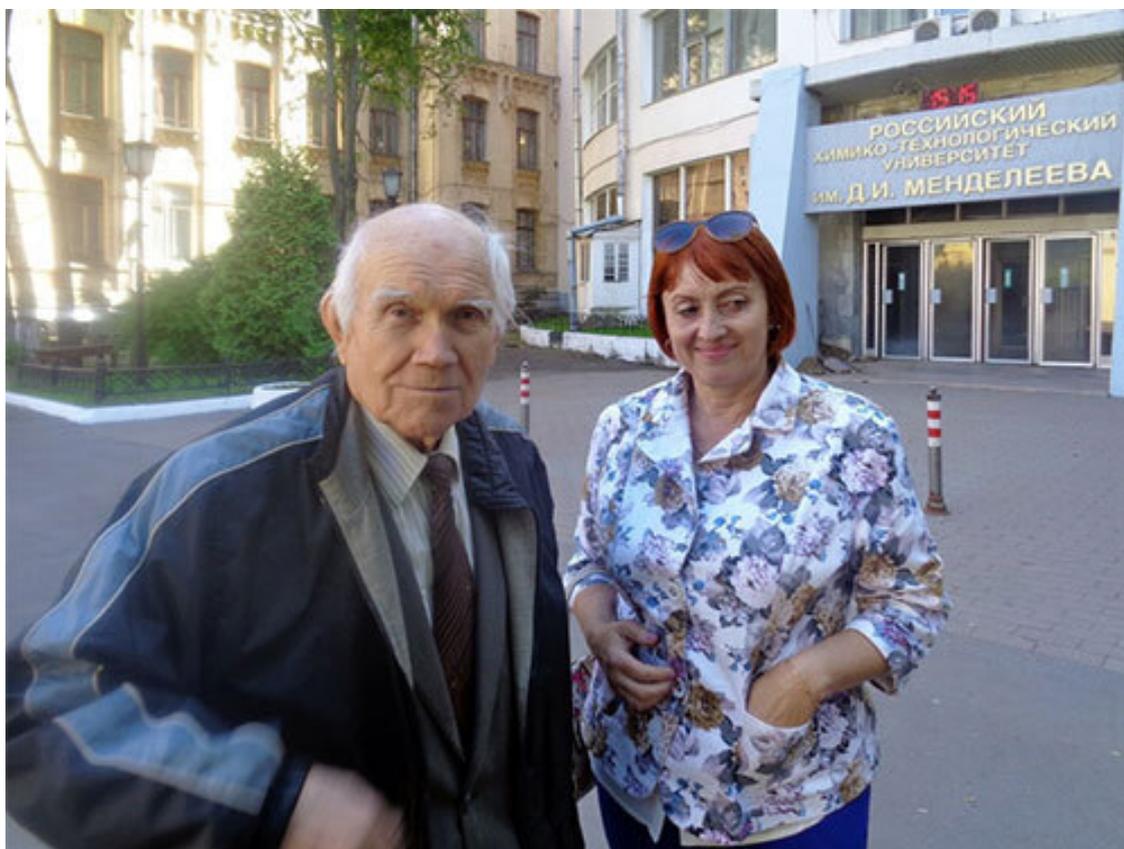
Вариант написания «10» марта с исправлением на «17» марта исключается в связи с тем, что реакция ГРУ на это письмо последовала уже 16 марта.²⁹¹

Что же на самом деле настолько страшило Жоржа Абрамовича в эти дни, что он написал письмо о помощи в ГРУ, из которого был уволен почти 5 лет назад и никаких «официальных связей» с этой организацией в течение всех этих лет не поддерживал?

А были ли у него «неофициальные связи» с ГРУ? И если да, то для каких целей они использовались? Свидетельствует об этом проф. РХТУ им. Д. И. Менделеева А. И. Родионов.

В 1951 году научный руководитель его дипломной работы проф. И. Н. Кузьминных подключил дипломника А. И. Родионова к работе своего аспиранта Ж. А. Ковалья, ставшего практическим руководителем дипломной работы.

А.И. Родионов в то время – 26-летний фронтовик с богатым жизненным опытом. Он быстро нашёл общий язык со своим новым руководителем, и между ними установились дружеские отношения – шахматы, футбол, «товарищеские посиделки»...

09.08. Проф. РХТУ им. Д. И. Менделеева А. И. Родионов и Т. В. Томашевич, директор «Музейно-выставочного центра им. В. И. Клипеля» Смидовичского муниципального района ЕАО.²⁹²

И вот что вспоминает Анатолий Иванович:

²⁹¹ Эту дату сообщил В. Лота в своей книге «ГРУ и атомная бомба» (В. Лота, «ГРУ и атомная бомба», ОЛМА-ПРЕСС, М., 2002, стр.261).

²⁹² Источник фото: Архив автора. Фото Ю.А. Лебедева 21.06.07. Во время этой встречи А.И. Родионов рассказал о том доме по Большой Ордынке, 14, в котором он бывал в гостях у Ж.А. Ковалья.

«Сам он НИЧЕГО не рассказывал. И даже когда, бывало, за игрой, я или Афанасий <А.И. Малахов, тогда аспирант – Ю. Л. >, спрашивали его: «Ну, уж сколько времени прошло... Расскажи, где ты был? Что там делал?..», он всегда молчал. А слухи всякие ходили: то, что разведчик – понятно. А ведь ещё все знали, что родился в штате Айова, в Америке... Так вот, из-за того, что он знал язык, что его родина – Америка, мы считали, что он и был в Америке! А вот чем он там занимался – мы не знали. И даже Глеб Николаевич Макаров – а они учились вместе с Жоржем Абрамовичем! – когда мы его спрашивали, говорил, что ничего не знает. Правда, он говорил Глебу Николаевичу, или мне – сейчас уже не помню, что если случаются трудные, непредвиденные обстоятельства, у него есть какой-то куратор – генерал, которому он может звонить. Но только в случаях экстренных!» <выделлено мной мой – Ю. Л.>»²⁹³

Эта информация Анатолия Ивановича нашла удивительное подтверждение в ДСАЖАК. В домашнем архиве Жоржа есть загадочная фотография генерала:

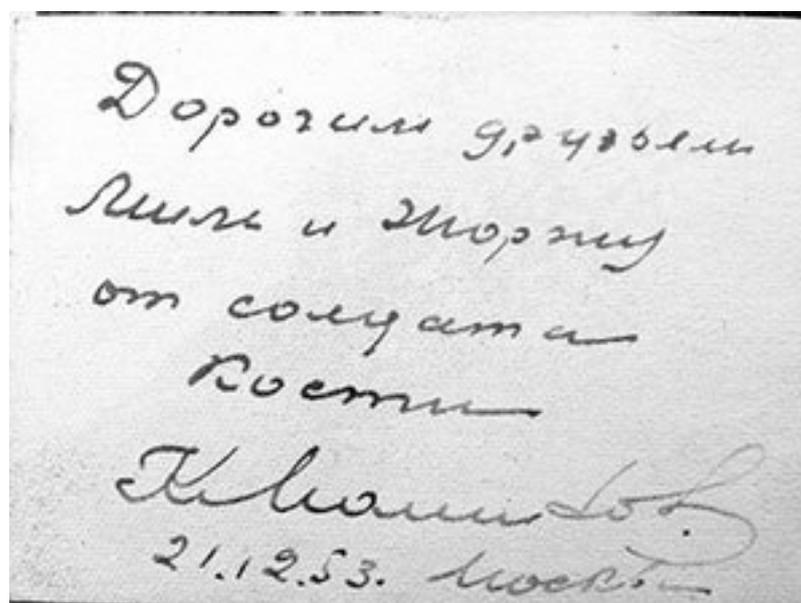

09.09. «Солдат Костя».²⁹⁴

²⁹³ Цитата из «Беседы с Анатолием Ивановичем Родионовым, профессором РХТУ 13.10.2013 г.», архив автора.

²⁹⁴ Источник фото: ДСАЖАК, оригинал.

На обороте фотографии есть дарственная надпись:

09.10. Обратная сторона фотографии «солдата Кости». ²⁹⁵

В этой дарственной надписи можно увидеть скрытый намёк – «солдат Костя» дарит фотографию «солдату Жоржу», считая его равным себе по званию. Дата – декабрь 1953 года – как раз соответствует времени возможных контактов в «экстренных случаях», о которых вспоминает А. И. Родионов.

А что считать «экстренными случаями»? Вот, например, ситуация, которая могла привести к срыву диссертационной работы Ж. А. Ковалья и, как следствие – к краху академической карьеры. Её зафиксировал в своём дневнике И. Н. Кузьминых:

«Случилась беда с работой Жоржа Абрамовича Ковалья. Дмитриева забыла выключить электроэнергию, был пожар. Пришлось ездить к руководству института и умолять и кланяться, чтобы дали возможность продолжить эту работу. Теперь я хочу подключить к этой работе студента-дипломника Родионова. Удалось договориться, и, думаю, что мы доведем это дело до конца». ²⁹⁶

А почему, собственно, лауреату Сталинской премии, профессору И. Н. Кузьминых, так нужно было кого-то «умолять» и «кланяться» руководству ВНИИКИМАШ (института кислородного машиностроения, где находилась экспериментальная установка Ж. А. Ковалья), чтобы ввести студента-дипломника Родионова для ремонта и работы на установке?

По той простой причине, что аспирант Коваль не имел права прийти на опытный завод, и самостоятельно починить установку. У него не было необходимой «третьей формы» допуска к секретности, самой «низшей» по значимости и ответственности, но необходимой для прохода на «режимное предприятие»!

²⁹⁵ ДСАЖАК.

²⁹⁶ Ibid.

Вот войти на промышленную площадку атомного реактора в Ок-Ридже семь лет назад у него право было, а приехать в Лужники и поработать на собственной экспериментальной установке он не мог.

09.11. Панорама Лужников с видом (на противоположном берегу) на площадку расположения Института ВНИИКИМАШ в 1939 году.²⁹⁷

Получается, что даже угроза срыва академической карьеры не была для Коваля «экстренным случаем», позволявшем ему обращаться за помощью в ГРУ. А обращаться в какое-то другое ведомство, связанное с секретностью, без разрешения ГРУ он не имел ни права, ни желания.

Что же считать достаточным поводом для обращения в ГРУ? Мне представляется, что на такой шаг его могли толкнуть только чрезвычайные обстоятельства, связанные с угрозой жизни его самого и его близких.

И такие обстоятельства именно в эти дни действительно были. Не только над ним, но и над тысячами его соплеменников нависла смертельная угроза государственного еврейского погрома. «Дело врачей-отравителей» приближалось к своему трагическому финалу.

Он был предопределён тем, что, как «по горячим следам» этого дела писал в совершенно секретном письме в Президиум ЦК КПСС сам Берия,

«Бывший Министр государственной безопасности СССР т. ИГНАТЬЕВ не оказался на высоте своего положения, не обеспечил должного контроля за следствием, шел на поводу у РЮМИНА и некоторых других работников МГБ, которые, пользуясь этим, разнузданно истязали арестованных и безнаказанно фальсифицировали следственные материалы.»

²⁹⁷ Источник фото: «Вид на Лужники от Ленинских гор. 1939 год. (1 фото)», сайт «Старые фотографии городов», http://www.etoretro.ru/pic91837.htm?y1=1842&y2=1940&sort_field=image_date&sort=DESC&position=246 (вх. 26.02.20). Пейзаж с видом на ВНИИКИМАШ, который «...был в Лужниках, на том месте, где сейчас стадион». (Цитата из «Беседы с Анатолием Ивановичем Родионовым, профессором РХТУ 13.10.2013 г.», архив автора).

*Так было сфабриковано позорное «дело о врачах-вредителях», столь наущившее в нашей стране и за ее пределами и принесшее большой политический вред престижу Советского Союза».*²⁹⁸

Не могли не знать об обстоятельствах и грядущих последствиях этого «позорного дела», сфабрикованного МГБ, «заклятые друзья» чекистов – их коллеги из ГРУ. И именно через них мог знать обо всем этом Жорж несколько более подробно, чем «простые москвичи».

А в «информированных кругах» Москвы ползли слухи о том, что этот финал будет катастрофическим для евреев. «Отравителей» публично повесят на Красной площади, а «евреев-космополитов», якобы спасая от «народного гнева», вышлют в концлагеря, попутно уничтожая руками энтузиастов-антисемитов.

Дипломатично, без шокирующих деталей, но вполне определённо, на грани чёрного юмора, зафиксировал это намерение такой безусловно сведущий и компетентный свидетель, как тогдашний член Президиума ЦК КПСС А. И. Микоян в своих мемуарах:

*«Спокойным со Сталиным не мог чувствовать себя никто. Как-то после ареста врачей, когда действия Сталина стали принимать явно антисемитский характер, Каганович сказал мне, что ужасно плохо себя чувствует: Сталин предложил ему вместе с интеллигентами и специалистами еврейской национальности написать и опубликовать в газетах групповое заявление с разоблачением сионизма, отмежевавшись от него. "Мне больно потому, – говорил Каганович, – что я по совести всегда боролся с сионизмом, а теперь я должен от него «отмежеваться»! Это было за месяц или полтора до смерти Сталина – готовилось "добровольно-принудительное" выселение евреев из Москвы.<Выделено мной – Ю. Л.>».*²⁹⁹

Сам А. И. Микоян обычно представляется образцом расчётливости и спокойствия, которые помогали ему оставаться «сухим» даже в самые «мокрые» политические времена, что и выражено в известном анекдоте:

*«Пригласил как-то Сталин на Ближнюю Дачу товарищей по Политбюро. И разразился дикий ливень. Все приходили мокрые до нитки. Только Микоян вошел сухой. "Как это вы, Анастас Иванович, умудрились под дождем не промокнуть?" – спросил Микояна удивленный Сталин. "А я, Иосиф Виссарионыч, между струйками, между струйками!"»*³⁰⁰

Но даже он, по воспоминаниям А. Рыбина, сразу после смерти Сталина не смог удержать свои эмоции:

*«Так, например, Микоян, когда Сталин умер, приехал он на дачу... Там в кладовке был портрет хороший генералиссимуса Сталина. И вот этот портрет вытащил он из кладовки и начал на части рвать портрет Сталина. Кузин, садовник, просил: «Товарищ Микоян, отдайте мне этот портрет...». Но он с наслаждением продолжал рвать этот портрет и разбрасывать его части по сторонам...».*³⁰¹

²⁹⁸ Берия Л.П., «Записка Л.П. Берии в Президиум ЦК КПСС о реабилитации лиц, привлеченных по так называемому делу о врачах-вредителях», АП РФ, ф.3, оп.58, д.423, лл. 5–7. Копия. Цит. по «Лаврентий Берия, 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы», под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. В. Наумов, Ю. Сигачев, М., МФД, 1999, стр.22.

²⁹⁹ Микоян А.И., «Так было», М.: Вагриус, 1999 г., цит. по <http://militera.lib.ru/memo/russian/mikoyan/05.html>.

³⁰⁰ «Между струйками застрял», сайт «sir-michael.ru», <https://sir-michael.ru/2009/03/23/mezhdu-strujkami-zastrjal> (вх. 01.11.19).

³⁰¹ Алексей Рыбин, интервью в фильме Семена Арановича (сценарий и постановка), «Я служил в охране Сталина, или Опыт документальной мифологии», студия Панорама,

Но, разумеется, с точки зрения эвереттической истории не удивительно, что существуют и другие свидетельские показания о совершенно другом психологическом состоянии А. И. Микояна на даче Сталина в день его смерти. Так, охранник на кунцевской даче Сталина Ю. С. Соловьев свидетельствует:

*«За неприкосновенность и сохранность тела И. В. Сталина отвечали два человека – Микоян и Булганин, оставленные находиться при покойном как члены Политбюро. А. М. Микоян <Опечатка? Нужно «А.И.» – Ю. Л.> и И. А. Булганин <Опечатка? Нужно «Н.А.» – Ю. Л.>, преисполненные скорбных чувств от утраты И. В. Сталина, пригласили пройти в зал и проститься с ним всех, кто был в прихожей, из obsługi и офицеров охраны. Можно понять человеческие чувства утраты близкого человека, когда в присутствии членов Политбюро у еще не остывшего тела весь женский обслуживающий персонал по-русски, по-православному заголосил по отошедшему в мир иной И. В. Сталину».*³⁰²

Как бы то ни было, специального «еврейского» письма, в котором «хорошие евреи» осуждали «плохих евреев» так и не появилось в печати (хотя Сталину последовательно были предложены два его варианта, но оба ему не понравились), и потому в «широких массах трудящихся» оставалась некоторая путаница – одни, с черносотенной закваской, считали, что все евреи «плохие», другие, «идеалисты-интернационалисты», вообще считали «плохими» только врачей отравителей, среди которых были и русские.

Если говорить «по Гамбургскому счёту», то и сам Жорж Абрамович с молодости до глубокой старости был и оставался «идеалистом-интернационалистом». В подтверждение этого приведу такой фрагмент воспоминаний Л. С. Соловьёвой, внучатой племянницы Жоржа Абрамовича, относящийся к началу «нулевых годов»:

*«Единственный случай общения «на острые темы» был связан со мной. Однажды за общим столом я, скажем так, допустила одно не очень корректное высказывание... Тогда разговор шел по поводу ситуации с приезжими в Москве, и, прежде всего, с кавказцами. И я сказала, что в Кузьминках вообще невозможно пройти – одни... не помню точно, какое обидное слово я тогда употребила... И после этого я услышала – в первый и единственный раз! – как дядя Жорж повысил голос. Он сказал, что таких разговоров он не потерпит, он достаточно пережил, когда были отдельно вагоны для белых и вагоны для черных, и чтобы в его присутствии никто ничего подобного себе не позволял!»*³⁰³

К таким идеалистам относились и некоторые друзья Жоржа Абрамовича. Вот что рассказал мне профессор А. И. Родионов:

«А.Р...был ещё момент, когда Жорж Абрамович сильно заволновался. Это было «дело врачей»... Мы тогда с Глебом Николаевичем Макаровым его успокаивали: «Да что ты волнуешься? Ты что, врач, что ли?».
Ю. Л. Его ведь можно понять – дело-то было громкое, во всех газетах...

Ленфильм, 1989 г., <https://yandex.ru/video/search?text=Я%20служил%20в%20охране%20Сталина%2C%20или%20Опыт%20документальной%20мифологии&path=wizard&parent-reqid=1572472609529966-1726918307300313771600105-man1-4277&noreask=1&filmId=8556865779227429047>, 30 мин.36 сек. – 31 мин.08 сек... (вх.01.11.19).

³⁰² Ю.С. Соловьев, «Рядом со Сталиным», Исторический вестник, т.5(152), октябрь 2013, стр.175, цит. по pdf-файлу журнала <https://runivers.ru/upload/iblock/3eb/Vestnik%205.pdf> (вх. 03.11.19).

³⁰³ Цитата из «Беседы 04.11.13 г. с Людмилой Славовной Соловьёвой (Л.С.), внучатой племянницей Жоржа Абрамовича Коваля», архив автора

*А. Р. Да, конечно, но мы с Глебом Николаевичем ему говорили: «А ты-то здесь при чем?». Но он нервничал...».*³⁰⁴

И я понимаю, почему он нервничал! Ни А. И. Родионов, ни Г. Н. Макаров, конечно, не знали, что «волноваться» нужно было не только врачам. Более того, врачам волноваться нужно было не в первую очередь. Ведь «дело врачей» – юридический миф:

*«историки, знакомые с документами о репрессиях в последние годы жизни и правления Сталина могут вас удивить. Они неожиданно скажут: такого дела просто не было. Как не было? А что же было? В материалах следствия фигурирует "Дело о "сионистском заговоре" в МГБ" – Министерстве государственной безопасности СССР. Оно-то потом получило название "дело врачей"».*³⁰⁵

И в рамках этого дела хорошо отлаженная репрессивная машина «выжимала» анти-семитский яд даже из таких закалённых своих «винтиков» еврейской национальности, как Л. Л. Шварцман, заместитель начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР, полковник госбезопасности, один из активных участников сталинских репрессий и М. Г. Белкин, заместитель начальника 1-го Управления (внешняя контрразведка) МГБ СССР, генерал-лейтенант, бывший в своё время начальником Смерша нескольких фронтов и армий (Северо-Кавказского фронта, Отдельной Приморской армии, Прибалтийского фронта и др.).

Шварцман оговорил³⁰⁶

*«30 высокопоставленных сотрудников МГБ – евреев по национальности. Им «шили» участие в подготовке терактов, антисоветскую деятельность».*³⁰⁷

Среди оговорённых и был Белкин, которого, после ареста,

*«страшными непрерывными пытками вынудили дать показания против большинства евреев в аппарате МГБ».*³⁰⁸ *В Министерстве началась повальная чистка, перекинувшаяся и на Генштаб. Евреев изгоняли из этих спецслужб подчистую».*³⁰⁹

И, в отличие от Родионова и Макарова, Жорж «по своим каналам» не мог не знать обо всём этом. Да и не только из-за его причастности к спецслужбам ему грозила беда. Как выяснилось, и по факту его приезда в СССР он оказывался подозреваемым в «шпионской деятельности». Здесь-то он точно был «при чём».

³⁰⁴ Цитата из «Беседы с Анатолием Ивановичем Родионовым, профессором РХТУ 13.10.2013 г.», архив автора.

³⁰⁵ Иосиф Тельман, «Дело о "сионистском заговоре" в МГБ», Сайт «КОНТИНЕНТ 4U – Время с пользой!», <https://www.kontinent.org/article.php?aid=4a774de09e1e3> (вх.15.12.19).

³⁰⁶ Насколько соответствовали действительности его показания, можно судить по тому, что «он заявил, что в сионистской работе ему помогала тетьа, которая готовила специальные еврейские блюда. Попробовав их, люди сразу же становились убежденными сионистами. Особенно действовал суп, который варила та же тетьа Циля».(Ibid.) Лев Шварцман не понаслышке знал, что такое чекистские пытки как метод ведения следствия (он сам вел следствия по делам А. Косарева, И. Бабеля, М. Кольцова, В. Мейерхольда), и что нужно говорить следователю, чтобы их избежать...

³⁰⁷ Ibid.

³⁰⁸ Благодаря этому из страшной мясорубки 1951–1953 гг. М.Г. Белкин, лишившись званий и наград с формулировкой «по ст. 54, п. «е» («по фактам, дискредитирующим высокое звание начальствующего состава»), всё же вышел живым. И ещё более четверти века жил «как простой советский человек»: «С июня 1953 г. – пенсионер, проживал в Москве. С ноября 1955 г. работал на Автозаводе им. Лихачева в Москве слесарем-мотористом, с января 1960 г. контролером, с октября 1963 г. старшим инженером, с февраля 1970 г. слесарем испытателем и с ноября 1975 г. водителем-испытателем» («Генерал-лейтенант Белкин Михаил (Моисей) Ильич (Эльнович) 1901–1980», сайт «www.jewmil.com», <https://www.jewmil.com/biografii/item/285-belkin-mikhail-ilich> (вх.15.12.19)).

³⁰⁹ Генади Ривкин, «Еврейский феномен советской внешней разведки», сайт «Проза. ру», 26.09.14:11.41 <https://www.proza.ru/2014/09/26/649> (вх. 15.12.19).

13 января 1953 года в стартовой статье антисемитской кампании газета «Правда» писала:

«Установлено, что все участники террористической группы врачей состояли на службе у иностранных разведок, продали им душу и тело, являлись их наемными платными агентами.

Большинство участников террористической группы – Вовси, Б. Коган, Фельдман, Гринштейн, Этингер и другие – были куплены американской разведкой. Они были завербованы филиалом американской разведки – международной еврейской буржуазно-националистической организацией «Джойнт». Грязное лицо этой шпионской сионистской организации, прикрывающей свою подлую деятельность под маской благотворительности, полностью разоблачено... Разоблачение шайки врачей-отравителей является ударом по международной еврейской сионистской организации. Теперь все могут видеть, какие «благотворители» и «друзья мира» скрываются под вывеской «Джойнт»».³¹⁰

Как видно из «официальных источников», главной еврейской шпионской организацией считался «Джойнт». Но именно усилиями «Джойнт» и ИКОР семья Ковалей попала на Дальний Восток СССР! Значит, по логике любого тогдашнего кадровика, «колхозник из Биробиджана» Коваль – американский шпион! А по логике кадровика ГРУ – двойной агент! Было от чего «нервничать» Жоржу Абрамовичу. Вариант развития событий с настоящими еврейскими погромами в Москве был вполне реален – недаром А. И. Микоян назвал предстоявшее переселение «принудительным».

Дискуссия историков о том, насколько справедливы эти слухи, продолжается до сих пор. Не отрицают их обоснованность даже такие апологеты Сталина, как Сергей Кремлёв (Брезкун), но, конечно, в их представлении, события выглядели бы почти «вегетариански»:

*«Ведь каким мог быть результат разворачивания той критики, самокритики, о которой в 40–50-е годы в СССР много было сказано, но которая пока удавалась не очень? В результате критики и чисток на её базе из руководящих и прочих системно значимых кресел были бы вычищены самодуры, бюрократы, разгильдяи, бездари и рвачи. А среди них **автоматически** оказались бы многие из уже имеющих или потенциальных членов «пятой колонны».*

***Расстрелы разоблачённых открытых членов этой «колонны» имели бы в 1953 году не массовый, а знаковый характер** <подчёркнуто мной – Ю. Л.> – применить высшую меру социальной защиты требовалось бы теперь к десяткам, а не к десяткам тысяч».³¹¹*

Другой набор «отрицательных качеств» подлежащих репрессиям социальных групп перечисляет Владимир Успенский:

«... борьба с низкопоклонством и космополитизмом, на которую до сих пор жалуются иудеи, была отнюдь не преследованием еврейской нации, а целенаправленным наступлением на те личности или группы, которые так или иначе противопоставляли себя идеям коммунизма, деяниям советской

³¹⁰ «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей», «Правда» 13 января 1953 г., цит. по https://ru.wikisource.org/wiki/Подлые_шпионы_и_убийцы_под_маской_профессоров-врачей.

³¹¹ Берия Л.П., «С атомной бомбой мы живём!» Секретный дневник 1945–1953 гг., Язуа-пресс, 2011, стр. 204.

*власти, лично товарищу Сталину. Без различия национальности, пола и возраста».*³¹²

Ключевым в этих пассажах является слово «автоматически». Вот как в аналогичной ситуации подметил это писатель В. Некрасов:

«В одну из годовщин расстрелов у Бабьего Яра на неофициальном митинге выступил Виктор Некрасов. Его речь прервал выкрик из толпы:

"Здесь похоронены не только евреи!"

Некрасов ответил:

*"Да, верно. Здесь похоронены не только евреи. Но лишь евреи были убиты за то, что они – евреи"».*³¹³

Эвфемизм «пятая колонна» используется Сергеем Кремлёвым для того, чтобы заглушить смысл – это евреи. Их характеристика – самодуры, бюрократы и т. п. И сидят они не только в руководящих (от мастера и бригадира и выше), но и в «системно значимых» (учителя, врачи, библиотекари, артисты, учёные и т. п.) креслах. И расстрелы, по мнению С. Брезкуна, не были бы «массовыми». Правда, и микояновская «принудительность» не исключается.

Разумеется, острота и спектр суждений о возможных последствиях несостоявшихся «событий 1953 года» отражают эверетгический характер исторического процесса.

Подробный и обстоятельный анализ вопроса о подготовке депортации евреев с выводом о том, что это миф, проделан в монографии Г. В. Костырченко «Тайная политика Сталина».³¹⁴ Это серьёзная профессиональная работа, в которой автор описывает ту ветвь альтерверса, в которой подготовка депортации евреев действительно миф.

И полученный в её итоге вывод для описанной Г. В. Костырченко ветви альтерверса вполне обоснован. Но это, к сожалению, не «наша», а другая ветвь.

Профессиональная «дотошность» подхода Г. В. Костырченко к анализу событий в описываемой им исторической действительности видна хотя бы из того, что он использует при анализе и факты, приводимые доктором исторических наук Этингером, который в своей книге «Это невозможно забыть...» писал:

*«Н. А. Булганин, выйдя на пенсию, любил после изрядного возлияния поведать своим собеседникам, разумеется, «по большому секрету» о том, как Сталин поручал ему подготовку и осуществление депортации евреев».*³¹⁵

Но ироническая оценка Г. В. Костырченко обстоятельств появления этих свидетельств Н. А. Булганина (мол, чего не бывает говорено «после изрядного возлияния»!) отнюдь не перечёркивает исторической значимости свидетельств Булганина.

С эверетгической точки зрения факт, приводимый Этингером – это и есть точка касания, склейки, «благополучной ветви», исследуемой Костырченко, с нашей, «трагической ветвью», подробно описанной, например, в монографии Ф. М. Лясса «Последний политический процесс Сталина или несостоявшийся юдоцид».³¹⁶

³¹² Владимир Успенский, «Тайный советник вождя. Роман-исповедь в 2-х томах», т.2, издательство «Крымский мост-9д – Правда – Форум», М.-СПб., 2016, стр. 973.

³¹³ «У Бабьего Яра», сайт «Исторические анекдоты от Старого Ворчуна», вып. 884 от 24.06.2017 г., https://subscribe.ru/archive/funny.abhoc/201706/24090610.html?clearview&ota=2IJDJ5D6MJ557W7LW3U3SZOYCC4UZTTIJW47CJTZH7N5J23D2RYO2OBLCM&utm_source=subscribe-newsletters&utm_medium=email&utm_campaign=subscribe-newsletters (vx.18.04.20).

³¹⁴ Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина в 2-х ч., М., Международные отношения, 2015 г.

³¹⁵ Этингер Я. Я., «Это невозможно забыть: Воспоминания», изд-во «Весь мир», М., 2001, эл. вариант <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=2010>.

³¹⁶ Лясс Ф., «Последний политический процесс Сталина, или несостоявшийся юдоцид», изд. 3, доп., Москва – Иерусалим, «ФИЛОБИБЛОН», 2007

И не менее обоснованным, чем в монографии Г. В. Костырченко, выводом Ф. М. Лясса является утверждение, что подготовка масштабной депортации – страшная реальность описанной им нашей ветви альтерверса.

«Классические историки», сравнивая эти работы и их выводы, ищут малейшие изъяны в аргументациях авторов, принимают одни и отрицают другие приводимые ими факты, и, в конце концов, принимают сторону одного или другого историка.

С эвереттической точки зрения именно обстоятельство и обоснованность обеих работ свидетельствуют о том, что они описывают суперпозицию двух исторических действительностей 1953 года.

В начале 1953 года суперпозиция оказалась в критически неустойчивом состоянии. Сам Сталин заколебался, о чём свидетельствует история с замыслом «письма хороших евреев». Возможных исходов распада этой суперпозиции было два. И оба породили свои действительности. Но мы попали в ту, где новый холокост не состоялся, хотя были «на волосок» от него.

Для меня весомейшим аргументом в пользу этого является именно письмо Ковалю в ГРУ от 7–10 марта 1953 года.

от меня не скрывали, что трудность оформления меня на работу возникает из-за «анкетных данных».

09.12. Фрагмент черновика письма Ж. А. Ковалю в ГРУ, март 1953 г.³¹⁷

«От меня не скрывали, что трудность оформления меня на работу возникают из-за «анкетных данных»»

Здесь Жорж Абрамович тоже использует весьма примечательный эвфемизм – «анкетные данные». Но не для того, чтобы скрыть свою мысль. Наоборот, он её выделял, поскольку в то время эвфемизм «анкетные данные» однозначно означал – «еврейская национальность».

Судя по всему, ждать было уже нельзя ни дня – Жорж Абрамович мог узнать об этом «по своим каналам» у знакомых бывших сослуживцев по ГРУ. Вот похоронят вождя – и начнётся!.. А то, что такие знакомые у него были – несомненно. И у Жоржа Абрамовича был только один – и то весьма рискованный! – выход: обратиться напрямую к руководству ГРУ.

Поэтому в конце письма – почти прямая просьба о «физической защите»:

убедительно прошу Вас вызвать меня лично. Связаться со мной можно попрежнему через мою жену Иванову Л. А. по телефону В-1-34-30.
Жду Вашего ответа.

09.13. Фрагмент черновика письма Ж. А. Ковалю в ГРУ, март 1953 г.³¹⁸

«... убедительно прошу Вас вызвать меня лично. Связаться со мной можно по прежнему через мою жену Иванову Л. А. по телефону В-1-34-40.

Жду Вашего ответа.»

³¹⁷ ДСАЖАК, рукопись.

³¹⁸ ДСАЖАК, рукопись.

Отметим, что эта «приписка» в письме никак не связана с основной просьбой – поговорить с министром Столетовым о предоставлении работы. Для выполнения этой просьбы никакой необходимости в вызове Жоржа в ГРУ не было.

Но именно «личный вызов» в закрытое для толпы учреждение ГРУ мог спасти от ужаса бытового погрома. И совершенно не случайно в тексте не был просто указан номер телефона, а было сказано, что связаться с ним можно через жену с указанием её фамилии и инициалов. Чуткий и догадливый адресат должен был понять, что просьба о вызове должна быть оформлена на два лица...

Передача этого письма производилась через какого-то очень доверенного человека (скорее всего – именно через «генерала-куратора») и была рассчитана на то, что руководство ГРУ как-то свяжется с всесильным в этот момент Л. П. Берией, а тот, в свою очередь, вспомнит о Ковале-Дельмаре, его вкладе в Атомный проект и их беседе в 1949 году. Просьба о работе – это декоративное «прикрытие» истинной просьбы: сохранить жизнь...

Мне очень хотелось узнать что-то конкретное об этом «генерале-кураторе», в страшные мартовские дни 1953 года пошедшего на действия – организацию канала связи отставника-еврея с руководством ГРУ – которые лично для него грозили крупными неприятностями, если бы не произошёл «бериевский откат» от сталинского сценария депортации. Долгое время все мои усилия были безрезультатными, однако, после выхода первого издания этой книги некоторые из ветеранов ГРУ подключились к этой работе и один из них указал мне на источник, в котором нашлись нужные сведения. Этот источник – энциклопедический труд военного историка В. М. Лурье об адмиралах и генералах военно-морского флота.

В книге Лурье оказалась биография генерал-майора авиации Малинова Константина Павловича, иллюстрированная портретом – той самой фотографией, которая хранится в ДСАЖАК.³¹⁹

Константин Павлович оказался боевым лётчиком времён Великой Отечественной войны, воевавшим в составе авиации Черноморского Флота. Из его наградного листа:

«За время участия в Отечественной войне с 22 июня 1941 года проявил себя как смелый летчик-истребитель и хороший командир. В боевых действиях с немецкими захватчиками лично сбил 5 самолетов противника и один в паре, за что награжден орденами Красного Знамени и Отечественной войны 1-й ст.»³²⁰

Но каким образом он был связан с ГРУ и семьёй Ковалей?

Из биографической справки Лурье следует, что он никогда не служил в военной разведке, но занимаемые им посты (к 1953 году – Командующий ПВО, зам. командующего ВВС 8-го ВМФ) предполагают достаточно тесные служебные контакты с ГРУ ГШ. А в рассматриваемое время (1952–1953 годы) Константин Павлович жил в Москве и являлся слушателем авиационного отделения военно-морского факультета ВВА им. К. Е. Ворошилова (Академия Генерального штаба). И в это время служебные контакты уже генерала К. П. Малинова (звание присвоено 03.11.1951) вполне могли обогатиться и личными связями.

Что касается его связи с семьёй Ковалей (автограф на фотографии ДСАЖАК начинается с обращения к Людмиле Александровне), то разгадка проста – и он, и Людмила Александровна вместе окончили в 1931 году Московский текстильный техникум. Но она после этого в звании

³¹⁹ Лурье В.М., «Адмиралы и генералы Военно-морского флота СССР: 1946–1960», изд-во «Кучково поле», М., 2007, стр. 136–137. Цит. по сайту «ЛитМир – Электронная Библиотека», <https://www.litmir.me/br/?b=236710&p=136>, <https://www.litmir.me/br/?b=236710&p=137> (вх. 26.04.2019).

³²⁰ Ibid, стр. 136.

«техника-химика по крашению и отделке тканей» работала в НИИ Текстильной промышленности,³²¹ а её сокурсник Малинов отправился учиться на лётчика в 1-ю военную школу лётчиков им. Мясникова в посёлке Кача под Севастополем.³²²

Но, как видно из документов архива ДСАЖАК, старые контакты и молодая студенческая дружба Людмила и Кости выдержали испытание временем и помогли в трудную для Ковалёв минутку.

При таком раскладе оказывается, что «генеральский зонтик» над Жоржем держала в руках Людмила Александровна.

В этом эпизоде общения Жоржа с ГРУ можно найти одну эвереттическую ниточку, в которой ГРУ предстаёт «джентльменским сообществом».

Вдруг подумалось, что при вербовке Жорж поставил условие – выполню задание и уходу. Трудно представить себе, что такое условие могло иметь официальное оформление. А вот такая «джентльменская договорённость» вполне могла состояться. Все-таки, и в 1939 г., и в 1953 г. он хотел быть химиком, а не разведчиком.

Его обращение в письме 1953 года «я работал у Вас...» свидетельствует о внутреннем разделении «я» и «сотрудники разведки». Так не пишут, когда обращаются к «своим». Он всегда чувствовал себя «в командировке». И ГРУ выполнило обещание – демобилизовало его при первой возможности.

А то, что относительно Ковалёва у руководства ГРУ были какие-то «особые инструкции», инициированные, вероятно, самим Берией, подтверждается тем, что даже в условиях хаоса власти в первые дни после смерти Сталина, на просьбу «безработного Ковалёва» откликнулись немедленно – уже 16 марта³²³ соответствующее письмо было направлено Начальником ГРУ генерал-лейтенантом М. Шалиным министру высшего образования В. Н. Столетову.

В письме есть забавный пассаж:

*«Если это обстоятельство <отсутствие объяснений от Жоржа – Ю. Л.> некоторым образом повлияло на решение Министерства высшего образования при определении его на работы, то прошу Вас принять нашего представителя, который сообщит необходимые сведения Вам лично».*³²⁴

Как легко догадаться, министр не потребовал личной встречи с «нашим представителем» ☺.

Казалось бы, это «хэппи-энд» – после *такого* письма рабочее место должно было быть найдено «мгновенно». Именно так это и представлено первым биографом Жоржа:

*«После этого письма судьба Дмитрия была решена. В его жизни настала полоса творческих успехов в науке и спокойная семейная жизнь. Его приняли на преподавательскую работу в институт...»*³²⁵

Но случилось не так. Письмо от В. Елютина из Главного управления высшего образования Министерства культуры СССР на имя директора МХТИ Н. М. Жаворонкова, в котором было сказано, что

³²¹ ДСАЖАК, Автобиография Л.А. Ивановой от 21.08.1953 г., рукопись.

³²² Лурье В.М., «Адмиралы и генералы Военно-морского флота СССР: 1946–1960», изд-во «Кучково поле», М., 2007, стр. 136. Цит. по сайту «ЛитМир – Электронная Библиотека», <https://www.litmir.me/br/?b=236710&p=136>, (вх. 26.04.2019).

³²³ Как было отмечено выше, эта дата твёрдо фиксирует отправку Жоржем своего письма в ГРУ именно 10 марта. Она же косвенно свидетельствует о том, что в ГРУ очень точно знали и предвидели обстановку в МГБ, поскольку всеобщее ожидание «еврейского апокалипсиса» оборвалось только на следующий день, 17 марта, с арестом М.Д. Рюмина, главного «идеолога» дела врачей. (По данным Википедии, «Рюмин, Михаил Дмитриевич», https://ru.wikipedia.org/wiki/Рюмин,_Михаил_Дмитриевич#Арест_и_расстрел (вх. 21.01.19)).

³²⁴ В. Лота, «ГРУ и атомная бомба», М., Олма-пресс, 2002 г., стр. 261

³²⁵ Ibid.

«Главное управление высшего образования разрешает зачислить т. Коваль Ж. А., окончившего аспирантуру института, заведующим лабораторией высоких давлений»³²⁶

было отправлено только 23 июня 1953 года.³²⁷

Причина задержки состояла в том, что 15 марта 1953 года, за день до написания письма М. Шалина, Министерство высшего образования было упразднено, а все ВУЗовские дела передавались во вновь создаваемое Главное управление высшего образования Министерства культуры.

Можно представить себе масштаб «бюрократического землетрясения» в документообороте этих ведомств! Так что Жоржу пришлось «сидеть на шее» жены целых 133 дня – он был полностью безработным с 23.02 по 24.06–132 дня!

Конечно, это доставило Жоржу «бытовые неудобства», но переносить их стало гораздо легче, поскольку Л. П. Берия³²⁸ круто изменил сценарий «дела врачей», т. е. разветвил альтерверс не по более вероятному, а по более прагматичному пути:³²⁹ 3 апреля все арестованные были освобождены.

И строительство концлагерей для депортированных евреев было прекращено.

А уж как бы полыхнул пожар народного гнева против евреев, доведи Берия дело «врачей-отравителей» до логического завершения, задуманного Сталиным! Какой взрыв черносотенных эмоций породил бы суд и приговор через пару недель после смерти и истерично-трагичных похорон самого «Вождя народов»! Кто и Что сгорело бы в этом пожаре, вряд ли может даже присниться стороннику «умеренной» версии развития событий С. Брезгуну.

Но Россия не была бы Россией, а её альтерверс не был бы столь «перепутанным», без знаменитого принципа его ветвления «на авось!». Подтверждение тому – история работы С. Э. Шноля в эти годы.

После окончания биофака МГУ в 1951 году он, еврей и сын репрессированных родителей, смог, при тайном содействии С. Е. Северина, своего университетского учителя, академика-секретаря отделения медико-биологических наук АМН СССР, устроиться лаборантом на кафедру Медицинской радиологии Центрального Института Усовершенствования Врачей (ЦИУ).

Лаборант должен был принимать «секретный груз» контейнеров с радиоактивными растворами от Лаборатории № 2 и на их основе готовить препараты для исследований по лучевой терапии и радионуклидной диагностике в нейрохирургии. Работа ответственная, опасная и таинственная – контейнеры (иногда по несколько в день!) привозила спецкоманда МГБ в званиях не ниже капитана. Но наступил 1952 год, поздняя осень...

³²⁶ А.П. Жуков, «Атмосфера действий: Жорж Абрамович Коваль (1913–2006), М., РХТУ. 2013 г., стр. 149

³²⁷ Ibid.

³²⁸ За что ему досталось от Л.М. Кагановича: «... даже дело освобождения врачей, которое партией было сделано правильно, Берия преподнёс сенсационно, искусственно, так как и здесь Берия применил свой метод восхваления самого себя, что дескать делаю я, а не ЦК, я поправляю, а не правительство». (Каганович Л.М., выступление на Пленуме ЦК КПСС 3 июля 1953 года, «Стенографический отчёт «Пленум ЦК КПСС. Июль 1953», заседание второе, утреннее. Цит. по «Известия ЦК КПСС», № 1, 1991 г., стр. 192).

³²⁹ Результат этого эвереттического ветвления подтверждает мысль классика физического эвереттизма М.Б. Менского о том, что выбор пути ветвления определяется вовсе не вероятностью того или иного исхода, а тем, что «жизнь как особый феномен описывается лишь теми сценариями, в которых обычная эволюция приводит к выживанию (к продолжению жизни)». (Менский М. Б., «Сознание и квантовая механика: Жизнь в параллельных мирах (Чудеса сознания – из квантовой реальности)», авторизованный пер. с англ. Ваксмана В. М., Фрязино, изд. «Век2», 2011 г., стр.192.). Физический механизм, который обеспечивает такие причины выбора, носит название посткоррекции. «Эволюцию живой системы, с учетом посткоррекции, можно представить как ряд коротких промежутков обычной (причинной) эволюции, каждому из которых предшествовала посткоррекция» (Ibid). Конечно, при таком описании возникает вопрос об онтологической природе источника посткоррекции (мультивидуум у личности, метавидуум у социума?), но очевидно, что этот вопрос относится к категории гёделевских вопросов, и его постановка не дискредитирует научную корректность гипотезы М.Б. Менского.

«Аресты шли по всей стране. В газетах одна за другой появлялись статьи с описанием вредительского лечения, проводимого врачами евреями в разных городах страны. Появились слухи, что евреи «прививают рак» своим пациентам. Даже зубные врачи ухитряются делать это при пломбировании зубов. В стране нарастал психоз. Можно было ожидать погромов. До конца ноября арестовали всех евреев – профессоров ЦИУ... Не все евреи – сотрудники ЦИУ – были профессорами или доцентами. Не все были арестованы. Но все, кроме двух, были уволены с работы. Сделано это было традиционным способом. От райкома партии в Институт прибыла комиссия, составленная почему-то из чиновников Министерства Путей Сообщения. Во главе комиссии была М. Д. Ковригина – министр здравоохранения СССР (!). Члены этой комиссии с серыми бесцветными лицами и невыразительными глазами заседали в большой комнате за длинным столом. Вызывали очередную жертву – в торце стола был специальный стул. Из «личного дела» зачитывали какие-то бумаги, задавали невнятные вопросы. Затем, за закрытыми дверями что-то обсуждали и постановляли «для работы в ЦИУ непригоден». Было совершенно бесполезно спорить, говорить о своих правах или тем более достоинствах и заслугах. Выгнали всех за исключением двух. Один из двух был я. Второй – кладовщик материального склада, пожилой симпатичный человек Яков Семенович Фрей. Почему меня не выгнали? Я думаю, из-за сложившегося таинственного образа – молодой выпускник университета по особому заданию работает по атомной проблеме в опасных условиях и в тесном контакте с МГБ – раз каждый день получает секретные грузы посредством капитанов МГБ... Сидя на стуле для жертв, был настроен меланхолично и на вопросы отвечал невнятно и не по делу. Как оказалось, это было расценено необходимостью не раскрывать секретный смысл моей работы. Мне посоветовали... беречь все же здоровье и пожелали успехов».³³⁰

Невероятные подробности, выявляющие русское «Авось!» в этой фантазмагорической картине, Симон Эльевич сообщил в беседе со мной, когда я обратился к нему с просьбой прояснить детали его участия в Советском атомном проекте:

«Пикантность была в том, что у меня не было допуска. А документы и груз были совершенно секретные. Это только в Советском Союзе бывает... Более того, они всё про меня знали, но была деликатность – на бумагах по приёмке грузов должна была стоять гербовая печать. Она была в секретном отделе института, который работал до трёх часов дня, как и во всех учреждениях. А я работал круглые сутки. И в начале нашей работы я, расписавшись, нёс подписанные мною документы в секретный отдел какой-то тётке, которая ставила печать. Но потом они поняли, что это неудобно – а ну-ка нету тётки в момент их приезда?! Приезжали же они в любой час дня, а то и ночью – у них свои были правила. И поэтому они постановили – дать мне личную гербовую печать.»³³¹

Вдумаемся: 1952–1953 годы. Еврей, ЧСИР, регулярно получал секретные материалы – опасные радиоактивные вещества! – от капитанов МГБ! И ещё раз вдумаемся: человек, не

³³⁰ С.Э. Шноль, «Герои, злодеи и конформисты отечественной науки», изд. 3-е, М., Книжный дом «ЛИБРКОМ», 2010, стр. 451.

³³¹ Беседа с С.Э. Шнолем 24.09.14

имеющий допуск к секретным документам, имеет гербовую печать, удостоверяющую подлинность таких документов!

Рассказанное С. Э. Шнолем кажется мне проявлением каких-то особых симметрий альтерверсов – зеркальное отражение «дыр» в системах контрразведывательного обеспечения Американского и Советского атомных проектов.

Но Лаврентию Берии при этом повезло дважды – через подобные «дыры» агент Дельмар проник в Ок-Ридж и Дейтон и принёс важнейшую информацию, а Лесли Гровс дважды проиграл – он не смог обеспечить сохранность своих секретов и не смог получить атомных секретов Москвы и Азамаса-16.

И причина этого тоже проявление «зеркальной антисимметрии» – у Берии был агент Дельмар, а у Гровса разведчика такого класса не было.

... Не следует думать, что архитектура «Дела врачей» была примитивно антисемитской. В рассматриваемой нити альтерверса вместе с «еврейским вопросом» решался и не менее важный вопрос о «покорности интеллигенции» безотносительно к национальности. Вместе с евреями были арестованы и русские врачи – профессора П. И. Егоров, В. Н. Виноградов, а также украинец профессор В. Х. Василенко.

*«15 ноября 1952 г. Игнатъев доложил Сталину, что к Егорову, Виноградову и Василенко применены меры физического воздействия, для чего подобраны... два работника, могущие выполнять специальные задания (применять физические наказания) в отношении особо важных и опасных преступников. Чтобы в дальнейшем не тратить время на транспортировку узников в Лефортово, в декабре 1952 г. начальник Внутренней тюрьмы А. Н. Миронов оборудовал пыточную в своём кабинете».*³³²

Но, конечно, волокно альтерверса «дела врачей» 1952–1953 годов включает и множество других нитей.

Сталинский цугсванг «соратникам»

Очень интересной, на мой взгляд, является нить («реконструкция событий»), которую ярко озвучивает воронежский историк Н. С. Сапелкин.³³³

Интересна она, прежде всего, тем, что автор неосознанно, «на интуитивном уровне», воспринимает исторический процесс эвереттически, не настаивая догматически на «единственной истинности» любой «исторической реконструкции»:

*«Отдельные исследователи говорят, что Сталина убили. И вот эти книги, как убивали Сталина... которых только по этой теме набирается почти три десятка, часто перебирают одни и те же известные факты, пытаясь выстроить реконструкцию этих событий. По большому счёту наш рассказ о последних днях жизни Сталина это тоже реконструкция, которую можно подвергнуть критике – может быть, где-то мы слишком выпячиваем незначительный факт, может быть – упускаем крупный факт...»*³³⁴

Её суть состоит в следующем:

³³² Костырченко Г.В., «Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР», М., РОССПЭН, 2009. стр. 254., цит. по https://ru.wikipedia.org/wiki/Дело_врачей.

³³³ Информацию и ссылку на эту работу предоставил мне А.Г. Макаров (e-mail от 28.05.19:16.02).

³³⁴ Николай Сапелкин, «Кто и зачем убил Сталина», цикл программ «Понимая Сталина», сайт YouTube, Опубликовано 27.09.18, <https://www.youtube.com/watch?v=АН5jOAmXD-g> (2 мин. 18 сек – 3 мин. 18 сек), (вх. 29.05.19).

«10 ноября <1952 года – Ю. Л.> был определён новый формат власти³³⁵... Маленкову, Булганину и Хрущёву было предложено сосредоточиться на работе в партийных органах. Маленков и Булганин потеряли свои должности в советском правительстве... Также было принято решение, что Берия, Первухин и Сабуров сосредотачиваются на работе в Совете Министров СССР... «Коллективный Сталин» <Маленков, Булганин, Берия, Хрущёв – Ю.Л.> распорядился в октябре 1952 года, а с 10 ноября потерял реальные рычаги власти... После этого события, после 10 ноября 1952 года, когда контуры власти были определены и должности распорядились, люди Маленкова, видимо, с подачи самого Маленкова, при поддержке Булганина и при поддержке Хрущёва, затеяли большую, грязную, авантюрную игру. И в основе этой игры – «дело врачей», когда в ноябре 1952 года был арестован лечащий врач <Сталина> Виноградов. И Сталин-то особо вмешаться не мог, потому что его <Виноградова> обвинили в умерщвлении Жданова... А вслед за Виноградовым был ещё арестован некоторое время спустя доктор Преображенский – те люди, которые дважды в год наблюдали Сталина. Начальник лечебно-санитарного управления Кремля был скомпрометирован и заменен, был заменён министр здравоохранения, более того, даже домашний лечащий врач Сталина Александр Кулинич был заменён новым врачом Ивановым-Незнамовым. В окружении Сталина не стало ни одного человека, кто знал о его болезнях и мог оказать ему помощь. Я думаю, что Сталин не относился к числу тех людей, которые просто спокойно наблюдают, как против него интригуют... Как мне представляется, он имел намерения «дело врачей», которое он дополнительно чуть-чуть раскрутил, дал ему импульс, потом направить против зачинщиков этого дела – министра госбезопасности Игнатьева, его покровителя Маленкова, и включившегося в это дело со всей своей захватской активностью Хрущёва... Исследователи, которые работали с документами архива по «делу врачей», и Костырченко, и тот же самый Жуков, говорят, что уже 27 февраля, видимо, по инициативе Сталина, активность по этому делу стала сворачиваться, и из газеты «Правда», и вообще из центральных газет, на понедельник 2 марта были исключены все материалы об этом деле. Я думаю, что и Маленков, как опытный политикан, прожжённый человек, много лет интриговавший во власти, понимал, что это их конец. Их обвинят в том, что они раскрутили это дело, запугали наш народ, а это дело и выведенного яйца не стоит. И нужно было действовать достаточно активно, тем более, что до 3 марта, до начала работы Пленума, когда появляется новый руководитель в стране, оставалось совсем мало времени».³³⁶

Прежде, чем обсуждать эту альтернативную нить по существу, нужно пояснить, что имел в виду Н. С. Сапелкин, говоря о «новом руководителе в стране». Он придерживается мнения, что в 1952 году Сталин решил официально «уйти от дел», которые фактически он

³³⁵ Дата заседания Бюро Президиума ЦК КПСС, на котором, в частности, были распределены обязанности Маленкова, Булганина, Хрущёва и Берии. Цит. по Сергей Кремлёв, «Зачем убили Сталина? Преступление века», цит. по <http://os.x-pdf.ru/20istoriya/538737-13-sergey-kremlev-zachem-ubili-stalina-prestuplenie-veka-sergey-kremlev.php> (вх. 29.05.19).

³³⁶ Николай Сапелкин, «Кто и зачем убил Сталина», сайт YouTube, Опубликовано 27.09.18, (45 мин.32 сек – 58 мин.19 сек.), <https://www.youtube.com/watch?v=AH5jOAmXD-g> (вх. 29.05.19).

оставил в 1951 году. (С августа 1951 по февраль 1952 года Сталин ни разу не приезжал на работу в Кремль³³⁷).

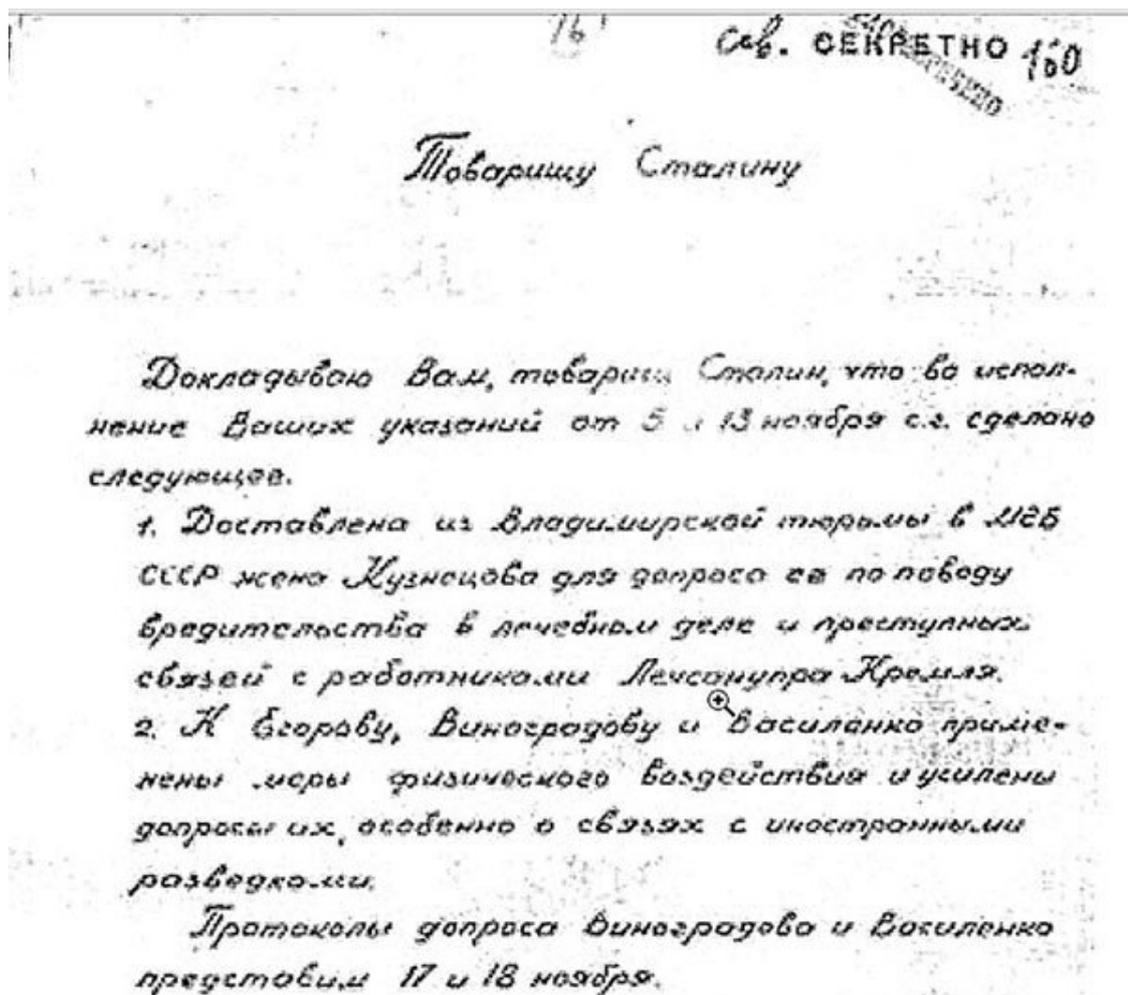
«Несколько человек в разное время, с разными подробностями утверждали, что Сталин определился со своим преемником... Этот преемник Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. Впервые об этом написал бывший министр сельского хозяйства Бенедиктов, потом рассказал Анатолий Лукьянов, потом поведал миру Полторанин. Разные люди, разного воспитания, разных, что называется, взглядов, но имевших доступ – один был непосредственным участником событий, а остальные имели доступ к секретным документам и выдумывать такую конкретику они бы не стали, называя <оговорка, нужно «утверждая» – Ю. Л.> что его кандидатура была не только внесена Сталиным, но и согласована большинством членов Президиума Центрального Комитета партии. Остался последний момент – легализовать это всё, провести эту кандидатуру на пленуме, потом утвердить на сессии Верховного Совета СССР, представить правительству и всё – Сталин свободен, он уходит на пенсию, теперь уже настоящую, заслуженную пенсию государственного мужа и одного из идеологов социализма, продолжателя дела Ленина, Маркса и Энгельса»³³⁸

Таким образом, в этой ветви альтерверса главными мотивами «дела врачей» были, прежде всего, мотив заговора «Коллективного Сталина» против Сталина и мотивы борьбы за власть внутри «Коллективного Сталина», а вовсе не «еврейский вопрос».

И начиналось это дело самим Сталиным до 10 ноября, когда «Коллективный Сталин» получил «чёрную метку». Вот документальное подтверждение (уже упоминавшийся рапорт Игнатьева Сталину) того, что именно Сталин был инициатором и непосредственным куратором этого дела ещё за два месяца до антисемитского выступления «Правды», и начала раздувания антисемитской истерии:

³³⁷ Александр Захаров, «Иосиф Сталин: годы одиночества», газ. «Красная Звезда», 01.03.03, цит. по http://old.redstar.ru/2003/03/01_03/6_01.html (вх. 29.05.19).

³³⁸ Николай Сапелкин, «Кто и зачем убил Сталина», сайт YouTube, Опубликовано 27.09.18, (53 мин. 09 сек. – 54 мин. 44 сек.), <https://www.youtube.com/watch?v=АН5jOAmXD-g> (вх. 29.05.19).

09.14. Докладная записка министра МГБ Игнатъева Сталину от 15.11.52 г.³³⁹

Как видим, основными фигурантами дела о «вредительстве в лечебном деле», к которым по указанию самого Сталина в ноябре 1952 года «применены меры физического воздействия» были русские Егоров и Виноградов и украинец Василенко.

По информации Википедии,

*«он был одним из немногих, кто не признал инкриминируемых ему обвинений».*³⁴⁰

Чем объясняется его стойкость? Часто говорят, что Виноградов, арестованный 4 ноября (указание о применении к нему пыток Сталин дал, судя по рапорту Игнатъева, сразу, 5 ноября) подвергнутый такому же «физическому воздействию», не выдержал его и «во всём признался» на личном допросе у Сталина.³⁴¹

Неожиданно для себя я обнаружил свидетельство одного из учеников Василенко, который утверждал, что помнит рассказы Владимира Харитоновича о его аресте:

³³⁹ Источник: «Дело врачей», Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/Дело_врачей#Предыстория (вх. 29.05.19). Яркая деталь – текст написан каллиграфическим почерком. Значит, в штате МГБ был специальный каллиграф, допущенный к написанию совершенно секретных документов на «высочайшее имя». Почему-то кажется, что это была «расстрельная должность» – слишком многое знал этот безвестный писарь...

³⁴⁰ «Василенко, Владимир Харитонович», Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/Василенко,_Владимир_Харитонович (вх. 29.05.19).

³⁴¹ См., например, Степан Лиходеев «Дело врачей и Лидия Тимашук», 28.05.04:13.43, <https://lihodeev.livejournal.com/52377.html> (вх. 29.05.19).

*«Упекли его по “делу врачей”, и когда забирали, решил для себя, что во всех обвинениях, какие бы не предъявлялись, будет признаваться. Признаваться потому, что страшно боялся пыток, и по опыту знал, через пытки, если добровольно не признается, все равно выбьют. Взяли, а следствие не идет. Сидит в камере, никакого движения. Потом без судилища, не объяснив, выпустили. Ларчик просто раскрылся. Взяли незадолго до смерти Генералиссимуса, и со смертью оного отпустили».*³⁴²

Этот эпизод – типичная эвереттическая суперпозиция вопроса о действительности «исторического факта»: били Василенко или не били в МГБ?

Но «еврейская составляющая», ставшая символом этого дела в общественном сознании, присутствует во всех рассмотренных ветвлениях.

В нити Н. Сапелкина она «замаскирована» абстрактной характеристикой участия Сталина в этом деле, «которое он дополнительно чуть-чуть раскрутил, дал ему импульс».

И если продолжить эту нить в ветвь, где Сталин не умер 5 марта, то она приведёт к событию, в котором ушедший «на покой» Сталин перекладывает ответственность за суд и приговор по «делу врачей» и депортацию евреев на нового руководителя – Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко.

На Пленуме ЦК КПСС и сессии Верховного Совета СССР 3 марта была бы дана характеристика Пономаренко как члена Президиума ЦК КПСС, опытного хозяйственника и партийного деятеля (до недавнего прошлого совмещавшего посты секретаря ЦК ВКП(б) и Председателя Совета министров Белоруссии), внесшего весомый вклад в Победу в Великой Отечественной войне, находясь на постах члена военных советов фронтов и армий, руководителя партизанского движения.³⁴³

Всё это Сталин сказал бы публично, а «для себя» оставил воспоминание о том, что

*«Первое свое выступление, которое состоялось 8 июля 1938 г. в Гомеле, Пономаренко посвятил задаче «выкорчевки врагов». Известна и его шифровка Сталину с просьбой увеличить для БССР количество репрессированных по первой категории (расстрел) на две тысячи человек, а по второй (тюрьма или лагерь) – на три тысячи».*³⁴⁴

Такой не подведёт и в операции «выкорчёвки сионизма».

А то, что товарищ Пономаренко большой любви к евреям не питает, и его и раньше на практике «заносило в крайности» именно по «еврейскому вопросу», видно по его деятельности в руководстве партизанским движением.

*«Из Центрального Штаба пограничного движения <оговорка – нужно «Центрального Штаба партизанского движения» – Ю. Л.> от товарища Пономаренко³⁴⁵ или и или директивы, в которых слова «еврей», «еврей» встречались – давались инструкции и указания, что немецкие спецслужбы вербуют евреев и забрасывают их в качестве шпионов и диверсантов в партизанские отряды. Поэтому надо проявить особую бдительность».*³⁴⁶

³⁴² Н.И. Яблучанский, «Как профессор В.Х. Василенко избежал судилища по “делу врачей”», 30.05.12, сайт «WEB Health and Disease», <http://webhnd.com/hnd/kak-professor-v-x-vasilenko-izbezhai-sudilishha-po-delu-vrachej> (вх. 29.05.19).

³⁴³ «Пономаренко, Пантелеймон Кондратьевич», Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/Пономаренко,_Пантелеймон_Кондратьевич (вх. 29.05.19).

³⁴⁴ Ibid.

³⁴⁵ Начальник Центрального Штаба партизанского движения 1942–1943, 1943–1944 гг. («Пономаренко, Пантелеймон Романович», Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/Пономаренко,_Пантелеймон_Кондратьевич (вх. 17.05.20).

³⁴⁶ «Историк Солонин. Сталин и Гитлер, Путин и поганый рот, победа Колымы над Освенцимом», Интервью Дмитрия

И бдительность проявляли особую...³⁴⁷

Ну, а сам Сталин – «весь в белом» – отправляется писать новые труды по творческому развитию марксизма-ленинизма. А через некоторое (короткое...) время, при зорком взгляде «со стороны», мудрый Сталин «вспомнит» партизанские перегибы Пономаренко и «увидит», что и при выкорчёвке сионизма у Пономаренко проявились аналогичные симптомы «головокружения от успехов». И он «поправит» нового Руководителя, в утешение оставшихся в живых евреев.

«Дело врачей» окажется результатом «подлого двурушничества» Маленкова и Хрущёва с целью дискредитации Берии: его личный врач Эйтингон, бывший по версии двурушников идейным руководителем «врачей-убийц», был, по выясненным позже Сталиным подробностям, замучен незаконными методами ведения следствия врагом народа Рюмина.

Правда, и сам Берия окажется «мусаватистским шпионом» и главой заговора в «менгрельском деле».

В результате все враги будут изобличены и наказаны (вплоть до высшей меры), оставшиеся в живых после депортации евреи снова вольются в «дружную семью советских народов», а мудрый Сталин на «историческом XX съезде КПСС» в феврале 1956 года получит пожизненный титул «Отец Народа» и право личного награждения отличившихся на ниве служения Отечеству специально учреждёнными золотыми союзно-республиканскими орденами «Отец», «Батько», «Бацька», «Елбасы» и т. д., по списку Союзных республик, плюс платиновым знач-⁸⁴³ком פאטער פון די מענטשן.

09.15. Берия, Маленков, Пономаренко, Сталин, Каганович.³⁴⁹

Гордона с российским писателем, блогером и публицистом Марком Солониным в программе «ГОРДОН». 2020 год, 08.05.20, сайт You Tube, <https://www.youtube.com/watch?v=j394QVYbt0I>, 29 мин. 17 сек. – 29 мин. 43 сек. (вх. 17.05.20).

³⁴⁷ Примеры см. в том же интервью.

³⁴⁸ אב אבות (ивр.) – Отец народа.

³⁴⁹ Источник фото: «Сталин и Берия», сайт «rock-café.info», <https://rock-cafe.info/suggest/stalin-and-beria-7374616c696e.html> (вх.18.01.20).

Нумизматический дивертисмент

Материальным свидетельством наличия ветвления 1952 года, при котором, по утверждению Н. С. Сапелкина, Сталин решил официально «уйти от дел», планируя вернуться к ним в новом качестве после радикальной чистки высшего государственно-партийного руководства, начатой на XIX съезде ВКП(б) – КПСС, является один таинственный нумизматический феномен.

В истории чекана советских монет 1953 год знаменит тем, что «вдруг» обнаруживается большой корпус пробных монет абсолютно нового дизайна с расширенным спектром номиналов. В самом авторитетном справочнике по пробным монетам опубликовано 146 образцов этой пробной серии!³⁵⁰

Быстро подготовить такое количество вариантов чекана нельзя. Для этого требуются многие месяцы работы монетного двора – художников, гравёров, технологов. Я советовался с наиболее авторитетными нумизматами, специально занимавшимися чеканом пробных монет 1953 года советского периода – А. И. Федориным, С. П. Акаевым и Е. В. Юровым. Они, в свою очередь, в своё время активно общались с патриархом отечественной нумизматики советского периода Д. И. Андреевым, владевшим большим количеством этих пробных монет. Но никаких разумных объяснений столь масштабной подготовки к денежной реформе именно в это время, спустя всего 5 лет после успешной реформы 1947 года, решившей накопившиеся за время войны проблемы денежного оборота, не нашлось.

Роскошный дизайн, неожиданно крупный для 1953 года номинал, всё это говорит о том, что готовился очередной «подарок трудовому народу». Подарок в честь успешной чистки партии (теперь в обновлённом облике КПСС) и государства от сионистской паутины и «выкорчёвки» чуждых и враждебных нам корешков и побегов «космополитического элемента» из социальной почвы коммунистического строительства.

Вот как выглядел один из этих образцов:

09.16. Реверс полтинника 1953 года³⁵¹

³⁵⁰ Ушаков Д.Л., Федорин А.И., «Монеты страны Советов. Пробные монеты. 1921–1991. Каталог», изд-во «Духовная Нива», М., 2009 г., стр. 35 – 77

³⁵¹ «50 копеек 1953 года», 123 аукцион фирмы «Монеты и медали», лот 331, <https://www.numismat.ru/au.shtml?au=-1&descr=50+%D0%BA%D0%BE%D0%BF%D0%B5%D0%B5%D0%BA+1953&per=270&material=0&nominal=145&lotype=0&ordername=5&orderdirection=ASC&num=12> (вх. 12.02.20).

09.17. Аверс полтинника 1953 года³⁵²

Предыдущий всплеск пробных чеканок такого же масштаба был только в 1941 году – 32 образца.³⁵³ И это далеко не полный перечень. Вне его, в Головном хранилище Центрального Банка России обнаружили столь же амбициозные нумизматические раритеты. Такие, например, как серебряный полтинник:³⁵⁴

09.18. Серебряный полтинник 1941 года.³⁵⁵

Как видим, идея дизайна аверса монет 1953 года повторяет идею дизайна 1941 года. Монета 1941 года – это «эверетгическая ость» ветвления истории «по Суворову» – подарок «трудовому народу» в честь успеха марша нашей танковой лавины до Ла-Манша.

Дополнительным подтверждением этой догадки является и тот факт, что до 2016 года ни советский Госбанк, ни Банк РФ ничего не сообщали об этой монете и её изображение даже

³⁵² Ibid.

³⁵³ Ушаков Д.Л., Федорин А.И., «Монеты страны Советов. Пробные монеты. 1921–1991. Каталог», изд-во «Духовная Нива», М., 2009 г., стр. 26–29.

³⁵⁴ «ЦБ показал пробные 50 копеек 1941 года», справочно-информационный портал и клуб коллекционеров «SovVint.ru: Монеты СССР и Банка России», <https://sovmint.ru/cb-pokazal-probnye-50-kopeek-1941-goda> (вх. 12.02.20).

³⁵⁵ «Редчайшие советские монеты на 44 очном аукционе АД Александр (21.09.2019)», Справочно-информационный портал и клуб коллекционеров «SovVint.ru: Монеты СССР и Банка России», <https://sovmint.ru/redchajshie-sovetskie-monety-na-44-ochnom-aukcione-ad-aleksandr-21-09-2019> (вх. 12.02.20). Материал – билон (серебро 500 пробы).

в специальной нумизматической литературе не публиковалось. Такая секретность свидетельствует о связи проекта чеканки монеты с некоей государственной тайной.

И ещё одно важное замечание. Это была действительно пробная монета для оценки общего впечатления от дизайна. Главным секретом этой монеты был предполагаемый год её тиражного чекана. Ведь в таком виде она не могла пойти в тираж, поскольку на гербе было изображено только 11 лент-перевязей, а после успеха танкового броска число перевязей должно было возрасти существенно. Сколько именно новых республик должно было появиться, конечно, заранее было неизвестно. Эскиз этого штемпеля создавался не позднее начала 1940 года. Скорее всего – в 1939, перед началом финской кампании. Реально в 1940 году лент-перевязей стало уже 16. Добавились Карело-Финская, Молдавская, Латвийская, Латвийская и Эстонская республики.

Стало ясно, что по итогам «марша танковой лавины» герб страны изменится и лент-перевязей будет ещё больше. И даже, если лент станет так много, что уместить их на поле аверса станет технически невозможно, может быть, общий вид герба существенно изменится.

И в работе 1940 года герб вообще перестали изображать на пробных образцах. Оставили только название страны и главные символы – большую звезду (Красная Армия, творец нового герба), и Серп и Молот (армия-то, «рабоче-крестьянская»):

09.19. Пробный полтинник 1941 года (рабочий вариант 1940 года?).³⁵⁶

Ну, и серебро на «промежуточные варианты», вряд ли демонстрируемые «верхам», тратить не обязательно, можно обойтись мельхиором. А рабочий штемпель монеты в 1941 году мог быть изготовлен только по итогам военной и последующей за ней политической кампании этого года.

Но что любопытно – тогда, когда в 1939 году начиналась разработка эскиза этой монеты, о конкретных оценках срока окончания этой кампании художники, гравёры и чеканщики на монетном дворе узнали раньше, чем члены ЦК ВКП(б) и большинство наркомов.

Узнали, но, конечно, не осознали сверхоптимизм товарища Сталина и руководства страны:

«Запуск в производство новой монеты, судя по свидетельствам, запланированный на лето 1941 года, не состоялся...»,³⁵⁷

³⁵⁶ «Пробные монеты 1941 года», сайт «Монеты России», <https://moneta-russia.ru/soyuz/probnye/probnye-monety-1941-goda.php> (вх. 21.05.20). В таком оформлении (без конкретного герба) рассматривалось несколько вариантов реверса и были отчеканены монеты и с дубовыми ветвями, и с колосьями и с их сочетаниями...

³⁵⁷ «50 копеек 1941 года. Пробные», сайт «Аукционный Дом Александр», https://adacoins.ru/live_auction/48/22397 (вх.

Конкретика сверхоптимзма (и большая государственная тайна!) запечатлена на серебре реверса полтинника: 1941 год. И это является одним из доказательств того, что уже сразу после подписания пакта Молотова-Риббентропа именно на этот год был намечен решающий «освободительный поход».

Обе ости эвереттических ветвлений – и «марш до Ла-Манша», и «победа над сионизмом» – оказались настолько тонкими, что сегодняшняя оценка вероятности их реализации в точках ветвлений 1941 и 1953 годов колеблется «околоноля» ☺.³⁵⁸

«У нас» их оборвали нападение Германии на СССР и смерть Сталина. Но, как видим, следы ветвлений, в которых эти ости образовались, сохранились и «у нас» в виде описанных нумизматических раритетов...

От «после Сталина» до Путина

Вернёмся в нашу историческую ветвь. В ней оставшиеся в живых после прекращения «дела врачей» были реабилитированы.

Любопытно отметить, что после реабилитации В. Н. Виноградов продолжил врачебную деятельность и среди многих пациентов лечил жену Главного конструктора советской атомной бомбы акад. Ю. Б. Харитона. Вот что пишет об этом сам Юлий Борисович:

«...более 10 лет, до 1956 г., её мучила тяжелейшая язва двенадцатиперстной кишки, которую очень долго не диагностировали. Наконец...узнали, что есть такое медицинское светило – Владимир Никитович Виноградов (один из попавших в процесс «врачей-убийц» 1953 г. и затем реабилитированных). Муся записалась на прием, пришла, стала вынимать из сумочки анализы, историю болезни. Виноградов сказал: «Не надо этого. Дайте я на вас посмотрю и скажите, что вы чувствуете». Рассказала. Он поглядел внимательно на лицо. «У вас, милочка, язва двенадцатиперстной кишки». «Профессор, как же это мне столько лет говорили, что это всё нервы». «Лечится, милочка, надо у хороших врачей». С тех пор мы старались следовать этому правилу».³⁵⁹

Думаю, что при написании своего письма в ГРУ Жорж Абрамович не знал всех этих «деталей» следствия. Но общая картина была ему ясна.

Самым важным, по моему мнению, в истории этого письма является то, почему при первой публикации этого документа В. Лотой в книге, которую Жорж Абрамович редактировал, он согласился с автором в лукавой оценке причин написания своего письма?

Выскажу такую морально-психологическую гипотезу.

Прежде всего, Жорж Абрамович не хотел в 2002 году воскрешать в сознании читателя воспоминания о зловещей антисемитской атмосфере в нашей стране в начале 1950-х годов и, тем самым, подливать масла в догорающий огонь общества «Память».

В момент написания и редактирования Жоржем Абрамовичем книги В. Лоты «ГРУ и атомная бомба» (2002 год) национально-патриотический фонд (НПФ) «Память» под руководством Дмитрия Васильева ещё был зарегистрирован Министерством юстиции как межрегиональная организация. Организационный распад фонда начался только через год, после смерти Д. Васильева в 2003 году.

12.02.20).

³⁵⁸ «Околоноля» – название романа В.Ю. Суркова, опубликованного в 2009 году под псевдонимом Натан Дубовицкий в специальном приложении к журналу «Русский пионер», в котором описаны столь же маловероятные события («Околоноля», Википедия, <https://ru.wikipedia.org/wiki/Околоноля> (вх.12.02.20)).

³⁵⁹ Ю.Б. Харитон, «Из биографических записей Ю.Б. Харитона» в сб. «Человек столетия Юлий Борисович Харитон», изд. 2-ое, перераб. и доп., М., ИздАТ, 2002, стр.34

Сам Жорж Абрамович, конечно же, отслеживал уровень современного антисемитизма. И в последние годы своей долгой жизни отдавал должное политике толерантности президента Путина.

Так случилось, что 23 декабря 2004 г. президент Путин на ежегодной пресс-конференции коснулся этой темы, правда, досадно оговорившись в ответе на вопрос о российско-украинских отношениях:

*«...мы рассчитываем, что в окружении господина Ющенко не будет людей, которые выстраивают свои политические амбиции на антироссийских, на сионистских (оговорка – антисемитских) лозунгах и так далее. На мой взгляд, это абсолютно недопустимо».*³⁶⁰

Оговорка была замечена и вызвала различные толкования.

А 25 декабря 2004 г. на квартире Жоржа Абрамовича во время празднования его 91 годовщины у нас с ним состоялось обсуждение этой темы. Я предполагал, что это была «оговорка по Фрейду», т. е. что Путин страдает «бессознательным антисемитизмом».

Жорж Абрамович, в отличие от меня, слышал эту реплику в прямом эфире, и сначала удивлённо спрашивал меня:

*«Я никак не понял, при чём здесь сионистские...».*³⁶¹

Когда я пояснил, что официально объявлено – это оговорка Путина, он сразу с этим согласился и пояснил:

*«Единственно, что в Путине мне нравится, что он понимает, и так это старается, чтобы все конфессии и так далее... Я никаких признаков антисемитизма у него никогда не обнаруживал».*³⁶²

Тогда я не согласился с ним, но теперь вижу – его интуиция в этом вопросе была глубже моей. Сегодня я готов согласиться *почти с каждым* словом Жоржа о том, что ни личного антисемитизма у Путина, ни государственной поддержки антисемитизма в России не обнаруживается.

Со времени этого разговора прошло 15 лет. Ход событий за это время выявил политическую подоплёку «анти-антисемитизма» Путина,³⁶³ осознание которой объясняет это моё интуитивное только «почти» согласие с жоржевской оценкой путинской толерантности. Но и сегодня я готов признать проницательность и правоту Жоржа в том, что политический интерес Путина в данном случае опирается на его искреннее неприятие и осуждение антисемитизма.

Вот высказывание В. В. Путина по поводу вмешательства России в американские выборы и о позиции демократической партии США, обвиняющей Россию в проигрыше выборов Д. Трампу. Путин считает, что сами демократы совершили ошибки в ходе выборов, а признать это не хотят. Дав такую «дипломатическую» оценку ситуации, Путин эмоционально продолжил:

«Это вообще мне антисемитизм напоминает: «Во всём евреи виноваты!», понимаете... Сам придурок, ничего сделать не может, так

³⁶⁰ Путин В.В., «Пресс-конференция для российских и иностранных журналистов», стенографический отчёт на сайте Президента России <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22757>.

³⁶¹ Ж.А. Коваль, разговор с автором, аудиофайл от 25.12.04, архив автора.

³⁶² Ibid.

³⁶³ Римма Поляк, «Личный еврей президента: как Моше Кантор отмывает репутацию Владимира Путина», журнал «Власть», 10.02.20, сайт Republic, https://republic.ru/posts/95870?utm_source=republic.ru&utm_medium=email&utm_campaign=morning (вх. 11.02.20).

*евреи виноваты! Но мы знаем, к чему приводят такие настроения. Ничем хорошим они не заканчиваются».*³⁶⁴

Важны здесь не столько слова, сколько их эмоциональная окраска.

Не менее эмоционально он оценил польского посла в Германии Юзефа Липски. В 1938 году Липски узнал от Гитлера о его намерении выселить евреев в Северную Африку. В отчёте об этом министру иностранных дел Польши Беку Липски написал о том, как он отнёсся к этому намерению в своём ответе фюреру:

*«Если он это сделает, мы поставим ему великолепный памятник в Варшаве».*³⁶⁵

Прочитывая этот ответ на расширенном заседании Коллегии Министерства обороны России 24.12.19, Путин оценил Липски так:

*«Сволочь, свинья антисемитская, по-другому сказать нельзя».*³⁶⁶

Конечно, эта хлёткая реплика не является взвешенной оценкой деятельности Липски, и, приводя её здесь, я хотел показать не «моральное лицо» польского дипломата,³⁶⁷ а эмоциональную окрашенность отношения Путина к антисемитизму.

Думаю, что такая позиция национального лидера России положительно влияет и на умонастроение его многочисленного электората. Так, по данным израильского министра иностранных дел, министра разведки и члена военно-политического кабинета Израэля Исраэля Каца за 2019 год,

«77 % россиян положительно относятся к Израилю.

*Министр Исраэль Кац отметил, что этот показатель является рекордно высоким за последние годы. Соответственно, процент россиян, отрицательно относящихся к Израилю, значительно снизился. Этот показатель составил 8 %».*³⁶⁸

И вот ещё один зримый штрих, свидетельствующий о личном отношении В. В. Путина к «еврейскому вопросу». В московском «Еврейском музее» есть стенд, на котором представлены имена тех жертвователей, которые внесли весомый вклад в создание этого музея.

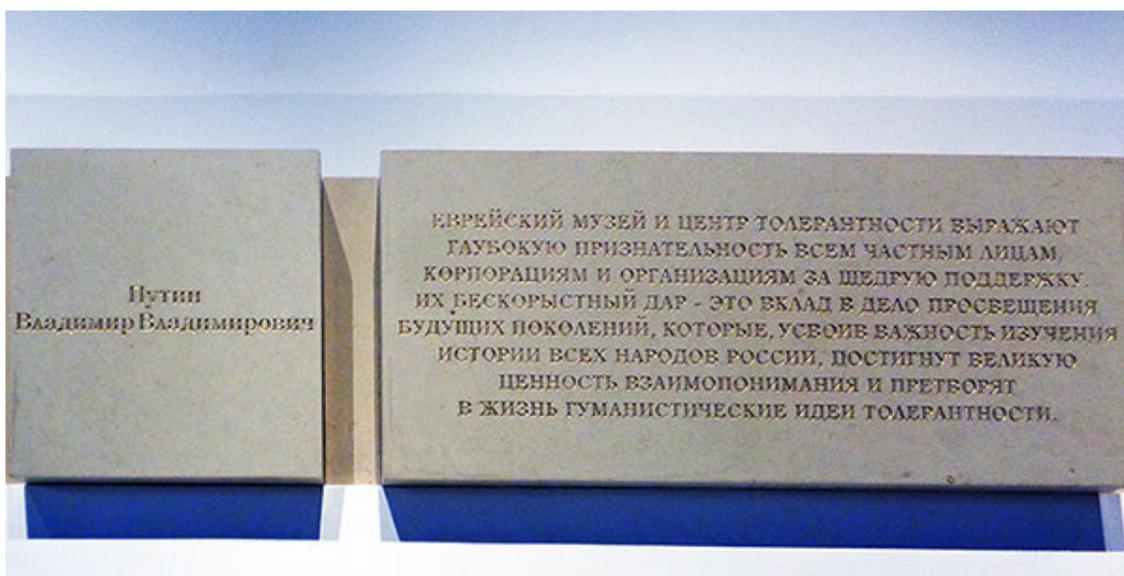
³⁶⁴ «Таблетки от истерии и отпечатки рогов: Путин поразил участников ПМЭФ откровенностью», запись с материалом телепрограммы «Вести» телеканала «Россия-1» о Петербургском международном экономическом форуме 2017 года, сайт YouTube, 02.06.17, <https://www.youtube.com/watch?v=yGkVDeecVmU> 4 мин.58 сек – 5 мин.11 сек. записи, (вх. 09.08.19).

³⁶⁵ Цитата из архивного документа, озвученного В.В. Путиным в ходе своего выступления.

³⁶⁶ «Путин назвал поддержавшего Гитлера в 1938 году посла Польши сволочью», сайт «РИА Новости», <https://ria.ru/20191224/1562780957.html> (вх. 24.12.19).

³⁶⁷ В его защиту на страницах газеты «Rzeczpospolita» от 31.12.19 выступили представители польских евреев – Председатель Союза еврейских религиозных общин Польши Клара Колодзейска-Полтын (Klara Kolodziejska-Poltyn) и главный раввин Польши Михаэль Шудрих (Michael Schudrich). В частности, они сообщили, что «в 1938 году, когда Третий Рейх изгнал тысячи польских евреев, польские дипломаты, в том числе лично Липски, оказывали им поддержку выдавая документы и визы». (Цит. по статье Григория Амнуэля «Сеющим ветер: рано или поздно история воздаст всем по их заслугам», сайт «Политэксперт», <https://www.politexpert.org/material.php?id=5E13AC0211FB1> (вх. 12.01.20)).

³⁶⁸ «Израэль Кац: Россияне стали лучше относиться к Израилю», сайт «Mignews.com», 08.08.19:18.36, http://mignews.com/news/expert/080819_111743_63672.html (вх. 09.08.19).

09.20. Стенд в московском «Еврейском музее».³⁶⁹

Здесь В. В. Путин представлен как *частное лицо* в ряду тех, кто оказал «щедрую поддержку» музею. Согласиться встать в этот ряд для политика такого уровня, как В. В. Путин – это смелый поступок.

Хотя, с эверетгической точки зрения, бывает и не такое! В «нашем настоящем», как авторитетно информировала нас в своё время А. Б. Пугачёва, «Всё могут короли!»,³⁷⁰ за исключением того, чтобы жениться по любви. А в ветвлениях альтерверса этого запрета нет. Пример тому – датский король (и, по совместительству, шведский, британский и германский адмирал!) Кристиан X.

В одном из своих выступлений перед демонстрацией фильма «Андерсен. Жизнь без любви» в Чебоксарах, Эльдар Рязанов так охарактеризовал эпизод, в котором Кристиан X (актёр С. Мигицко) в оккупированном нацистами Копенгагене выезжает на коне в мундире с желтой «звездой Давида» на груди, пришитой заботливыми руками любимой жены, правнучки императора Николая I, датской королевы Александрины Августы Мекленбург-Шверинской:

³⁶⁹ Источник фото: Архив автора. Фото Ю.А. Лебедева.

³⁷⁰ «Всё могут короли!», песня Бориса Рычкова на стихи Леонида Дербенёва из репертуара Аллы Пугачевой. Появилась в репертуаре певицы в 1976 году.

09.21. Король Кристиан X и немецкий патруль в Копенгагене, 1940.³⁷¹

*«Очень важна история с немецким вторжением. Подлинно, что Христиан X помогал евреям во время войны. В Дании не умер ни один еврей, когда во время войны их погибло 6 миллионов. В Дании есть мемориальный камень, где высечены слова: «Тот, кто спасает одного человека, спасает все человечество». Конечно же, в фильме есть выдумки, которых мы не стыдимся. Это могло существовать, может, и было на самом деле».*³⁷²

После этого эпизода в фильме его герой – Г.-Х. Андерсен – произносит: «Жалко, что не я написал эту сказку...».

Эльдар Александрович, конечно же, не был знаком с эвереттическим мировоззрением. В противном случае он в заключительной фразе сказал бы: «Поскольку это могло существовать, значит, оно и было на самом деле в каком-то ветвлении альтерверса». И Рязанов не «выдумал», а нашёл это человеческое ветвление среди множества антисемитских ветвлений истории Второй Мировой войны...

Что же касается невысказанного смысла нашего с Жоржем разговора в декабре 2004 года, то, главное, я думаю, состоит в том, что ему в 2004 году очень не хотелось признаться не только читателю книги В. Лоты, но, прежде всего, самому себе, что в конце зимы 1953 года ему, разведчику-нелегалу, а, значит, профессиональному аналитику динамики социальной среды,

³⁷¹ Источник фото: скриншот (1 ч. 8 мин. 56 сек.) из фильма Э. Рязанова «Андерсен. Жизнь без любви», киностудия «Луч», кинокомпания «Гулливёр», 2006 г., сайт You Tube, <https://yandex.ru/video/preview/?filmId=12981230538669223271&text=«Андерсен.+Жизнь+без+любви»&noreask=1&path=wizard&parent-reqid=1582328756927021-1841850281531800261700067-sas3-5937&redircnt=1582328764.1> (вх. 22.02.20),

³⁷² Э. Рязанов, «Эльдар Рязанов: «Каждый мой фильм – моя исповедь»», сайт «Культурный провайдер Чувашии», 04.06.2009 г., http://www.culture21.ru/presscentr/2009/6/4/Eljdar_Ryazanov-_Kazhdij_moj_filjm_moya_ispovedj (вх. 12.01.19).

было очень страшно в стране, которую он сам выбрал двадцать лет назад в качестве образца социальной справедливости и подлинного интернационализма.

И, думаю, в те дни ему приходила в голову страшная мысль, которую в чеканной форме выразил в наши дни Марк Солонин:

*«Победа Сталина над Гитлером... это была победа Колымы над Освенцимом».*³⁷³

Мысль эта метафорически относится к судьбам всех народов Советского Союза и «стран народной демократии», но к судьбе советского еврейства она приложима почти буквально.

Среди многих причин, определивших его судьбу, одной из важнейших, несомненно, была та, о которой мне однажды (в самом начале моей работы по биографии Жоржа Абрамовича) прозорливо сказала наша общая с ним знакомая, Т. С. Греф, очень хорошо разбирающаяся в людях и тонко чувствующая некоторые человеческие особенности:

*«Когда будешь писать о Жорже Абрамовиче, помни – он был евреем. Он никогда не забывал этого, поскольку всю жизнь ему не давали об этом забыть».*³⁷⁴

А, ознакомившись с моей трактовкой связи «кампании борьбы с космополитизмом» с судьбой Жоржа, она так уточнила описание палитры чувств всякого еврея:

*«...никогда, понимаешь, никогда, ни в какой стране, ни в какой, даже победоносно мирной, обстановке, не проходящее чувство, не страха, а ожидания страха за себя и близких».*³⁷⁵

Я совершенно согласен с Тamarой Садыкжановной. В подтверждение этого приведу такие актуальные примеры.

Совсем недавно, в конце 2016 года, Григорий Артемони, телеведущий, в интервью с Владимиром Познером процитировал слова Игоря Щупока, канадско-украинского историка, который, говоря о сегодняшней ситуации на Украине,

сказал, что антисемитизма нет, но антисемиты есть.³⁷⁶ Познер, похоже, воспринял это как шутку, и рассмеялся, оставив её без комментария.³⁷⁷

Вполне серьёзная составляющая этого высказывания И. Щупока состоит в том, что он говорил о «государственном антисемитизме». Это, конечно, хорошо, что государство не сгоняет евреев в гетто и не заставляет нашивать на спину жёлтую «звезду Давида», но ведь жизнь,

³⁷³ «Историк Марк Солонин. “В гостях у Дмитрия Гордона” (2019)», 1 ч.52 мин. 24 сек. – 1 ч.52 мин. 40 сек., авторская программа Дмитрия Гордона, сайт You Tube, <https://www.youtube.com/watch?v=wrUq7QOOkZA> (вх. 13.05.20). От себя добавлю – это не хлёсткое сравнение «для красного словца». Лагеря смерти различались масштабами и техникой уничтожения (в Освенциме – евреев и «коммунистов», в Катыни – поляков и «врагов народа»), но не надчеловеческим циничным прагматизмом. И, хотя и Гулаг, и Освенцим давно канули в Лету, породивший их циничный прагматизм остался «латентным вирусом» в крови цивилизации и время от времени даёт ядовитые ростки, особенно на почве «квасного патриотизма» и политической ксенофобии. Пример тому – события в Твери, где «со здания Тверского государственного медицинского университета (ТГМУ) в соответствии с решениями прокурорских органов сняли мемориальные таблички в память о замученных и убитых здесь гражданах СССР и Польши». (Колесников Андрей, «Скелет в сейфе», сайт «Газета.ру», 12.05.20:08.14, <https://www.gazeta.ru/comments/column/kolesnikov/13077715.shtml> (вх. 15.05.20). В статье содержатся поразительные подробности этих событий).

³⁷⁴ Разговор 13.04.09.

³⁷⁵ Т.С. Греф, e-mail от 17.06.17.

³⁷⁶ На самом деле И. Щупак говорил не об Украине в целом, а об обстановке на «Майдане незалежности»: «Назовите мне страну или организацию, в которой бы не было антисемитов? Но очень интересное явление – антисемиты на майдане были, а антисемитизма не было!» (Г. Антимони, «Игорь Щупак в программе "Час интервью". Часть 1», Русское ТВ в Канаде, телеканал RTVI, опубликовано 15 дек. 2016 г., <https://www.youtube.com/watch?v=HQUd4nH6t3Y&index=49&list=PLLMlLj85Wxnm9bSCAsqQ8CVm24HpowgEa>).

³⁷⁷ В.В. Познер, интервью Григорию Артемони «Владимир Познер в программе «Час интервью»», телеканал RTVI, сайт «Познер Online», 44 мин.34 сек. – 44 мин. 45 сек., <https://pozneronline.ru/2016/12/17618/> (вх. 24.12.19).

когда у тебя в соседях буйные потомки петлюровских погромщиков, вряд ли можно считать соответствующей «цивилизованным стандартам».

Конечно, Украина – не Россия, конечно, у Познера есть враги посерьёзнее «простых антисемитов»,³⁷⁸ но эмоциональную тень точно подмеченного Тamarой Садыкжановной *ожидания страха за себя и близких* я почувствовал в интонациях познеровского смеха...

У Познера этот страх обусловлен тем, что он удивительно точно прочувствовал хрупкость еврейства как социальной страты:

*«Я высказал предположение, что в результате многовекового и тяжёлого давления выковался несколько особый народ. Я провел сравнение с углеродом или графитом: под гигантским и долгим гнетом это вещество из самого мягкого превращается в самый твердый, хотя и хрупкий – в алмаз. То есть для меня еврей – это особая порода людей, которая отличается невероятной твердостью и, вместе с тем, хрупка».*³⁷⁹

А вот совсем свежий пример. Германия, страна, получившая «благодаря Гитлеру», мощную «социальную прививку» против антисемитизма, 2019 год, обращение правительственного комиссара Германии по проблеме антисемитизма Феликса Кляйна к немецкой еврейской общине:

*«Власти Германии обратилось к еврейскому сообществу с требованием избегать ношения национального головного убора в публичных местах, об этом сообщает Neues Deutschland».*³⁸⁰

Причиной подобного шага стало желание снизить количество преступлений, совершаемых на почве национальной ненависти. Правительственный комиссар Германии по проблеме антисемитизма Феликс Кляйн рассказал о том, что в стране наблюдается подъем антисемитских настроений. Он поддержал инициативу, созданную руководством страны.

«Я бы не советовал евреям постоянно носить кипы в Германии, куда бы они ни пошли», – заявил он.

*По данным немецкой вещательной компании Deutsche Welle число нападений на евреев выросло на 10 % в период с 2017 по 2018 год».*³⁸¹

Социологи утверждают, что

*«Германия находится на третьем месте – после США и Великобритании – по числу антисемитских инцидентов».*³⁸²

Но не стоит относиться слишком серьёзно к «количественным» социологическим оценкам уровня антисемитизма. Как и всякие социологические оценки, они

³⁷⁸ Которые, кстати, даже не подозревают, что по «галахическому канону» рождения от женщины-еврейки Познер не является евреем. Его мать – французская католичка. Хотя его деда «Александра Познера расстреляли немцы за то, что фамилия его была Познер». (В. Познер, «Владимир Познер: «Я себя совершенно не чувствую евреем», сайт «Познер Online», 31.05.19, <https://pozneronline-ru.turbopages.org/s/pozneronline.ru/2019/05/25116> (вх. 20.04.20)).

³⁷⁹ В. Познер, «Владимир Познер: “Для меня еврей – это особая порода людей...”», сайт «Познер Online», 20.01.16, <https://pozneronline-ru.turbopages.org/s/pozneronline.ru/2016/01/13963> (вх. 20.04.20).

³⁸⁰ В первоисточнике: «Ich wollte mit meinem Statement aufrütteln und der Öffentlichkeit klar machen, dass wir handeln müssen, bevor es zu spät ist», sagte Klein der «Bild»-Zeitung («Я хотел растормошить общественность и дать ей понять, что мы должны действовать, пока не стало слишком поздно», – сказал Кляйн газете «Бильд»). (Felix Klein, «Antisemitismusbeauftragter verteidigt Kippa-Warnung», цит по сайту газеты «Neues Deutschland» от 27.05.19:08.36, <https://www.neues-deutschland.de/artikel/1119618.felix-klein-antisemitismusbeauftragter-verteidigt-kippa-warnung.html> (вх.27.05.19)).

³⁸¹ «Власти Германии посоветовали евреям не выходить в кипах», сайт «Газета.ру», 27.05.19:19.23, https://www.gazeta.ru/social/news/2019/05/27/n_13023265.shtml?updated (вх. 27.05.19).

³⁸² ««Мы в осаде»: Германию накрыл антисемитизм», Газета. Ру, 28.05.19:19.15, https://www.gazeta.ru/politics/2019/05/28_a_12380575.shtml (вх. 28.05.19).

очень условны и сильно зависят от того, кто, что и как считает при определении этого уровня. Так, например, по оценке авторитетного американского социологического центра Pew Research Center,

*«Наиболее недружелюбными к евреям странами Восточной и Центральной Европы являются Румыния (22 %), Литва (23 %), Армения (32 %)».*³⁸³

В то же время, не менее авторитетная Президент еврейской общины Армении Римма Варжапетян-Феллер говорит, что

*"еврейская община чувствует себя защищенной в Армении, и власти уважают ее права, культуру и традиции"».*³⁸⁴

За каждой оценкой своя правда, своя ветвь альтерверса. Но важно (и печально...) только то, что плодотворных ветвей, в которых не было бы антисемитизма, в кроне ветвлений нашей истории не видно.

И я не думаю, что отсутствие кипы сегодня более эффективно защитит немецких евреев от ударов по голове, чем отсутствие в немецком паспорте графы «национальность» защищает их личность. Как говорилось в старом советском анекдоте, «бьют не по паспорту, а по морде»...

К сожалению, завершая эту главу, я не могу завершить обсуждение проблемы антисемитизма и его проявлений в дальнейших событиях жизни Жоржа. Это «генетическая болезнь» мирового социума, а социальная генетика в нашей ветви альтерверса не настолько развита, чтобы предложить быстрый, эффективный и гуманный путь избавления от неё...

³⁸³ «Anti-Semitism in Europe: Ukraine turns out to be the most friendly to Jews», сайт «The Ukrainian Jewish Encounter (UJE)», <https://ukrainianjewishencounter.org/en/news/anti-semitism-in-europe-ukraine-turns-out-to-be-the-most-friendly-to-jews> (вх. 20.01.20)

³⁸⁴ «Евреи и армяне. Почему в Армении нет антисемитизма», сайт «Яндекс. Дзен», 29.12.19, <https://zen.yandex.ru/media/id/5cf40ab9d5fd8c00aea0e9f1/evrei-i-armiane-pochemu-v-armenii-net-antisemitizma-5e08b0343f548700ae9abe0c> (вх. 21.01.20).

Глава 10. Герой романа...

Загадка Солженицына

К теме «Прощание с Дельмаром» относится и одно «громкое дело», начавшееся в 1949 году и, возможно, не завершившееся и сегодня.

По жизни сложилось так, что именно с «расследования» эпизода из романа А. И. Солженицына «В круге первом», в котором упоминается «атомный разведчик Георгий Коваль», и началась моя работа по исследованию биографии Жоржа Абрамовича.

Всё началось в день похорон Жоржа Абрамовича, 2 февраля 2006 г. на Ленинском проспекте, у морга 1-й Градской городской больницы.

10.01. Некролог Жоржу Абрамовичу Ковалю в РХТУ им. Д. И. Менделеева.³⁸⁵

День был солнечный и не очень холодный. По каким-то причинам церемония задерживалась и собравшиеся – родные, близкие, ученики, сотрудники РХТУ и два или три представителя Совета ветеранов ГРУ³⁸⁶ – стояли или прогуливались около входа в зал прощания. Разговоры, естественно, вращались вокруг каких-то эпизодов из жизни Жоржа Абрамовича.

³⁸⁵ Фотография из архива автора. К тексту некролога можно добавить только то, что умер Жорж Абрамович в 4 часа утра 31 января 2006 года на руках у Гиты Шаевны Коваль (Сообщено В.И. Коваль в мае 2016 г.).

³⁸⁶ Сегодня можно сказать, что среди них были В.И. Лота и В.Я. Ермоленко.

Среди прочего кто-то вспомнил и об известном эпизоде из романа Солженицына. Это вызвало всеобщее внимание. Оно было вызвано тем, что в эти дни по телевидению шла премьера нового сериала Глеба Панфилова «В круге первом». Авторство Солженицына и звёздный состав актёров привлекли к нему огромную аудиторию.

Только что, 29 января, была показана 1 серия, в которой Дмитрий Певцов, играющий роль дипломата Иннокентия Володина, сообщает в американское посольство о том, что

*«На днях в Нью-Йорке советский агент Коваль должен получить в магазине радиодеталей... важные технологические детали производства атомной бомбы».*³⁸⁷

Эти слова слышали миллионы телезрителей. Вероятно, у многих из них невольно возникал вопрос – кто такой Коваль и откуда Александр Исаевич получил такую информацию?

Все собравшиеся у морга знали об этой загадке, многие слышали недоуменный ответ самого Жоржа Абрамовича: «Я не знаю, откуда он это взял?», и понимали, что этот ответ – не разгадка.

Ему часто задавали вопрос об этом эпизоде в романе Солженицына. В том числе и мы, его «младшие ученики», на встрече с ним 23.02.03 г. И отвечал он почти одинаково, подчёркивая своё незнание источников информации Солженицына.

10.02. Встреча у Жоржа Абрамовича дома 23.02.03. Слева направо: Т. С. Греф, Ж. А. Коваль, А. Е. Сущёва.³⁸⁸

³⁸⁷ Сериал «В круге первом», серия 1, премьера на «РТР-Россия» 29 января 2006 г.

³⁸⁸ Источник фото: Архив автора. Фото Ю.А. Лебедева.

Варьировалась только модальность. От иронического недоумения до попытки представить этот эпизод «художественным вымыслом» писателя. Об этом вспоминает его племянница, Г. Ш. Соловьёва:

*«...об известном эпизоде в романе Солженицына «В круге первом» он отзывался скептически. Говорил, что это «выдумка»».*³⁸⁹

Среди собравшихся на похороны эпизод тоже обсуждался, и начались гадания – было ли это «на самом деле», или «Солженицын всё придумал»? Но почему тогда возникла фамилия Коваль?

А.П. Жуков, Директор музея истории РХТУ им. Д. И. Менделеева, Главный редактор многотиражки «Менделеевец» и мой старинный знакомый (сначала – как преподаватель курса «Коррозия металлов», который я слушал студентом, потом как коллега по кафедре Общей химической технологии, а впоследствии просто как знаток истории Менделеевки и заинтересованный собеседник) вдруг обратился ко мне: «Ты же любишь писать на исторические темы, вот и попробуй раскопать эту историю!».

Предложение прозвучало как некий вызов – мол, не слабо ли заняться серьёзным делом? И обстановка (фактически, у гроба Жоржа Абрамовича), и круг собравшихся – «ближний круг» его родных и знакомых – требовали серьёзного ответа. И я сказал, что займусь этим.

Тогда мне казалось, что при должной настойчивости ясный ответ можно получить достаточно быстро и тем самым «закрывать тему», написав заметку в «Менделеевец».

И я «развил бурную деятельность» – читал мемуары, писал письма, звонил по телефонам, обивал пороги «высоких приемных». Узнал много интересного, но «загадка Солженицына» оставалась неразгаданной. Да и теперь, спустя почти полтора десятка лет, я не уверен, что найденное сегодня, при работе над этой книгой, волокно альтерверса, в котором в 1955–1958 гг в романе «В круге первом» появляется разведчик Георгий Коваль, является самым «толстым», т. е. наиболее вероятным.

Как бы то ни было, я благодарен А. П. Жукову: моё занятие «делом Солженицына» стало моим первым шагом к глубокому изучению биографии Жоржа Абрамовича. А близкая дружба с Геннадием Ковалем, его наследником, позволила получить доступ к семейному архиву и опереться в этом изучении на содержащиеся в нём уникальные документы и свидетельства членов семейства Ковалей.

Работа началась с естественного шага – обращения к самому Александру Исаевичу Солженицыну. Первый вариант письма к нему я написал уже 11 февраля 2006 г. и на следующий день³⁹⁰ отправил на адрес фонда Солженицына.

Вот что я писал в этом письме:

«Пишу Вам в связи с печальным событием, совпавшим с началом демонстрации сериала «В Круге Первом».

Сериал начался 29 января, и миллионы телезрителей слышали, как с ленты секретной прослушки звучат слова о том, что «советский разведчик Коваль должен встретиться в Нью-Йорке...». Этот эпизод, точнее, этот факт, является сюжетным стержнем всего фильма и книги. В «Послесловии» к фильму Наталья Дмитриевна особо подчеркивает документальную основу этого факта. В тексте книги говорится даже больше – сообщается и

³⁸⁹ Этот вариант я слышал от самой Галины Шаевны во время беседы с её дочерью. (Архив автора, «Беседа 04.11.13 г. с Людмилой Славовой Соловьёвой (Л.С.), внучатой племянницей Жоржа Абрамовича Ковалю»).

³⁹⁰ Задержка была вызвана тем, что я попросил отредактировать текст письма своего друга Э.Л. Безносова – одного из лучших в Москве преподавателей русского языка и литературы. Поскольку письмо адресовалось Нобелевскому лауреату по литературе, мне не хотелось, чтобы при чтении его внимание было отвлечено какими-то моими языковыми огрехами.

имя агента: «...на этих днях в Нью-Йорке советский агент Георгий Коваль получит...».

Таким образом, у зрителя закрепляется представление о «Георгии Ковале» как советском «атомном шпионе».

Печальное же событие, о котором я упомянул в начале письма, состоит в том, что 31 января на 93 году жизни скончался Жорж Абрамович Коваль, человек, который действительно в годы войны работал в секретном американском городе Ок-Ридже на заводе по получению плутония для первых американских атомных бомб и одновременно был разведчиком ГРУ ГШ...

Ваша книга и фильм – прекрасные образцы гражданственности и высокой художественности. Эпизод с Ковалем – существенный элемент их структуры и источник идейной проблематики: что должно, и что не должно делать совестливому и порядочному человеку в тех или иных условиях. Некоторую оценку этого конкретного случая дала и Наталья Дмитриевна. Я сейчас не хочу обсуждать все аспекты и тонкости этого эпизода – это предмет специальной и подробной работы.

Но у меня к Вам один вопрос, чрезвычайно важный для ее выполнения. Откуда Вам стало известно это имя, и насколько реален факт упоминания именно его в том, безусловно реальном, телефонном разговоре?

Дело в том, что сам Жорж Абрамович удивлялся этому эпизоду в Вашем романе, поскольку еще летом 1949 года он был демобилизован из ГРУ и никак не мог принимать участия в какой бы то ни было операции разведки зимой 1949 года. А до этого, с 1939 по начало 1949 года,³⁹¹ он находился в Америке и тоже никак не мог «вылетать в Нью-Йорк» из Москвы.

Поверьте, что мною движет отнюдь не досужее любопытство, а ответить на этот вопрос можете только Вы».³⁹²

Как видно, тогда я думал, что ответ Александра Исаевича (если он согласится на откровенность) даст полную ясность. Прошла всего неделя, ответа пока не было, но я проявлял нетерпение. Оно было настолько острым, что я искал любую информацию о романе и о возможности встречи с А. И. Солженицыным.

Оказалось, что как раз в это время (15 февраля) в Театре на Таганке должен был состояться спектакль «Шарашка» по этому роману. И я решил, что стоит обратиться к постановщику – Ю. П. Любимову – с просьбой помочь получить ответ от А. И. Солженицына и, может быть, узнать что-то интересное. Ведь при постановке и в ходе репетиций Ю. П. Любимов и А. И. Солженицын наверняка, как мне казалось, должны были обсуждать эпизод звонка И. Володина в американское посольство.

Я написал Ю. П. Любимову письмо, в котором вкратце изложил роль Жоржа в атомном проекте и просил:

«Сейчас я работаю над биографией Жоржа Абрамовича. И эпизод из романа является очень важным – возможно, жизненно важным! – эпизодом его биографии. Хотя сам лично он всегда недоумевал – откуда Солженицын все это взял?»

³⁹¹ Тогда я ещё не знал деталей биографии Жоржа и потому ошибочно назвал дату его возвращения. На самом деле Жорж вернулся в октябре 1948 года.

³⁹² Письмо к А.И. Солженицыну. Архив автора.

*Я рассказываю все это Вам, поскольку имею надежду, что с Вашей помощью я смогу задать этот вопрос автору романа. Как Вы знаете, Александр Исаевич не очень доступен для «человека с улицы...».*³⁹³

Я предполагал вручить письмо после спектакля, «на поклонах», и мы с женой отправились в театр.

К моему удивлению и разочарованию, оказалось, что спектакль поставлен не по «атомному» варианту романа, а по «медицинскому». Там о Ковале не упоминается, но заготовленное письмо я всё же передал ему вместе с розой:

10.03. Ю. П. Любимов на «поклонах» после спектакля «Шарашка» 15.02.06 в Театре на Таганке³⁹⁴

После увиденного варианта спектакля надежд на ответ почти не было. Но неожиданно для меня мне удалось поговорить с В. Золотухиным, игравшим в этой постановке Спиридона Егорова. По окончании спектакля, не переодеваясь, прямо в зековской телогрейке, он продавал в фойе книги своих мемуаров:

³⁹³ Письмо к Ю.П. Любимову. Архив автора

³⁹⁴ Источник фото: Архив автора. Фото Ю.А. Лебедева.

10.04. В. Золотухин в фойе Театра на Таганке после спектакля «Шарашка» 15.02.06.³⁹⁵

Я рассказал ему о Жорже Абрамовиче и переданном письме Любимову. Просил как-то посодействовать в получении ответа. А также горячо и наивно агитировал за то, чтобы изменить постановку по «атомному варианту». Золотухин слушал заинтересовано, и обещал как-то помочь.

Неудача в театре не охладила моего энтузиазма, поскольку цель – получить ответ от Солженицына – оказалась удивительно близкой. Вот запись из моего рабочего дневника:

*«20.02.06 Звонил в Фонд Солженицына. Изложил суть вопроса. Получил подтверждение, что события романа документальны. Как раз в момент звонка пришло мое письмо. Мне было сказано, что оно сегодня же будет передано Наталье Дмитриевне и она передаст его вечером Александру Исаевичу. Дали e-mail Троице-Лькова: kurduimov@mtu-net.ru Но сказали, что А. И. предпочитает читать рукописные послания и советовали пока не отправлять e-mail. Разговор был с библиографом Надеждой Григорьевной, заменявшей секретаря».*³⁹⁶

Прошло несколько томительных дней, и, наконец, раздался долгожданный звонок:

«Звонила Наталья Дмитриевна Солженицына. Она показывала мое письмо Александру Исаевичу. Она подтвердила все то, что я знал: А. И. услышал всю эту историю на шарашке от Копелева. Сам он пленки не слышал. На шарашке обсуждалась тема и личность «предателя», а

³⁹⁵ Источник фото: Архив автора. Фото Ю.А. Лебедева.

³⁹⁶ Рабочий дневник автора. Запись от 20.02.06

*разведчика – нет. «А что его обсуждать: все друг за другом шпионили, у него работа такая». Я рассказал ей о Ковале, она пожелала мне успеха и удачи».*³⁹⁷

Кстати, и Валерий Сергеевич Золотухин не забыл своих обещаний, но его хлопоты оказались и долгими и не очень продуктивными. Но это не очень огорчило меня – к моменту нашего телефонного разговора с ним я уже имел ответ от Натальи Дмитриевны.

Тем не менее, в этом разговоре

*«он сообщил интересный факт. Оказывается, спектакль сначала репетировался в «атомном» варианте, а потом Любимов изменил его на «медицинский».*³⁹⁸ *Золотухин обещал сегодня <07.03.06> переговорить с Любимовым (но у него мало надежды, что Любимов согласится переделывать спектакль) и он (Золотухин) предложил мне встретиться и рассказать «молодежи театра» о Ковале и «вообще»...*³⁹⁹

Разумеется, я обрадовался возможности такой встречи, но повторного звонка не было, и на этом наши контакты оборвались.

Я рассказал историю моего контакта с Театром на Таганке для того, чтобы показать – в то время люди «общественно значимые», в сознании которых *мог* возникнуть интерес к личности «атомного разведчика Ковале», такого интереса не проявляли. Во всяком случае не у всех моих «авторитетных собеседников» интерес к разведчику был настолько велик, чтобы ради него предпринимать какие-то действия, требующие затраты сил и времени. И причина естественна и проста: он не был в их восприятии «значимой фигурой».

В подтверждение этого приведу ещё одну цитату из моего рабочего дневника того времени:

*«Разговор с директором Архива Президента РФ Степановым Александром Сергеевичем. Дела партийные рядовых партийцев – в Мосгорархиве, дела ЦК КПСС – в РГАСПИ, дела ГРУ некоторые есть, но они «пока закрыты». И вообще, Коваль фигура «не того масштаба», чтобы о нем что-то было».*⁴⁰⁰

Разговор с Натальей Дмитриевной был не богат деталями. Чувствовалось, что Александр Исаевич не очень хочет подробно обсуждать этот вопрос. Тем не менее, из этого разговора я узнал два важнейших факта.

Во-первых, *Солженицын «ничего не придумал», такой звонок в американское посольство действительно был*, а во-вторых – что есть не менее авторитетный (и даже более компетентный!) свидетель событий, связанных с этим звонком. Это Лев Зиновьевич Копелев.

Вот короткая справка о нём:

«В 1941 записался добровольцем в Красную армию. Благодаря своему знанию немецкого языка служил пропагандистом и переводчиком. Когда в 1945 Советская армия вошла в Восточную Пруссию, он был арестован за резко критические отзывы о насилии над германским гражданским

³⁹⁷ Рабочий дневник автора. Запись от 05.03.06

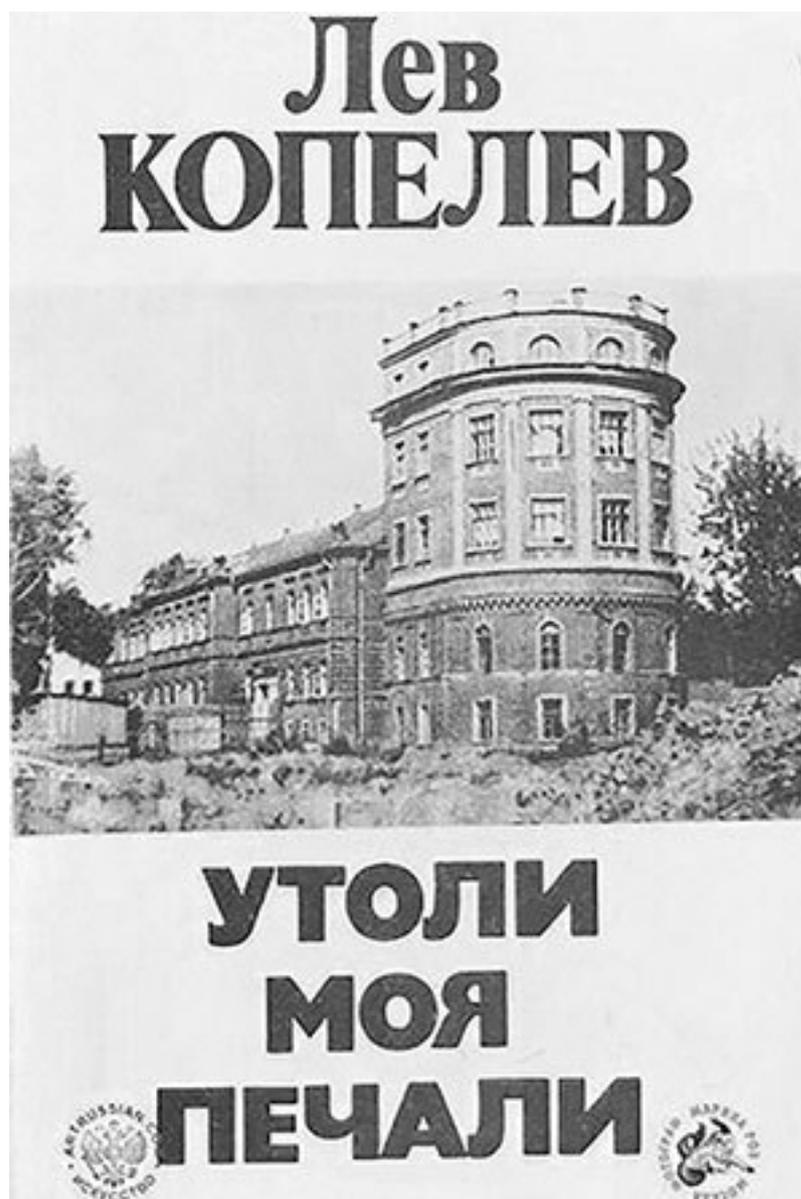
³⁹⁸ В связи с этим интересен вопрос: кто – Любимов или Солженицын – был инициатором изменения концепции постановки? В интервью, данном Ю.П. Любимовым за два месяца до премьеры, он говорит: «Да, я был у него, мы беседовали о постановке, он обещал появиться на репетициях. Но на премьере, вероятно, автора не будет, так как мы будем играть в день юбилея Солженицына». (Александр Шундрин, интервью Ю. Любимова «Юрий Любимов: «Ставлю “Шарашку”», «Русская мысль», № 4240, 8-14 октября 1998, стр. 16.) Если я правильно понял В. Золотухина, Любимов отказался от «атомного варианта» именно после разговора с Солженицыным. То есть, Солженицыну в 1998 году почему-то было приятнее видеть «искажённый» вариант «Круга...».

³⁹⁹ Рабочий дневник автора. Запись от 07.03.06.

⁴⁰⁰ Рабочий дневник автора. Запись от 27.03.06.

*населением. Приговорён к 10 годам заключения за пропаганду «буржуазного гуманизма» и за «сочувствие к противнику». В «шарашке» Марфино встретился с Александром Солженицыным, стал прототипом Рубина в его книге «В круге первом».*⁴⁰¹

Свои воспоминания о работе в марфинской шарашке Лев Зиновьевич изложил в книге «Утоли моя печали».⁴⁰² И это уже не роман, где позволителен «художественный вымысел», а мемуары, в которых по памяти описываются реальные события. Думаю, что Жорж Абрамович об этой книге не знал.

10.05. Обложка книги Л. З. Копелева «Утоли моя печали».⁴⁰³

⁴⁰¹ «Копелев Лев», Еврейская электронная библиотека, <http://www.jewish-library.ru/kopelev>

⁴⁰² Л. Копелев, «Утоли моя печали». Первое издание в США, Ann Arbor, Ardis (Ардис) 1981 г. Первое российское издание Москва, СП «Слово», 1991 г. Эл. вариант http://www.belousenko.com/books/kopelev/kopelev_utoli.htm#07

⁴⁰³ Источник иллюстрации: «Хранить вечно. Утоли мои печали. Лев Копелев», сайт «Prochital», <https://prochital.wordpress.com/2015/05/19/хранить-вечно-утоли-мои-печали-лев-коп/> (вх. 27.02.20).

Интересующие нас события описаны в главе 7 «Фоноскопия. Охота на шпионов». У меня после её прочтения сформировался следующий «сухой остаток» фактов по этому делу:

– Работа началась не 24 декабря 1949 года как в романе Солженицына, а существенно раньше. Глава книги Л. Копелева начинается словами:

*«Поздняя осень 1949 года».*⁴⁰⁴

– Л. З. Копелев лично работал над расшифровкой магнитофонных записей разговоров с посольством и помнит их содержание «почти дословно».

*«Эти разговоры я воспроизвожу почти буквально. Слушал их тогда снова и снова множество раз; слова, интонации прочно осели в памяти».*⁴⁰⁵

– А. И. Солженицын активно участвовал в «открытой части» работы:

*«Артикулянтами и дикторами, как обычно, командовал Солженицын. Все они стали наговаривать контрольный текст. Других «одноразовых» дикторов – заключенных и вольняг – набралось около ста, мы вдвоем их инструктировали». Но, помимо этого, в тайне от руководства шарашки «по дружбе» консультировал Л. Копелева по вопросам математической обработки материалов расшифровки («Подписка о «внесудебной ответственности» не помешала мне в первый же день рассказать обо всем Солженицыну, разумеется так, чтобы никто не мог подслушать. Он расспрашивал, переспрашивал»). Оба работали «на совесть», считая звонившего предателем. «Солженицын разделял мое отвращение к собеседнику американцев. Между собой мы называли его «сука», «гад», «блядь» и т. п.».*⁴⁰⁶

– Звонков в американское посольство было три. Вот вопросы следователя к арестованному сотруднику МИДа Иванову:

*«А где же вы находились в одиннадцать ноль-ноль, в тринадцать-тридцать, то есть в полвторого, и в шестнадцать ноль-ноль, то есть в четыре часа? Где вы были?».*⁴⁰⁷

– И был ещё один звонок – в канадское посольство:

*«Все тот же надсадный голос просил передать американскому правительству про Ковалея, радиомагазин, профессора, атомную бомбу».*⁴⁰⁸

Каждый раз

*«– Але, але... Это я вам раньше звонил. Тут мне помешали»*⁴⁰⁹

звонивший, не объясняя того, кто же помешал ему «в прошлый раз», прежде всего, пытался выяснить должность того, с кем говорит на этот раз, и требовал позвать либо посла, либо военного атташе.

Что-либо уточнить было невозможно – Лев Копелев умер в Кёльне в 1997 году и его архив находится в Германии.

⁴⁰⁴ Л. Копелев, «Утоли моя печали». Первое издание в США, Ann Arbor, Ardis (Ардис) 1981 г. Первое российское издание Москва, СП «Слово», 1991 г. Эл. вариант http://www.belousenko.com/books/kopelev/kopelev_utoli.htm#07

⁴⁰⁵ Ibid.

⁴⁰⁶ Ibid.

⁴⁰⁷ Ibid.

⁴⁰⁸ Ibid.

⁴⁰⁹ Ibid.

Неожиданно к моим поискам и размышлениям присоединилась А. Н. Латынина. Вот запись об этом из моего рабочего дневника:

«Звонила Алла Николаевна Латынина, лит. критик из «Нового Мира». Ей дала мой телефон Н. Д. Солженицына. Обсуждали «проблему Ковалея». А. Н. написала статью по анализу текстов Солженицына и Копелева. И у нее получалось, что весь телефонный разговор выдуман авторами и выдуман «не очень удачно». И приводила резоны. Во-первых, «Иванов-Володин» в декабре 1949 года уже знал об успешном испытании нашей атомной бомбы и такой цели, как «спасть американские секреты» у него быть просто не могло. Во-вторых, «лететь в Нью-Йорк» из тогдашней Москвы было просто нельзя (я сейчас специально зашел в интернет «Регулярному воздушному сообщению между Москвой и Соединенными Штатами во вторник исполнилось 35 лет. Первым рейсом «Аэрофлота» из столицы Советского Союза в Нью-Йорк в 1968 г. на легендарном самолете Ил-62 прилетели 93 пассажира, в том числе более 50 ВИП-персон и большая группа советских и американских журналистов». <http://www.aviaport.ru/news/2003/11/12/64863.html>), в-третьих, многожды звонить в посольства (а Копелев говорит о нескольких звонках) – просто безумие со стороны «Иванова-Володина». Я согласился с А. Н., но сказал ей, что (она этого не знала) в это время в СССР существовал такой орган – ИК (Информационный Комитет),⁴¹⁰ который объединял МИД, НКВД и ГРУ и разведка была «под МИДОм» (послы должны были быть резидентами). Поэтому «Иванов-Володин», будучи дипломатом, мог как-то узнать о Ковале, как «атомном разведчике», а уж антураж – с вылетом на самолете – придумал сам, исходя из дипломатического опыта (дипломаты уже тогда могли летать в Нью-Йорк спецрейсами). И тогда ясно, что Иванов-Володин просто «сдавал» Ковалея (не зная, что он уже в СССР и как раз в это время восстанавливается в аспирантуру!) перед попыткой «убежать» или просто пытаясь начать работу с американцами как агент. Обсуждали и другие варианты – «игра КГБ» для проверки работы лаборатории Рубина-Копелева, случайное использование этого имени, реальный «дурацкий план НКВД» (при этом звонок его сорвал и тем спас жизнь Ковалею)».⁴¹¹

В результате нашей беседы А. Н. Латынина, рассмотрев различные варианты трактовки эпизода с Ковалем (в том числе и обсуждённые нами в ходе беседы 10 марта) в своей статье в «Новом мире», пришла к выводу, что «загадка Ковалея» осталась неразгаданной и написала:

«В деле “Иванова” слишком много неясностей. Возможно, в той книге, над которой работает Ю. А. Лебедев, удастся выяснить обстоятельства поспешного отъезда Ковалея из США, и это прольет какой-то свет и на причины и цель звонка, столь важного для творческой истории романа Солженицына»».⁴¹²

С тех пор прошло много времени и случилось много событий. Моя работа над книгой по разным причинам шла медленно, но материал копился, и я не оставлял надежды завершить её.

⁴¹⁰ Правильно «Комитет информации (КИ)». Тогдашняя моя ошибка – я ещё не очень разбирался в чехарде переименований советских разведывательных органов.

⁴¹¹ Рабочий дневник автора. Запись от 10.03.06.

⁴¹² Алла Латынина, «"Истинное происшествие" и "расхожий советский сюжет". Два варианта «Круга»: взгляд из сегодня», «Новый мир», № 6, 2006 г., стр. 175.

И теперь я готов предложить такую эвереттическую реконструкцию отражённых в романе «В круге первом» событий осени 1949 года, которая снимает почти все «неясности», смущавшие тех читателей этого романа, для которых упоминание фамилии Коваль – не элемент антуража эпизода звонка в американское посольство, а значимое событие в жизни Жоржа Абрамовича.

Атомный баланс 1949 года

После успешного испытания первой советской атомной бомбы 29 августа 1949 года резко изменился баланс сил в мире, что вызвало шок – США перестали быть «атомным монополистом».⁴¹³ Но СССР в этот момент ещё не стал реальным обладателем атомной бомбы – единственный экземпляр советского атомного взрывного устройства (ещё не бомбы!) был взорван на полигоне под Семипалатинском.

Сталин прекрасно понимал всю опасность такого положения вещей – у американцев вскоре было уже 235 ядерных зарядов⁴¹⁴ и были конкретные планы по применению ядерного оружия против СССР.

*«Это планы: «Чариотир» (1948 г.), «Флитвуд» (1948 г.), «САК-ЕВП 1–4а» (1948 г.)... и другие».*⁴¹⁵

Не важно, знал ли Сталин об этих планах или только догадывался об их существовании, неважно даже, насколько реальными были эти планы, и насколько решительно настроено было американское руководство их осуществить в планируемые сроки.

Важно то, что Сталин боялся – если американцы узнают о том, что у него уже есть возможность делать атомные бомбы, но самих бомб нет, они рискнут начать войну немедленно, чтобы не дать ему возможности развернуть ядерный потенциал. И потому факт успешного испытания атомной бомбы был строго засекречен.

Но физические явления не подчиняются административным указаниям. Даже самого товарища Сталина! Атмосферные течения унесли облако продуктов семипалатинского взрыва за тысячи километров от Семипалатинска и они были обнаружены американской системой дальнего обнаружения ядерных взрывов (СДО).

*«Первая СДО была создана в США (USAEDS – US Atomic Energy Detection System, Система обнаружения ядерных взрывов США). В соответствии с подписанной генералом Д. Эйзенхауэром директивой штаба армии США (16 сентября 1947 г.) ответственность за обнаружение ядерных взрывов в любой точке земного шара была возложена на командующего ВВС армии США... Наиболее перспективными были признаны самолетный отбор и анализ на радиоактивность проб воздуха, сейсмический и акустический методы. Именно такой системой в первых числах сентября 1949 г. в атмосфере были обнаружены радиоактивные продукты от первого советского атомного испытания на Семипалатинском полигоне».*⁴¹⁶

Подробности обстоятельств обнаружения радиоактивного следа в атмосфере от первого советского атомного взрыва стали известны из работы Дж. Ричельсона только через 60 лет:

«Сегодня известно, что данные о взрыве первого советского ядерного заряда получило 3 сентября 1949 года управление по атомной энергии

⁴¹³ «Воздействие сообщения об испытании в 1949 году первого советского атомного заряда, как писала газета «The New York Times» [Krock A., «Plans That Have Been Made to Meet Such an Eventuality Are Carried Forward With Confidence», The New York Times, 25 sept 1949, p.3.] было шоковым» (Н.В. Мельникова, «Формирование образа «атомного» СССР на Западе в 1945–1950 гг.», Военно-исторический журнал, № 12, 2016 г., стр.38).

⁴¹⁴ «Число ядерных зарядов в 1945–1989 годах», сайт «Warconflict.ru», <http://www.warconflict.ru/rus/catalog/?action=shwprd&id=1066>

⁴¹⁵ «1 января 1957 года план "DROPSHOT"», сайт «AfterShok», <https://aftershock.news/?q=node/361113>

⁴¹⁶ Знаменщиков Борис, Козлов Владимир, Васильев Алексей, «Глобальный контроль за ядерными взрывами», Российское военное обозрение, № 8 (43) август 2007, <http://www.grinchevskiy.ru/rvo/082007/globalniy-kontrol-za-jadernimi-vzrivami.php>.

*(AFOAT-1), созданное годом ранее ВВС США для слежения за зарубежными атомными испытаниями».*⁴¹⁷

Интересно отметить, что аналогичная методика разработана и в СССР под руководством акад. И. В. Петрянова-Соколова примерно в то же время. Вот что рассказал об этом Б. И. Огородников, специалист по радиоактивным аэрозолям, работавший под руководством Игоря Васильевича:

*«После взрывов на Бикини на заседание НТС Первого главного управления при Совете министров СССР, состоявшееся 9 сентября 1946 г., был приглашен И. В. Петрянов... Предполагалось получить сведения о мощности взрыва и КПД взрывчатки с помощью аэрозольного метода. По материалам заседания было принято Постановление СМ СССР от 14 ноября 1946 г., согласно которому Научно-испытательному институту ВВС Министерства Вооруженных Сил было поручено разработать способы «забора в воздухе проб пыли вредных продуктов самолетом, снабженным фильтрами»... Самолетные гондолы были созданы в ЦАГИ им. проф. Н. Е. Жуковского совместно с ФХИ им. Л. Я. Карпова... К середине августа 1949 г. фильтровальными гондолами оборудовали пять самолетов Як-9в. На каждом крыле – по гондole. Летные испытания состоялись на Семипалатинском полигоне. “Узким” местом оказалось приземление самолетов: ломались шасси, машины “клевали” при посадке. Испытание первой советской атомной бомбы состоялось утром 29 августа. Из-за густой и низкой облачности И. В. Курчатov отменил отбор аэрозольных проб».*⁴¹⁸

⁴¹⁷ Ссылка на книгу Дж. Ричельсона [Richelson J., «Spying on the Bomb: American Nuclear Intelligence from Nazi Germany to Iran and North Korea. New York: W.W. Norton, 2007.,p. 88–92.] приведена по статье Н.В. Мельниковой «Формирование образа «атомного» СССР на Западе в 1945–1950 гг.», Военно-исторический журнал, № 12, 2016 г., стр.40.

⁴¹⁸ Огородников Б.И., "Аэрозольный след ядерного оружия", "Химия и жизнь. XXI век", 2017 г., № 6, с. 48–50. Цит. по авторской редакции, e-mail от 08.02.18:16.48.

10.06. Первый советский атомный взрыв.⁴¹⁹

Но обнаружение радиоактивных аэрозолей ещё не было доказательством ядерного взрыва.

Ирония истории состоит в том, что к разработке этих технологий был непосредственно причастен... Жорж Коваль!

В 1945 году он, как известно, работал в Ок-Ридже дозиметристом. И работал не только технически, но и творчески. По результатам своей ежедневной рутинной работы по измерениям радиационного фона на объекте он подготовил доклад на специальном семинаре. Доклад оказался настолько интересным, что на его основе была подготовлена статья, опубликованная отделом технической информации Клинтонской лаборатории манхэттенского проекта.

⁴¹⁹ Источник фото: «День в истории: 29 августа», сайт «kommersant.ru», фотография ТАСС, <https://www.kommersant.ru/gallery/2265066#id1316651> (вх. 27.02.20).

Статья называется «Определение частиц с долгоживущей активностью в воздухе»⁴²⁰ и посвящена методическим аспектам определения концентрации радиоактивной пыли в воздухе. И именно в результате использования подобной методики и были получены доказательства проведения в СССР атомного взрыва.

Как сообщил мне после знакомства со статьёй Жоржа Б. И. Огородников,

*«публикация Ж. Коваля касается только естественных радиоактивных аэрозолей, образующихся из радона и торона».*⁴²¹

Непосредственно она не связана с задачей создания методик определения «воздушных следов» атомных взрывов, но может использоваться в них для оценки фонового радиоактивного загрязнения отбираемых проб воздуха.

Разумеется, американская метеорологическая разведывательная служба использовала различные методики. Но вряд ли при подготовке своей программы исследований она прошла мимо публикации Клинтонской лаборатории Ок-Риджа от 22 июня 1945 года по столь близкой к её задачам тематике.

Статья была опубликована 22 июня 1945 года, но рассекречена только 1 декабря 1947 года. 18 октября 1949 года один из её экземпляров попал в библиотеку Университета Аризоны, потом он переместился в библиотеку Университета Мичигана и 16 сентября 2009 г. был оцифрован и стал доступен в интернете.

Как бы то ни было, при тогдашних технологиях для анализа проб требовалось значительное время. Поэтому

*«Трумэн узнал о том, что Советский Союз испытал первое атомное устройство, примерно в середине сентября. Потому что 3 сентября американский самолет специальной метеорологической разведывательной службы брал замеры воздуха, летал где-то в районе Камчатки, и потом уже, в течение последующих дней, американские специалисты обнаружили следы полураспада, соответственно, следы – изотопы, которые указывали на то, что произведено было атомное испытание. Ну, совершенно ясно, что нужно было время, чтобы удостовериться в том, что, да, это рукотворное атомное испытание, и доложить Трумэну. Поэтому задержка».*⁴²²

А всякая задержка была на руку Сталину. Атомный реактор в Челябинске продолжал работу и нарабатывал плутоний для изготовления первых «настоящих бомб».

Выступление президента Трумэна с объявлением о том, что в СССР произведено испытание ядерного устройства прозвучало 23 сентября 1949 года.

*«Трумэн объявил об этом в официальном заявлении корреспондентам после того, как он информировал кабинет об этом факте».*⁴²³

*Новость о выступлении Трумэна буквально «взорвала» мировые информационные ресурсы.*⁴²⁴

⁴²⁰ George Koval, «Determination of particulate air-borne long-lived activity», Clinton Laboratories, U.S. Atomic Energy Commission Technical Information Division, Oak Ridge Operations, 1947, сайт «HATHI TRUST Digital Library», <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015074126270&view=1up&seq=1> (вх. 19.03.20).

⁴²¹ Б.И. Огородников, e-mail от 09.02.18:15.08.

⁴²² Владислав Зубок, выступление на «Радио «Свобода»» 29.08.2009 г. в дискуссии «1949: американская реакция на советский атомный взрыв», <https://www.svoboda.org/a/1810952.html>.

⁴²³ Владимир Тольц, Ольга Эдельман, «1949: американская реакция на советский атомный взрыв», цитата из «Особых закрытых писем ТАСС» (ОЗП)», «Радио «Свобода»» 29.08.2009 г. в дискуссии «1949: американская реакция на советский атомный взрыв», <https://www.svoboda.org/a/1810952.html>

⁴²⁴ Подробный анализ реакции мировых СМИ на известие об испытаниях атомной бомбы в СССР проведён в статье Н.В.

10.07. Карикатура Х. Хаттона «Взорвалось. Миф об атомной секретности» в газете «The New York Times» от 2 октября 1949 г.⁴²⁵

Именно с этого момента можно было ожидать какой-то государственной американской реакции на произведённое испытание.

После этого заявления Трумэна стало ясно, что скрыть факт атомного взрыва теперь не удастся.

По приказу Сталина было проведено специальное расследование на тему – как американцы узнали о нашем испытании? Нет ли тут «утечки информации»? И, думаю, здесь «нашему Жоржу» снова «немножко повезло».

В некоторых ветвях альтерверса, где он в это время оставался сотрудником ГРУ и был привлечён к этому расследованию, вскрылся факт публикации его статьи, и в атмосфере «борьбы с космополитизмом» неизбежно возник вопрос – зачем он выполнил эту «вредительскую работу»? Со всеми вытекающими последствиями для Жоржа...

Мельниковой «Формирование образа «атомного» СССР на Западе в 1945–1950 гг.», Военно-исторический журнал, № 12, 2016 г., стр.38–44.

⁴²⁵ Источник рисунка: статья Н.В. Мельниковой «Формирование образа «атомного» СССР на Западе в 1945–1950 гг.», Военно-исторический журнал, № 12, 2016 г., стр.41.

После того, как американцы обнаружили факт испытания в СССР атомной бомбы было важно попытаться внушить международной общественности мысль о том, что этот первый обнаруженный атомный взрыв является не первым произведённым в СССР.

И 25 сентября в «Правде» было опубликовано «Сообщение ТАСС в связи с заявлением президента США Трумэна о проведении в СССР атомного взрыва». Оно явно было направлено на то, чтобы не прояснить, а затуманить вопрос о наличии у СССР атомного оружия, его количестве и времени появления у нас бомбы.

О конкретном взрыве 29 августа в нём не сказано ни слова. Но подробно «объясняется», что могли принять американские эксперты за атомный взрыв:

*«В Советском Союзе, как известно, ведутся строительные работы больших масштабов – строительство гидростанций, шахт, каналов, дорог, которые вызывают необходимость больших взрывных работ с применением новейших технических средств. Поскольку эти взрывные работы происходили и происходят довольно часто в разных районах страны, то возможно, что это могло привлечь к себе внимание за пределами Советского Союза».*⁴²⁶

Про атомное же оружие говорится уверенно – оно у нас есть и давно:

*«...Советский Союз овладел секретом атомного оружия еще в 1947 году. Что касается тревоги, распространяемой по этому поводу некоторыми иностранными кругами, то для тревоги нет никаких оснований. Следует сказать, что советское правительство, несмотря на наличие у него атомного оружия, стоит и намерено стоять в будущем на своей старой позиции безусловного запрещения применения атомного оружия. Относительно контроля над атомным оружием нужно сказать, что контроль будет необходим для того, чтобы проверить исполнение решения о запрещении производства атомного оружия».*⁴²⁷

Заявление должно было произвести впечатление, что обнаруженный американцами в сентябре взрыв – явление ординарное и *не первое* такого масштаба: мол, мы взрывали, взрываем и будем взрывать «новейшие технические средства». Поэтому в «атомном вопросе» мы считаем себя в равном с США положении, и готовы начать переговоры о запрещении атомного оружия.

Формально это был ответ на «Заявление Государственного секретаря США Д. Г. Ачесона об атомном взрыве в СССР» от того же 23 сентября:

*«Наша страна с самого начала развития атомной энергии была полна решимости сделать все от нее зависящее для достижения действительно эффективного международного контроля над атомной энергией».*⁴²⁸

Конечно, Жорж читал это сообщение ТАСС в газете, конечно, он правильно понял его «скрытый смысл», но воспринимал этот смысл отстраненно – он считал, что атомная бомба была в его «иной жизни», да и о степени важности своего вклада в её создание он, очевидно, и не догадывался. Сейчас его мысли были заняты другим – надеждами на излечение своей Милы, на успех своих хлопот по восстановлению в аспирантуре МХТИ им. Д. И. Менделеева.

Нужно отметить, что в целом план Сталина по «дымовой завесе» над Советским атомным проектом удался. Пока американцы анализировали произошедшее изменение в балансе сил, и

⁴²⁶ «Сообщение ТАСС в связи с заявлением президента США Трумэна о проведении в СССР атомного взрыва», газ. «Правда», 25 сентября 1949 г, цит. по сайту «Фонд Александра Н. Яковлева», <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/71674> (вх. 02.04.20).

⁴²⁷ Ibid.

⁴²⁸ Ibid.

составляли новые военные планы (знаменитый план «Дропшот»⁴²⁹ был утверждён Комитетом начальников штабов 19 декабря 1949 года), Челябинский реактор обеспечил возможность к концу 1949 года изготовить две атомные бомбы РДС-1 типа американского «Толстяка», а в 1950 году еще девять (при планировавшихся семи).⁴³⁰ Это, конечно, не шло ни в какое сравнение с сотнями американских бомб, но гарантировало охлаждение горячих голов в США от соблазна безнаказанного нападения.

Собственно, кроме атомных бомб, у Сталина были и другие, не менее эффективные, «охлаждающие агенты».

Как было рассказано в главе об учёбе Жоржа в Колумбийском университете, к 1949 году американцы осознали, что на применение против него атомного оружия Сталин имел эффективный «асимметричный ответ» – оружие биологическое.

Миф о советских террористах, готовых заразить сибирской язвой всю Америку, в качестве дезинформации наверняка был внедрён в сознание высших политических и военных руководителей США. Но это не был «голый миф», за ним стояла и «суровая правда». К этому времени советские «военные биологи» добились впечатляющих результатов.

Вот что говорит об этом Л. В. Фёдоров:

*«Чтобы направленность работ и «достижений» военных биологов стала очевидной, укажем, что в годы Великой Отечественной войны бригадный врач Н. Н. Гинсбург и военный врач I ранга А. Л. Тамарин (известный специалист в области сибирской язвы) были удостоены Сталинской премии. Тем ныне забытым документом Н. Н. Поликарпов, П. О. Сухой, А. Н. Туполев и А. С. Яковлев были премированы за создание новых военных самолетов (каждый – за свой), Н. Л. Духов – за тяжёлый танк, А. Д. Швецов – за новый авиационный мотор к военным самолетам. А вот Н. Н. Гинсбург и А. Л. Тамарин были премированы «за изобретение нового медицинского препарата», как было скромно указано в несекретном документе тех лет («Сталинские премии. Справочник». Изд. «Советская наука», 1945 год.). Так что насчет оружия на основе бактерии сибирской язвы у нашей армии тоже все было в порядке. Только применить ее И. В. Сталин не решился. Скорее всего, не было нужды».*⁴³¹

Действительно, никакой нужды не возникло – уже к концу 1949 года температура в «горячих головах» американских военных понизилась настолько, что удар по плану Дропшот предусматривал возможность атомных бомбардировок СССР только в январе 1957 года.

⁴²⁹ «План «Dropshot»», Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/План_«Dropshot»

⁴³⁰ «РДС-1», Википедия, <https://ru.wikipedia.org/wiki/РДС-1>

⁴³¹ Фёдоров Л.А., «Советское биологическое оружие: история, экология, политика», Издательский дом МСоЭС, 2005 г., цит. по <http://www.seu.ru/cci/lib/books/bioweapon/1/06.htm>

Как уйти, чтобы вернуться?

Но, хотя важнейший военно-политический вопрос о предотвращении немедленного начала атомной войны был успешно решён, был ещё один важный вопрос, который возник в связи с осознанием американцами реальности советской атомной бомбы.

Всё-таки, аналитики США были достаточно профессиональными, чтобы понять – ошибка в предсказанных ими сроках появления атомной бомбы в СССР была следствием утечки информации об американских атомных секретах.

За сохранность секретных материалов отвечала контрразведка Манхэттенского проекта (Отделение разведки и безопасности) и ФБР. Как и для всяких бюрократических структур, в случае крупной неприятности (а взрыв советской атомной бомбы в августе 1949 года был очень крупной неприятностью!) им нужно было как можно быстрее найти «козла отпущения». А это неизбежно должно породить ужесточение мер безопасности и дополнительные расследования – кто же и как «украл бомбу»? В связи с этим под угрозой оказывалась вся наша «атомная» агентурная сеть в США. Очевидно, что нужно было предпринять какие-то контрмеры для нейтрализации этой опасности.

И, в рамках этих контрмер, для того, чтобы пустить американскую контрразведку по ложному пути, в КИ при МИД СССР (а фактически в I Управлении НКГБ) была задумана операция «звонок в посольство». Общая идея операции сводилась к тому, что мы как будто бы «сдаём» реального разведчика, который действительно раскрыл важные секреты Манхэттенского проекта. Нужно было создать впечатление, что этот разведчик действительно мог иметь доступ к самым различным аспектам Манхэттенского проекта.

В результате, как было задумано, самостоятельно убедившись в правдивости этой информации (что не должно было быть очень трудным и не должно потребовать много сил и времени), американцы останутся при «пиковом интересе».

Они установят, что важнейшую информацию получил советский нелегал, попавший в проект случайно, действовавший в Манхэттенском проекте в одиночку и не обнаруженный на территории США. И искать кого-то ещё просто бессмысленно. Во всяком случае, после обнаружения «козла отпущения», рвения в поисках других возможных шпионов у американской контрразведки должно сильно поубавиться.

Кроме достижения этой основной цели, решались и некоторые другие, «домашние» задачи НКГБ.

Прежде всего, операция должна была быть построена таким образом, чтобы продемонстрировать опасную ошибку слияния всех внешних разведок страны в единый орган – Комитет Информации (КИ) при МИД (руководитель В. А. Зорин), которому теперь подчинялась и чекистская разведка – I Управление МГБ СССР (руководитель – С. Р. Савченко).

Это объединение было «костью в горле» чекистов. Тем более, что, к их зависти, с января 1949 года ГРУ «вырвалось» из КИ и вернулось в подчинение Генерального штаба, а они всё ещё были вынуждены «ходить под дипломатами».

Зримым образом «величия» МИДа для нас является само здание, в котором он находится. Это здание на Смоленской-Сенной площади известно всем и в сознании значительного большинства «бывших советских россиян» в возрасте после пятидесяти прочно ассоциируется со сталинской эпохой.

10.08. Министерство иностранных дел СССР и России.⁴³²

Вероятно, это представление настолько прочно вошло в культурно-исторический миф о сталинизме, что постановщики экранизации романа Солженицына все «мидовские» мизансцены фильма снимали именно в нём.

Но «на самом деле» телеверсия романа воспроизводит совсем иную историческую действительность. В нашей ветви альтерверса строительство этого здания началось в 1948 году и закончилось только в 1953 году.⁴³³ Так что МИД обосновался в нём уже после смерти Сталина.

А в 1949 году, когда проводился первый этап операции «звонок в посольство», в нашей действительности МИД располагался совсем в другом месте, по адресу: улица Кузнецкий мост 21/5 – Большая Лубянка 5/21.⁴³⁴

⁴³² Источник фото: «Высотное здание на Смоленской площади», сайт [contragents.ru](https://contragents.ru/culture/exhibits/prev_6851408), https://contragents.ru/culture/exhibits/prev_6851408 (вх. 27.02.20).

⁴³³ «Здание Министерства иностранных дел России», Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/Здание_Министерства_иностранн_ых_дел_России

⁴³⁴ Министерство иностранных дел СССР», Википедия, «https://ru.wikipedia.org/wiki/Министерство_иностранн_ых_дел_СССР»

Сегодня это здание выглядит так:

10.09. Здание бывшего Министерства иностранных дел СССР.⁴³⁵

И это точно отражено в тексте Солженицына. Володин отправляется звонить в американское посольство

«Полузамкнутым двориком министерства пройдя мимо изогнутого Воровского...»⁴³⁶

Этот «изогнутый Воровский» – памятник В. В. Воровскому, который на рис. 10.09. виден в центре панорамы как мелкая деталь на белом постаменте:

⁴³⁵ Источник фото: Архив автора. Фото Ю.А. Лебедева.

⁴³⁶ Солженицын А.И., «В круге первом», издательство «Наука», М., 2006 г., стр. 8.

10.10. Памятник В. В. Воровскому у здания бывшего МИД СССР.⁴³⁷

Так что впечатляющие кадры служебного кабинета Иннокентия Володина и роскошных лестничных маршей МИДа в замечательной экранизации Глебом Памфиловым романа Солженицына «В круге первом» являются – увы! – или «киноляпом», или каким-то специальным режиссёрским приёмом «сгущения атмосферы эпохи». Но при этом «кинодействительность» переносится в весьма далёкие и тонкие ветви альтерверса нашей истории, по «вероятностной толщине» даже более тонкие, чем те, в которых Жорж в 1934 году едет с вокзала на Ильинку на метро...

Ну, и ещё одна, «техническая», задача операции «звонок в посольство». Нужно было проверить дееспособность Марфинской шарашки МВД.

⁴³⁷ Источник фото: Архив автора. Фото Ю.А. Лебедева.

10.11. Александрo-Мариинский приют для мальчиков-сирот, широко известная «Шарашка в Марфино», описанная А. И. Солженицыным в книге «В круге первом».⁴³⁸

Разработанный план, вероятно, сводился к следующему.

В качестве «сдаваемого» разведчика идеально подходил Жорж Абрамович Коваль. Он стал главной фигурой чекистской операции, не подозревая об этом. Если бы всё прошло по плану, американцы обнаружили бы работу Жоржа Ковалья и в Ок-Ридже и в Дейтоне, его возможности знакомства с документами, приборами, технологиями. Они убедились бы в том, что он один работал как обширная советская агентурная сеть в Манхэттенском проекте.

Активным исполнителем провокации был выбран сотрудник МИДа «Иванов», вероятно, ранее завербованный чекистами в качестве «источника оперативной информации» (сексота). Эту фамилию приводит в своих мемуарах Л. Копелев.⁴³⁹ Может быть, это оперативный псевдоним, поэтому она взята в кавычки. Но нельзя исключить и того, что это подлинная фамилия, поскольку она фигурировала в протоколах допросов, которые являются юридическими документами и, при необходимости, могли быть предъявлены в суде.

Эвереттическое волоконец

Рассматривая теоретическую возможность судебного процесса «по делу Иванова», Э. Л. Безносков обратил моё внимание⁴⁴⁰ ещё на две фамилии героев романа, причастных к звонку в посольство.

В гл. 2 романа («Промах») сказано, что в комнате № 194 на Центральной телефонной станции, где происходила прослушка линии американского посольства, на посту А-1 XI отдела 6-го управления МГБ в момент звонка Иванова дежурили лейтенанты Геннадий Тюкин и Кулешов (без указания имени).

Столь подробная информация порождает любопытную эвереттическую развилку: в одной ветви альтерверса А. И. Солженицын при написании романа был знаком с подлинными документами по «делу Иванова» и привёл настоящие фамилии и наименования подразделений МГБ, а в другой – это чистая авторская фантазия.

⁴³⁸ Источник иллюстрации: «Сделано в СССР – Сделано в ГУЛаге», сайт «Бессмертный барак», http://bessmertnybarak.ru/article/sdelano_v_ussr_-_sdelano_v_gulage/ (вх. 27.02.20).

⁴³⁹ Л. Копелев, «Утоли моя печали», Москва, СП «Слово», 1991 г. Эл. вариант http://www.belousenko.com/books/kopelev/kopelev_utoli.htm#07.

⁴⁴⁰ Э.Л. Безносков, e-mail от 25.07.17 16:09.

С вопросом о достоверности приведённых в романе сведений я обратился к известному литературоведу и комментатору текста романа В. В. Радзишевскому. К сожалению, ответ не принёс ясности:

*«Откуда эти подробности, не знаю. Не знаю даже, соответствуют ли они действительности».*⁴⁴¹

Ветвь с «авторской фантазией» Солженицына по поводу «поста А-1 XI отдела 6 управления МГБ» – это ветвь событий в описании «классической историей».

Впрочем, авторская фантазия и в эвереттике «материя тёмная». А вот по поводу первой ветви эвереттическим исследователям альтерверсов и Солженицына и Жоржа стоит задуматься.

Какие свидетельства знакомства А. И. Солженицына с фактом проведения и ходом операции «Звонок в посольство» имеются «здесь-и-сейчас», мы рассмотрим ниже подробнее.

Дивертисмент Иванова

В романе Солженицына о психологическом состоянии дипломата, звонившего в посольство, сказано так:

*«Он звонил в посольство – порывом, плохо обдуманном. Он узнал внезапно – и было поздно откладывать на те несколько дней, когда он сам поедет в Нью-Йорк».*⁴⁴²

В реконструируемой мною ветви альтерверса здесь «всё правда», за исключением того, что порыв не был естественной реакцией Иванова на внезапно ставшую ему известной информацию. Достоверная имитация «порыва» была частью задания, суть которого – позвонить в посольство США и сообщить имя и фамилию советского «атомного разведчика», якобы вылетающего в США.

Главная задача Иванова – быть настолько убедительным в разговоре, чтобы американцы поверили его «порыву» и серьёзно занялись проверкой его информации. Разумеется, ему обещали, что этот звонок никак не повредит его служебной карьере, и что сразу после него он отправится в обещанную ему командировку в Канаду.

За псевдонимом Иванов скрывается реальный человек. Вот его характеристика в мемуарах Л. Копелева со слов начальника Акустической лаборатории Абрама Менделевича Трахтмана (в романе Адам Вениаминович Ройтман):

*«Ведь обыкновенный, наш советский парень. Как говорится – из хорошей семьи. Отец – член партии, на крупной работе, где-то в министерстве. И мать тоже, кажется, в партии. Сам был в школе отличником, активным комсомольцем. Приняли в дипломатическую школу, в армию не взяли. Там вступил в партию. Потом работал в МИДе. Ему доверяли. Ездил за границу. И вот теперь получил крупное назначение – второй советник посольства. Должен был ехать с семьей. Жена – комсомолка, тоже работала в МИДе, двое детей, плюс еще теща. И в тот же день, как получил билеты, стал звонить по автоматам в посольство».*⁴⁴³

⁴⁴¹ Радзишевский В.В., e-mail от 28.06.19:23.41. Вместе с тем, Владимир Владимирович дал несколько очень важных отсылок к мемуаристике этой темы.

⁴⁴² Солженицын А.И., «В круге первом», изд-во «Наука», 2006 г., М., стр. 509.

⁴⁴³ Л. Копелев, «Утоли моя печали», Москва, СП «Слово», 1991 г. Эл. вариант http://www.belousenko.com/books/kopelev/kopelev_utoli.htm#07.

Эта характеристика, в моём осознании тогдашней действительности, полностью соответствует типичной биографии удачливого сексота.

Почему для передачи информации использован именно телефонный звонок? По двум причинам.

Во-первых, в сообщении приводятся сведения, требующие немедленного реагирования – через пару дней, «в четверг», Коваль уже будет в Нью-Йорке!

Разработчики операции «звонок в посольство» рассчитывали, что в силу бюрократических процедур передачи информации из посольства через Госдепартамент к силовым структурам никаких действий по предотвращению «встречи Ковалья с американским профессором» в радиомагазине американцы предпринять просто не успеют. Так что Коваль (как должно было показаться американцам, когда они, наконец, возьмутся за дело) после этой встречи просто растворился в многомиллионном Нью-Йорке и «с полученными сведениями» покинул территорию США. И пусть американцы (и канадцы, уже однажды чуть не сдавшие в руки чекистов Гузенко) кусают локти от того, что не были достаточно оперативны!

Фамилия Гузенко упомянута здесь не случайно. Мы ещё вернёмся к более подробному обсуждению последствий его поступка для послевоенной деятельности всех структур советской разведки в США. Здесь же только отметим, что бежавший в сентябре 1945 года из Советского посольства в Канаде шифровальщик Гузенко едва избежал насильственного возврата:

«Мытарства Гузенко после бегства из посольства многократно описаны в канадской литературе и им самим. Его плохо выслушали в «Оттава Джорнел» и не приняли в министерстве юстиции... На следующий день Гузенко предпринял очередную попытку привлечь к себе внимание журналистов и государственных чиновников, и вновь безрезультатно. Вечером семья Гузенко укрылась у соседей-канадцев, опасаясь, не без основания, вмешательства со стороны советских сотрудников, вскрывших квартиру Гузенко и учинивших там обыск. Вызванные соседями полицейские вынудили их удалиться, несмотря на резкие протесты В. Павлова, официально исполнявшего обязанности второго секретаря посольства, на самом же деле возглавлявшего посольскую службу НКВД... Разговор, который трясущийся перебежчик имел возможность подслушать из-за соседней двери, происходил в грубой и совсем не дипломатической форме».⁴⁴⁴

Но американским спецслужбам дается надёжная зацепка – адрес магазина. С него они и должны будут начать расследование. А этот магазин был, вероятно, одним из подразделений фирмы «Рейвен электрик», в которой Коваль действительно работал, и которую также было решено «сдать», поскольку она уже отыграла свою роль, и больше не была нужна нью-йоркской резидентуре чекистов. То, что это «напрягало» ГРУ, которому эта фирма принадлежала, для чекистов «было неважно». С грушниками можно было договориться – мол, дело-то общее!

Во-вторых – запись телефонных звонков позволяла провести проверку эффективности работы Марфинской шарашки.

Конечно, для успеха операции нужна была поддержка американских родственников Жоржа, и, прежде всего, Гарри и Голды Гурштелей, участвовавших в прикрытии его деятельности во время командировки. Это должны были обеспечить «соседи»-грушники, тоже заинтересованные в безопасности своей агентурной сети.

Несколько беспокоила неизбежно возникавшая угроза Жоржу – он становился в глазах американцев главным «официальным виновником» провала их контрразведки. И, хотя Жорж был, казалось, вне досягаемости для американского правосудия, но ведь у спецслужб,

⁴⁴⁴ И. А. Аггеева, «Канада и начало холодной войны: дело Гузенко в советско-канадских отношениях» <http://rabkrin.org/delo-guzenko-statya/>

как известно, «длинные руки». Но «укорачивать» эти руки должны были не чекистские разведчики, планировавшие операцию, а контрразведка. А это другой отдел и другая ответственность.

В общем, сообщать Ковалею об этих «вновь возникших обстоятельствах» вряд ли сочли целесообразным. Особенно в условиях ужесточения компании «борьбы с космополитизмом». Учитывая это, понятно, что и ГРУ не настаивало о предупреждении своего отставника. По крайней мере, до тех пор, пока не прояснится результат операции «звонок в посольство».

В связи с этим очень любопытна сцена, описанная первым биографом Жоржа Абрамовича, Владимиром Лотой:

«Во время нашей первой встречи Жорж Абрамович спросил меня, читал ли я роман Александра Солженицына «В круге первом». Книгу эту я читал. Когда Коваль спросил меня о ней, я сразу же вспомнил ее обложку незабываемого кровавого цвета.⁴⁴⁵ Вспомнился и ее сюжет. Не дожидаясь моего ответа, Жорж Абрамович сказал:

– Солженицын в своем романе упоминает мою фамилию...

Я вспомнил, что в романе Александра Солженицына упомянута не только фамилия, но и имя разведчика, с которым мы сидели в его небольшом рабочем кабинете в квартире одного из домов Мичуринского проспекта Москвы. События, описанные в начале романа Солженицына, происходили в декабре 1949 года. Сотрудник министерства иностранных дел СССР Иннокентий Володин позвонил в американское посольство и сообщил о том, что «...на этих днях в Нью-Йорке советский агент Георгий Коваль получит... важные технологические детали производства атомной бомбы в радиомагазине...».

Жорж Абрамович посмотрел на меня и добавил:

– В декабре 1949 года я уже находился в Москве. Моя командировка в США завершилась, и я больше не собирался никуда выезжать. У меня были другие планы...

Видимо, упоминание Солженицыным фамилии Ковалея в романе не прошло бесследно для Жоржа Абрамовича. Возможно, это каким-то образом льстило его самолюбию. Сам о своей секретной работе он открыто говорить в 1949 году не имел права. А после, с 1949 по 2000 год, Коваль, расставшись с военной разведкой, ни разу не напоминал ей о себе, стремясь вычеркнуть из памяти девять лет жизни, которые провел в опасной специальной командировке в США. Военная разведка тоже не беспокоила его...».⁴⁴⁶

Интересно было бы узнать, почему, по мнению В. Лоты, Жорж стремился «вычеркнуть из памяти» свою работу в ГРУ? Вопрос, конечно, риторический.

И, конечно, удивляет в описании этой сцены то, что на не сформулированный в тексте, но явно напрашивающийся вопрос Жоржа: «Как же попало упоминание о «Георгии Ковале» в роман Солженицына?», Лота так и не ответил. Вернее, не привёл своего ответа, наверняка данного в этой беседе.

Ведь из контекста ясно видно, что Жорж, зная, что перед ним сидит представитель ГРУ, спрашивает его об этом эпизоде. Он разъясняет нынешнему сотруднику ГРУ, что не мог «планировать» новую поездку в США в декабре 1949 года! То есть, очевидно, что Жорж действительно не знает, что стоит за этим эпизодом в романе.

⁴⁴⁵ Вероятно, имеется в виду издание книги в серии «Библиотека журнала «Новый Мир»» в 1990 г.

⁴⁴⁶ В.И. Лота, «Ключи от ада...», изд-во «Кучково поле», М., 2009 г., стр. 16–17.

Конечно, ему льстило это упоминание, но он хотел знать от «компетентного собеседника», как же произошла утечка информации о нем из «конторы» и почему в связи с этим военная разведка «не беспокоила его»?

Ведь, если исходить из этических правил деятельности любой разведки, факт его «сдачи» американцам делал Жоржа, с американской точки зрения, особо опасным преступником (секреты атомной бомбы!) и мог стать основанием для организации его похищения или даже устранения. И об этом следовало его предупредить и принять меры безопасности, о которых Жорж также должен был знать!

Сегодня, вспоминая, как отвечал Жорж на вопросы о его связи с Солженицыным уже после беседы с Лотой, я начинаю понимать, почему тогда мне казалось, что в интонациях Жоржа звучало лукавство. Что сказал Лота Жоржу, я, конечно, не знаю. Но, вероятно, Лота всё-таки дал ответ, который удовлетворил его, но этот ответ содержал такие детали оперативной работы ГРУ, раскрывать которые сам Жорж считал несвоевременным.

Для успеха провокации против МИДа нужно было арестовать Иванова. И это было сделано без зазрения совести. Как теперь говорят – «ничего личного», в интересах дела. Лес рубят – щепки летят. Сексотом больше, сексотом меньше – кто их считает?

Считать, конечно, не считают, но информацию о них берегут. Вот запись из моего рабочего дневника:

«Был сегодня в МИДе у заместителя директора историко-документального Департамента Миргаяса Миргаясовича Ширинского... Я в МИДе был первый раз. Это прекрасно сохранившаяся сталинская «высотка», в которой поставили к тому же супершикарные скоростные зеркальные лифты. В коридорах «аромат эпохи» ощущается явственно...

Беседа длилась около часа. Я рассказал почти все, что удалось узнать к сегодняшнему дню. Он слушал вполне заинтересованно и сочувственно. Но потом оказалось, что никак мне помочь не может и не потому, что не хочет, но просто в архивах МИДа мне искать почти нечего. О Ковале там нет ничего, поскольку он был нелегалом, а там данные только на сотрудников МИДа, хотя бы и «формальных». А по поводу «дела Володина-Иванова» нет никаких зацепок (мало ли было в МИДе Ивановых!), но, самое главное, у меня нет права интересоваться им – 70 лет еще не прошло и «личные фонды» пока закрыты... В результате мне стало ясно, что ни в ГРУ, ни в ФСБ я ничего не добьюсь «законно». А вот захотят ли там дать что-то добровольно – очень вряд ли – слишком многих такие материалы затрагивают».⁴⁴⁷

Отмечу, что в ходе этого визита я психологически ощущал себя в воссозданной Глебом Памфиловым атмосфере солженицынского романа. Порой казалось, что в конце коридора я вижу тень Иннокентия Володина и слышу отзвук его первых шагов по пути на свою Голгофу...

Точность воспроизведения обстоятельств этого разговора М. М. Ширинский подтвердил и 11 лет спустя, незадолго до своей кончины.⁴⁴⁸

В подтверждение обоснованности «подставы» Иванова зададимся вопросом – почему бдительные чекисты решили, что звонивший – именно дипломат из МИДа? Ведь, судя по ситуации, он мог быть любым сотрудником и КИ, и разведки МВД, и ГРУ. Но уже на первой встрече в шарашке для идентификации были представлены записи разговоров нескольких подозреваемых именно из МИДа.

⁴⁴⁷ Рабочий дневник автора, запись от 22.05.06

⁴⁴⁸ М.М. Ширинский, e-mail от 29.07.17:13.53.

И ещё одна деталь. Вспомним, в воспоминаниях Копелева сказано: «И в тот же день, как получил билеты, стал звонить по автоматам в посольство». Но, купив билеты, он уже через пару дней должен был улететь из СССР! Ещё никакой «работы по идентификации» в шарашке не производилось, и, если бы не было точно известно, кто звонил, то почему «Иванов» не улетел в Канаду?

По тексту романа сразу после звонка по ошибке арестовали четверых совершенно непричастных к делу людей, случайно оказавшихся около будки телефона-автомата у метро «Сокольники».

Какое отношение имеет станция «Сокольники» к описываемым событиям? Упоминание о ней – это проявление какой-то совсем невидимой паутинки альтерверса ☺.

Из настоящих подозреваемых не арестовали никого, стали только записывать на магнитофон их разговоры. Но среди подозреваемых были только МИДовцы, ни сотрудники КИ, ни сотрудники ГРУ среди подозреваемых не упоминаются.

Операция «звонок в посольство», очевидно, разрабатывалась после того, как выступил Трумэн и ему ответил ТАСС. Замысел, его детальная разработка, согласования со своим начальством, в КИ и ГРУ заняли, как мне кажется, не меньше одной – двух недель. Значит, она могла начаться в середине октября.

Начало было «плановым» – Иванов позвонил в американское и канадское посольство. Канадское тоже было выбрано не случайно – Гузенко сбежал в Канаде и после того, как его чуть было не «перехватили» там чекисты, канадцы должны были быть особенно чуткими к контактам с перебежчиками.

После этого потянулось томительное ожидание реакции со стороны американской контрразведки (а индикатором этой реакции должна была быть активность американцев вокруг радиомагазина в Нью-Йорке).

Командировку Иванова, конечно, «временно отложили». Через несколько дней стали вызывать на беседы. Сначала спрашивали, почему не был достаточно убедительным? Почему, будучи профессиональным дипломатом, не смог достоверно сыграть «порыв»? Но с каждым днём тучи над ним сгущались. И недели через две-три вопросы стали гораздо жёстче – где и как сообщил американцам, что звонок – «деза»? Кто, когда и как завербовал? И неизбежный финал – арест.

Но ни арест Иванова, ни бесплодные поиски его возможных сообщников среди сотрудников и obsługi американского посольства, к большому разочарованию организаторов операции, не меняли результат – никакой реакции со стороны американцев на информацию Иванова не последовало. Стало ясно, что операция провалилась.

Где же была допущена ошибка? Мне кажется, что ответ содержится в тех же мемуарах Л. Копелева:

«...Американец – говорил лениво-медлительно и недоверчиво-равнодушно.

– А потишему вы это знаете? А потишему вы эту информацию нам даете? А что хотите полутииит?.. А потишему я могу думать, что вы говорил правда, а не делал провокейин?

Тот отвечал натужно. Раз-другой прорывались нотки истерического отчаяния:

– Но это я не могу вам сказать... Поймите же, я очень рискую... Почему вам звоню? А потому что я за мир.

– О, аи си! (Прозвучало едва ли не насмешливо.)».⁴⁴⁹

⁴⁴⁹ Л. Копелев, «Утоли моя печали», Москва, СП «Слово», 1991 г. Эл. вариант http://www.belousenko.com/books/kopelev/kopelev_utoli.htm#07

Прозорливости американца можно позавидовать! Ведь ответ звонящего «А потому что я за мир» в этой нервной ситуации высвечивает его «советскую суть» лучше рентгена – это же типичный штамп из политинформации. Звонящий действительно сначала натужен, а потом, в «истерическом отчаянии» от срывающегося выполнения задания, практически сбрасывает маску и впадает в митинговый угар. Ситуация прямо по Галичу:

Который год я вдовая,
Все счастье – мимо,
Но я стоять готовая
За дело мира...⁴⁵⁰

Очень трудно представить себе, что так может говорить солженицынский Иннокентий Володин, холодный интеллигентный сноб с дипломатической выдержкой и выучкой.

10.12. В. Певцов в роли И. Володина в экранизации романа «В круге первом».⁴⁵¹

Он мог растеряться, мог сказать что-то невнятно-нейтральное, но в серьёзном разговоре с американским коллегой в качестве аргумента своей искренности истерически выкрикнуть «Я за мир!» он просто психологически не мог.

В этом диалоге говорящий выглядит средней руки выдвигенцем, испуганным предстоящим нагоняем на партсобрании.

«Речь, интонации грамотного, бойкого, но не слишком интеллигентного горожанина. Не москвич, однако и не южанин... Усредненный обезличенный

⁴⁵⁰ А.А. Галич, «О том, как Клим Петрович выступал на митинге в защиту мира», цит. по <http://alllyr.ru/text74305.html>.

⁴⁵¹ Источник фото: скриншот (7 мин. 10 сек.) 1 серии сериала «В круге первом», сайт You Tube, <https://www.youtube.com/watch?v=b-vFBUMyDbc> (вх. 27.02.20). Следует отметить, что этот эпизод экранизации романа тоже является «киноляпом». Володин звонит в американское посольство из автомата станции метро «Арбатская» нового участка Арбатско – Покровской линии, которая была введена в эксплуатацию в 1953 году. В 1949 году работала станция Арбатская, ныне включённая в состав Филёвской линии. («Арбатско-Покровская линия», Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/Арбатско-Покровская_линия).

говор российского провинциала, возможно дипломированного, понаторевшего в столице...»,⁴⁵²

– так характеризует его голос Л. Копелев. Короче, «образованец», как позднее найдёт точное определение таких людей сам А. И. Солженицын.

Сексот «Иванов» выдал себя своей искренней совковостью. Здесь, в СССР, это качество было настолько естественным и практически всеобщим, что, как и в случае с героем песни Галича Климом Петровичем, просто не замечалось.

Но работник американского посольства, как опытный дегустатор, «учуял его за версту». И не стал утруждать своё руководство информацией об этой глупой провокации чекиста.

По иронии судьбы эта прозорливость посольского работника через много лет была квалифицирована ФБР как ротозейство:

"если такой звонок действительно поступал в американское посольство в Москве и если он не был записан на пленку, то его содержание по меньшей мере следовало отразить в документах".⁴⁵³

Это цитата из отчёта агента ФБР о встрече с А. И. Солженицыным в 1978 году. От себя Шитов добавляет:

«Иными словами, ФБР мягко попеняло посольским ротозеям на то, что к некоторым сигналам тем стоило бы и прислушиваться».⁴⁵⁴

Но в данном случае, если бы «посольский ротозей» прислушался к истерике «Иванова», это принесло бы ФБР много «пустых хлопот» ☺.

Вермонтское интервью

Итак, операция «звонок в посольство» в главной своей части сорвалась. В определённом смысле, к удовлетворению ГРУ: фирма «Равен электрик компани» продолжала спокойно работать, но уже без ГРУ – его люди спокойно её покинули. Когда в 1954 году за неё взялась-таки американская контрразведка, оказалось, что

«хозяин фирмы и предполагаемый американский шеф Дельмара – некто Бенджамин Лассен – еще в 1950-м благополучно отбыл в Польшу».⁴⁵⁵

Тем не менее, задачи «побочные» оказались выполнены. Арест и разоблачение «изменнической попытки дипломата Иванова» передать секреты советской разведки американцам, несомненно, был весомым аргументом чекистов в их борьбе за независимость от МИДа, и сыграл свою роль в том, что

«2 ноября 1951 г. вся разведывательная работа была передана от КИ в МГБ, где было восстановлено 1-е Главное управление. В ведении КИ оставалась только служба дезинформации».⁴⁵⁶

⁴⁵² Л. Копелев, «Утоли моя печали», Москва, СП «Слово», 1991 г. Эл. вариант http://www.belousenko.com/books/kopelev/kopelev_utoli.htm#07

⁴⁵³ Из авторской редакции статьи А. Шитова «Как ФБР напросилось в гости к Солженицыну», журнал "Эхо планеты" № 17–18 (май 2008), стр. 16–18. В оригинале дела ФБР: «It is felt that if, in fact, such a call were received at the American Embassy in Moscow if the call were not recorded, the information contained in it should have at least been made a matter record». (Дело ФБР «George Abramovich Koval», <https://archive.org/stream/GeorgeAbramovichKoval/George%20Abramovich%20Koval%20Part%2004%20of%204#page/n313/mode/2up> (вх. 24.04.20)).

⁴⁵⁴ Ibid.

⁴⁵⁵ А. Шитов, «Герой России остался гражданином США», Российская газета, 04.06.08, № 4676, цит. по <https://rg.ru/2008/06/04/koval.html>

⁴⁵⁶ «Комитет информации», Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/Комитет_информации

По иронии судьбы именно служба дезинформации, которая и должна была планировать провалившуюся операцию «звонок в посольство», осталась «под дипломатами» до, вероятно, его расформирования в 1958 году.⁴⁵⁷

Но проверка работы Марфинской шарашки прошла хорошо. Она показала, что руководство «спецлаборатории» правильно организовало воспитательный процесс – даже такие закончено-враждебные её обитатели как Л. Копелев и А. Солженицын активно и продуктивно помогли пресечению преступной деятельности перерожденца Иванова.

Следует отметить, что А. И. Солженицын в романе «В круге первом», взяв за основу реальный факт, – звонок в американское посольство – полностью переосмыслил мотивы поведения звонившего. В жизни Иванов, по его мнению, это ««сука», «гад», «блядь»», а Володин в романе – героический романтик.

Даже внимательные читатели в подавляющем большинстве не знали о реальном прототипе И. Володина, но созданная писателем суперпозиция «гад-герой» вызывала недоумение у многих:

«Володин звонит в посольство США и передает им совершенно секретную информацию о готовящейся попытке советской разведки похитить американские атомные секреты. То есть совершает акт предательства, государственной измены, шпионажа. Тут даже самые либеральные критики, даже самые твердокаменные поклонники Солженицына, привыкшие к старой (на самом деле не изначальной, а написанной только для того, чтобы обойти советскую цензуру) версии романа, поморщились: ну зачем же Александр Исаевич попытался обратить предательство в добродетель?»⁴⁵⁸

Смысл и художественный успех создания такого «морального кентавра» – это один из творческих секретов писателя, который он старался сохранить. Вот почему, как мне кажется, он с настороженностью и даже неудовольствием относился к попыткам «докопаться до правды» о событиях, связанных со звонком в американское посольство и своих интерпретациях этих событий.

Внимательное чтение текста романа показывает, что Александр Исаевич и сам осознавал логическую несообразность описанной им ситуации – в декабре 1949 года, после августовского успешного испытания советской атомной бомбы, дипломат Володин не мог «порываться» предотвратить похищение секретов американской атомной бомбы для предотвращения её реализации в СССР!

Попытка снять это противоречие видна из работы Солженицына над рукописью. Объясняя причины «порыва» Володина, Александр Исаевич в 5-й редакции романа (1968 год) пишет:

«Он звонил в одержимости, хотя знал, что все телефоны прослушиваются и их только несколько человек в министерстве, кто знает секрет Георгия Коваля.»

⁴⁵⁷ Любопытная деталь – один из кабинетов руководителя КИ располагался, как вспоминает руководивший ПГУ КГБ генерал-лейтенант Л.В. Шебаршин в 1990 году, «на седьмом этаже старого здания КГБ на Лубянке. Кабинет просторный, обставлен мебелью, бывшей в моде задолго до войны, – карельская береза, строгие прямые линии, столы покрыты зеленым сукном. На глобусе границы довоенного мира – Прибалтийские государства, Восточная Пруссия, неразделенная Индия, французская Африка, бельгийская Африка. На письменном столе в специальной подставочке карманные часы, сделанные в Швейцарии в какие-то доисторические для нас времена. Вся обстановка, говорят, стояла в кабинете В. М. Молотова в ту пору, когда он был главой Комитета информации» (Л.В. Шебаршин, «Рука Москвы: записки начальника советской разведки», изд-во «Центр-100», М., 1992, цит. по сайту «lib.ru», <http://lib.ru/MEMUARY/SHEBARSHIN/rukamoskwy.txt> (вх. 09.07.19)). Как видим, материализованная память о всемогущем Комитете пережила его на многие десятилетия, и, может быть, живёт и сегодня...

⁴⁵⁸ Евгений Киселёв, «Сюжет для героического кино», 22.05.06:20.47», сайт «Газета. ру», <https://www.gazeta.ru/column/kiselev/645405.shtml> (вх. 25.12.19).

*Он просто бросился в пропасть, потому что осветилось ему, как это невыносимо, что так бессовестно уворуют бомбу – и начнут трясти ею через год».*⁴⁵⁹

Указание на то, что «уворованной бомбой» начнут трясти «через год», явно относится к событиям начавшейся в 1950 году корейской войны. Об этом знал писатель Солженицын в 1955 году, когда начал писать роман, но что, конечно же, не мог предвидеть дипломат Володин в 1949 году. Это знание писателя давало ему основание видеть Володина глазами героев романа – дядюшки Авенира, дворника Спиридона Даниловича Егорова, инженера Герасимовича – не предателем, а гуманистическим героем.

Все эти герои, каждый со своей аргументацией, были солидарны с Иннокентием Володиным с его самооправданием:

*«Ты не дал украсть бомбы Преобразователю Мира, Кузнецу Счастья? – значит, ты не дал её Родине! А зачем она – Родине? Зачем она – деревне Рождество? Той подслеповатой карлице? Той старухе с задушенным цыплёнком? Тому залатанному одноногому мужику?.. Им нужны дороги, ткани, доски, стёкла, им верните молоко, хлеб, ещё, может быть, колокольный звон – но зачем им атомная бомба?».*⁴⁶⁰

Фактическим оправданием безрассудства Володиного в этой редакции была фраза, следовавшая за приведённой цитатой:

*«(Говорили, что в августе <1949 года – Ю. Л.> уже испытывали свою, да что-то, видно, у них не ладилось).»*⁴⁶¹

Эта ремарка была бы понятна «умному читателю» в 50-е годы – известное сообщение ТАСС от 24 сентября 1949 года о заявлении президента США Трумэна по поводу взрыва в СССР атомной бомбы было составлено столь витиевато и невнятно в фактической части, что давало повод думать – да, что-то не так у нас с этим взрывом.

Это подтверждает литературовед М. Г. Петрова:

*«22 ноября 2004 г. я спросила Александра Исаевича по телефону, знал ли он о Семипалатинске в прежние годы работы над романом «В круге первом»:
«– Нет, не знал. Ведь они так засекретили...»*⁴⁶².

То, что Солженицын действительно не знал в ходе написания романа о семипалатинском испытании, видно и по такой реплике, которую он вкладывает в монолог инженера Бобынина на приёме у Абакумова в 3-ей редакции текста (1962 год):

*«Да никогда я не поверю, что вы атомную бомбу сами сделаете – безусловно украдёте!!..».*⁴⁶³

Но для читателя конца 60-х годов оговорка о неудаче испытания 1949 года стала неубедительной – о его успешности уже было достаточно хорошо известно.

И в окончательной, 7-й редакции романа, Солженицын эту ремарку вычеркнул.⁴⁶⁴ Логическая заплатка оказалась споротой и в ткани сюжета снова возникла прореха, обсуждать кото-

⁴⁵⁹ А.И. Солженицын, «В круге первом», изд-во «Наука», 2006 г., М., стр. 509.

⁴⁶⁰ А.И. Солженицын, «В круге первом», изд-во «Наука», 2006 г., М., стр. 513.

⁴⁶¹ Ibid, стр. 774.

⁴⁶² Ibid, стр. 764.

⁴⁶³ Ibid, стр. 740.

⁴⁶⁴ Ibid, стр. 774.

рую Александр Исаевич, конечно, не хотел. Это я почувствовал в ходе разговора с Натальей Дмитриевной в 2006 году.

И причины нежелания Александра Исаевича обсуждать тему «героичности» поступка Володина к этому времени были уже не только литературно-эстетические, но и идейно-политические:

«... сам автор в 1994 году заметил с горечью: «С какой тревогой об американской судьбе я когда-то писал «Круг» с истинной «атомной» историей, в каком сюжете... Сколько лет я был уверен в правильности: атомная бомба остаётся у них, только б не у коммунистов. Но постепенно дошёл: не к добру она у них...»».⁴⁶⁵

Но, оказывается, такое отношение к теме Александр Исаевич проявлял и задолго до 1994 года.

Самой яркой иллюстрацией этого является результат попытки ФБР выяснить подробности событий осени 1949 года у самого Солженицына 19 апреля 1978 г в ходе беседы с ним в его доме вблизи городка Кавендиш в Вермонте. Об этом рассказал А. Шитов по результатам своего журналистского расследования, которое включало и знакомство с рассекреченной частью «дела Ковалея» ФБР, и беседы с представителями этого ведомства в Вашингтоне.⁴⁶⁶

Прежде всего, следует отметить, что целью ФБР в этом «собеседовании» было получить информацию о Ж. Ковале. Обсуждение других тем должно было только прикрывать эту цель. В инструкции сотруднику, который должен был встретиться с Солженицыным для беседы, тогдашний директор ФБР Уильям Уэбстер писал: «...наши выходы на Ковалея проистекали из тайного источника, на который не следует ссылаться в ходе собеседования».

Переговоры о формате беседы с Натальей Дмитриевной Солженицыной, исполнявшей обязанности и секретаря и переводчика, были сложными. ФБР хотело прислать целую команду интервьюеров и переводчиков, но в итоге специалист, отряженный из Нью-Йорка, поехал в Кавендиш один.

Согласно его отчету от 4 мая 1978 г. беседа продолжалась примерно час и велась только на русском языке, причем не наедине, а в присутствии как минимум еще одного лица (судя по всему, это была переводчица, чьи услуги, однако, не понадобились).

Просьба прокомментировать эпизод со звонком в американское посольство в Москве и упоминанием Ковалея и атомного шпионажа вызвала у хозяина «некоторое удивление» – и в силу осведомленности об этом эпизоде ФБР, и просто за давностью лет.

Имяреку, «судя по всему, очень не хотелось обсуждать эту тему», – констатировал американский контрразведчик.

Позже он добавил также, что в высказываниях его собеседника имелись противоречия, "ставящие под сомнение достоверность" некоторых из них. Однако, предложение устроить повторное собеседование было вежливо отклонено.

В исходном отчете о беседе было, судя по нумерации, более 7 страниц; в рассекреченном деле имеются лишь 4, да и те с купюрами.⁴⁶⁷

⁴⁶⁵ М.Г. Петрова, «Судьба автора и судьба романа», в кн. А.И. Солженицын, «В круге первом», изд-во «Наука», 2006 г., М., стр. 677. Автор этой публикации указывает источник приведённой цитаты: Солженицын А., «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов», Новый мир, 2000, № 12, стр. 143. Однако интернет-поиск по файлам журнала такой цитаты в тексте не обнаружил. Провести же проверку по бумажному варианту журнала не представляется возможным из-за режима ограничений в связи с пандемией коронавируса.

⁴⁶⁶ Дальнейшее изложение событий, связанных с контактом Солженицына и ФБР, основаны на информации, сообщённой мне А. Шитовым в личном письме (e-mail от 30.10.2014.01.24) и знакомстве с материалами дела ФБР в интернете.

⁴⁶⁷ Это данные приводятся по авторской редакции опубликованной позже статьи А. Шитова «Как ФБР напросилось в гости к Солженицыну», журнал "Эхо планеты" № 17–18 (май 2008), стр. 16–18.

К этому анализу документов архивного дела ФБР, проведённому А. Шитовым, мало что можно добавить после знакомства с выставленными в интернете фрагментами этого дела. Вот как там зафиксирован ключевой ответ Александра Исаевича агенту ФБР:

«Содержимое телефонного звонка состояло из нескольких предложений на русском языке, предупреждающих посольство о том, что Георгий (Джордж) Коваль, советский агент или секретный агент (не может вспомнить, какой термин использовался), получит секретный материал об атомной бомбе в радиомагазине. Он не мог вспомнить какие-либо другие подробности, касающиеся содержания этого телефонного звонка.

*[цензурный пробел <Солженицын – Ю. Л.>] сообщил, что лицо, получившее этот звонок в американском посольстве, по-видимому, недостаточно понимало русский язык, и фактически поручило звонящему повторно передать эту информацию в посольство Канады».*⁴⁶⁸

Вот и всё! Но это «всё» уже представлено в тексте романа. Как видим из этого документального фрагмента отчёта о беседе агента ФБР с А. И. Солженицыным, в 1978 году ничего «дополнительно конкретного» ФБР выяснить не удалось. Причина проста – в разговоре собеседники «говорили на разных языках» и преследовали разные цели.

Удивление Солженицына осведомлённостью ФБР об эпизоде с Ковалем совершенно естественно: в 1968 году был опубликован «медицинский» вариант романа, который и был широко известен на Западе. «Атомный» вариант, восстановленный в том же 1968 году, с тех пор «бродил по самиздату»⁴⁶⁹ и только готовился к печати на русском языке во французском издательстве «УМСА-PRESS».⁴⁷⁰ И, хотя существование «атомного» варианта секретом не было (о нем Солженицын говорил, например, на своей пресс-конференции в Париже 10 апреля 1975 года), но почему ФБР интересовалось именно им? И что вообще знали в ФБР о его работе в марфинской шарашке?

В это время мемуары Л. Копелева «Утоли моя печали» ещё не были опубликованы, и Александр Исаевич, вероятно, был озабочен тем, чтобы не раскрывать прототипы героев романа.

⁴⁶⁸ В оригинале: «The contents of the telephone call were several sentences in the Russian language warning the Embassy that Georgi (George) Koval, a Soviet Agent or a Secret Agent (could not recall which term used), will receive secret material on the atom bomb in a radio store. He could not recall any other details regarding the contents of this telephone call. [цензурный пробел] advised that the person receiving this call at the American Embassy apparently did not adequately understand the Russian language and, in fact, instructed the caller to reheat this information to the Canadian Embassy», Дело ФБР «George Abramovich Koval», <https://archive.org/stream/GeorgeAbramovichKoval/George%20Abramovich%20Koval%20Part%2004%20of%204#page/n315/mode/2up> (вх. 23.04.20).

⁴⁶⁹ Это подтвердил мне Э.Л. Безносков, читавший именно «атомный» вариант в самиздатском виде в Москве в 1969–1970 гг.

⁴⁷⁰ Первое «печатное издание» полного («атомного») варианта романа «В круге первом» состоялось в составе 20-ти томного «Собрания сочинений» А.И. Солженицына, а именно в 1 и 2 томах, изд-во «Умска-Press», Вермонт. Париж, 1978 г. Не исключая, что и интерес ФБР к Солженицыну, приведший к организации «интервью» с писателем, возник именно из-за появления на страницах романа имени Георгия Ковалья. И одним из вопросов, стоявших перед ФБР, было уточнение даты появления этого имени, т. е. детализировка авторского эпиграфа в 1 томе: «написан – 1955–1958, искажён – 1964, восстановлен – 1968».

10.13. Прототипы героев романа «В круге первом» – Л. З. Копелев (Рубин), А. И. Солженицын (Нержин), Д. М. Панин (Сологдин).⁴⁷¹

Главные герои были ещё живы, отношения с ними были сложные, и публичное обсуждение трактовки их образов в романе совсем не входило в намерения писателя.

Как мне стало известно, в экибастузском лагере, где сидели вместе А. И. Солженицын и Д. М. Панин, Александр Исаевич записывал рассказы заключённых и в дальнейшем использовал эти материалы в своих книгах.

Кажется весьма вероятным, что именно в это время он обсуждал эпизоды из жизни шарашки с Д. В. Паниным, который занимался там разработкой механических шифраторов. И эпизод с «атомным шпионом» мог детализироваться в этих разговорах.

Во всяком случае, в рассказе одного из «соузников» Александра Исаевича по Экибастузу, звучавшему много лет спустя в квартире профессора С. С. Вялова, располагавшейся двумя этажами выше квартиры Жоржа Абрамовича, цитировался эпизод из романа «В круге первом».⁴⁷² Такое вот «пространственное сближение временных рядов» ☺...

Так что в «беседе» с американским «интервьюером» обсуждать своих друзей (в первую очередь это относилось к Л. З. Копелеву – Рубину и Д. М. Панину – Сологдину), Александр Исаевич не хотел.

Не хотел он обсуждать и трансформацию предателя Иванова в героя И. Володина. Ведь в преддверии выхода в свет «атомного» варианта Александр Исаевич категорически утверждал, что

*«В основе моего романа лежит совершенно истинное и притом, я бы сказал, довольно-таки историческое происшествие».*⁴⁷³

А трансформация Иванова в Володина – чистый творческий вымысел.

⁴⁷¹ Источник фото: А.И. Солженицын «В круге первом», изд-во «Наука», М., 2006 г., вклейка между стр. 384 и 385.

⁴⁷² Из материалов бесед с «ближним кругом» Жоржа Абрамовича. Архив автора.

⁴⁷³ Из выступления на пресс-конференции в Париже 10 апреля 1975 года. Цит. по Алла Латынина, «"Истинное происшествие" и "расхожий советский сюжет". Два варианта «Круга»: взгляд из сегодня», «Новый мир», № 6, 2006 г., стр. 170.

Но в ходе беседы агент ФБР пытался выяснить именно детали истории со звонком в посольство и подробности связи «Володина» и Коваля. Для Солженицына же (в мейнстримной ветви его альтерверса) фигура Коваля интереса не представляла. Как сказала с его слов Наталья Дмитриевна, на шарашке считали – «А что его обсуждать: все друг за другом шпионили, у него работа такая».

Коваль, мелькнувший в нескольких эпизодах, был для него фигурой абстрактной и «проходной», поэтому Александр Исаевич решил, что агент ФБР, используя этого полумифического персонажа, пытается получить информацию о реальных делах и людях шарашки.

О «полноценной реальности» Жоржа Абрамовича Коваля сам Александр Исаевич, по свидетельству А. Н. Латыниной, узнал из моего письма к нему только в 2006 году.

Вот как это случилось. Работая над статьёй о романе «В круге первом», А. Латынина предположила:

*«...а вдруг никакого звонка "Иванова" в посольство и не было, а просто чекисты устроили в шарашке что-то вроде учебной тревоги, решили проверить практическую пользу от всех этих научных акустических изысканий? Но эту версию легко опровергла Наталья Дмитриевна Солженицына, сообщив, что Георгий Коваль, о котором говорится и у Копелева, и у Солженицына, – реальное лицо. Выяснилось это, когда многолетний коллега Коваля по Московскому химико-технологическому институту, доцент этого института Юрий Александрович Лебедев после показа сериала написал письмо Солженицыну».*⁴⁷⁴

Стать информатором ФБР по какому-то непонятному ему делу Александр Исаевич, даже находясь в положении «вынужденного эмигранта», не захотел, а потому «предложение устроить повторное собеседование было вежливо отклонено».

Ещё один вариант объяснения «настороженного поведения» Солженицына при его опросе агентом ФБР выявился в ходе моей беседы с историком А. И. Колпакиди после выхода первого издания этой книги. Вот запись фрагмента этой беседы в моём рабочем дневнике:

*«Очень удивлялся Александр Иванович поведению Солженицына, который в романе не изменил фамилию Коваль на какую-то другую. Ведь этим, как считает Александр Иванович, Солженицын «сдавал» разведчика Коваля, поскольку он ведь не знал, что Коваль уже давно вернулся. Из записи «прослушки» ясно видно, что американцы никак не отреагировали на звонок в посольство. А если бы Коваль к моменту опубликования романа всё ещё оставался нелегалом? Эта публикация была бы сигналом и напоминанием американцам – Ковалю нужно искать. И Александр Иванович очень заинтересовался моим рассказом о том, что американцы «опрашивали» Солженицына в Вермонте. Я понимаю этот его интерес – такой факт подтверждает «некорректность» поведения Солженицына».*⁴⁷⁵

Иными словами, в ходе «интервью» с агентом ФБР Александр Исаевич сначала удивился вниманию ФБР к «третьестепенному» с его точки зрения персонажу романа «В круге первом», но быстро осознал, что допустил ошибку, не изменив в тексте фамилию разведчика, и это может быть истолковано как его, Солженицына, «предательство». И потому, естественно, от повторного обсуждения этой темы отказался.

⁴⁷⁴ Алла Латынина, «"Истинное происшествие" и "расхожий советский сюжет". Два варианта «Круга»: взгляд из сегодня», «Новый мир», № 6, 2006 г., стр. 175

⁴⁷⁵ Рабочий дневник автора, запись от 24.02.19 о беседе с А.И. Колпакиди 21.02.19.

Здесь мне показалось, что на этом можно поставить точку в «солженицынской истории» Жоржа. Резюме её таково: в романе «В круге первом» Солженицын случайно (или по наводке КГБ, но непреднамеренно) зацепил историю одной чекистской операции 1949 года, в которой Жоржа использовали «втёмную».

Ремейки операции «Звонок в посольство»

Но структура альтерверса этой истории оказалась сложнее и преподнесла мне сюрприз. Это – одна из характерных особенностей эвереттического подхода к истории.

Точки ветвления альтерверса возникают буквально «из ничего». Потрясающе точно подметила это А. А. Ахматова за много лет до возникновения эвереттики:

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда...⁴⁷⁶

Завершая просмотр собранных материалов по теме «Персонаж Солженицына», я обратил внимание одну цитату из статьи А. Шитова. По профессии он журналист, корреспондент ИТАР-ТАСС в Вашингтоне. Но в результате его работы с архивными материалами и сотрудниками ФБР, он по праву может считаться «хорошо информированным источником» по теме «разведчик Коваль».

И вот что он сообщил:

*«От некоего советского перебежчика ФБР стало известно, что в начале 1940-х резидент-нелегал советской военной разведки держал в Нью-Йорке фирму по розничной торговле электротоварами. Под подозрением в числе прочих оказалась "Рейвен электрик", а среди ее сотрудников обнаружился "человек по имени Джордж Коваль"».*⁴⁷⁷

В очередной раз прочитав эти строки, я вдруг понял – это же краткое изложение сути операции КИ «Звонок в посольство» 1949 года! Смотрите: и тут и там приманка – Коваль, и тут и там зацепка – «Равен электрик», и тут и там источник информации – «наш человек».

Разница заключается только в том, что информацию американцам теперь передают не по телефону, а лично, через «перебежчика»! А это гарантирует профессиональный интерес к ней американской контрразведки!

Догадку о том, что «перебежчик» может быть двойным агентом, высказал ещё А. П. Жуков, который также анализировал статьи А. Шитова. Но он не довёл своё предположение до логического конца, заметив, что

*«у дилетанта всегда что-то не сходится – здесь не стыкуется легенда о прикрытии РУКА в компании Raven Electric».*⁴⁷⁸

Александра Петровича смутил тот факт, что компания «Равен Электрик» («своя рука» ГРУ!) не смогла оформить Жоржа по его «первичным документам», с которыми он прибыл в Америку в 1940 году.

Но, после проведённого в главке «Легализация» главы «Командировка» разбора правовой ситуации в США в конце 1940 года, ясно, что даже «ручная», но легальная фирма «Равен Электрик», тогда действительно не могла «прописать» Жоржа в Нью-Йорке.

А осознание «двойственности перебежчика» сделало понятным и приведённое выше наставление агенту ФБР от директора У. Уэбстера: «...наши выходы на Ковалья проистекали из тайного источника, на который не следует ссылаться в ходе собеседования».

⁴⁷⁶ А.А. Ахматова, стих. «Мне ни к чему одические рати...», 21 января 1940 г., <http://rupoem.ru/axmatova/mne-ni-k.aspx>

⁴⁷⁷ А. Шитов, «Агент «Дельмар» выходит на связь», Российская газета, № 4575 от 30 января 2008 г., цит. по <https://rg.ru/2008/01/30/delmar.html>

⁴⁷⁸ А.П. Жуков, «Жорж Абрамович Коваль 1913–2006. Атмосфера действий», изд. РХТУ им. Д.И. Менделеева, М., 2013, стр. 166–167.

К какому времени относится «предательство» этого перебежчика? Ответ прямо на первой странице имеющегося у меня тома материалов ФБР.

27 августа 1954 года Директор ФБР Джон Эдгар Гувер направил директиву в свой центральный офис. Ссылаясь на материалы доклада Э. Хиндерлитера от 12 августа 1954 года по делу «Неизвестного лица. Шпионаж-Р» Гувер предписывает:

*«Откройте отдельное досье расследования по этому делу на Джорджа Ковалья, нью-йоркского происхождения, и ускорьте представление сводного доклада о нем, подходящего для распространения».*⁴⁷⁹

Ясно, что замена «Неизвестного лица» на «Джоржа Ковалья нью-йоркского происхождения» произошла именно в результате информации от перебежчика, т. е. в 1954 году.

Значит, успешно осуществило модернизированный вариант этой операции уже ПГУ КГБ, ставшее с 13 марта 1954 года преемником 1-го Управления МГБ, которое, в свою очередь, 2 ноября 1951 года приняло дела от КИ, в недрах которого чекисты и разработали осенью 1949 года операцию «звонок в посольство».

Почему я считаю, что операция 1954 года прошла успешно? Вспомним главную цель операции «звонок в посольство» 1949 года – отвлечь внимание американской контрразведки от наших актуальных источников информации на поиск несуществующей агентурной сети «атомных шпионов», но таким образом, чтобы создалось впечатление, что именно эта сеть является главным источником сведений об американских разработках атомного оружия.

С этой точки зрения доказательством успеха является вот это утверждение А. Шитова, который, повторяю, вполне может считаться «компетентным источником»:

*«Американцы до сих пор толком не знают, насколько ценную для СССР информацию по их Манхэттенскому атомному проекту добыл и передал в Москву в середине 40-х годов советский разведчик Жорж Коваль. Ответственные сотрудники ФБР США признали это, передавая мне два первых тома следственного дела Ковалья из своих архивов».*⁴⁸⁰

Это очень точное свидетельство успеха операции. Мы смогли показать американцам, как много мог знать и передать нам Коваль, но надёжно скрыли то, что именно он передал.

Но зачем нужно было проводить повторение операции 1949 года в 1954 году? У меня нет никаких данных из архивов ПГУ КГБ и его преемника СВР.

Я беседовал на эту тему с высокопоставленным генералом СВР, который лично знал Жоржа Абрамовича в молодости и до сих пор относится к его памяти с большим уважением, но даже он не смог ничем помочь, поскольку архивы ПГУ КГБ по операциям до упразднения КГБ СССР остались в Центральном архиве ФСБ.

Мои неоднократные обращения в этот архив всегда «внимательно рассматривались», но всегда заканчивались вежливым отказом:

*«в результате проведённой проверки по архивным материалам, каких-либо документов или сведений по факту «расследования органами НКВД-МКБ <так в тексте, Ю. Л.> случая звонка в посольство США в декабре 1949 года с упоминанием Ковалья» на хранении не обнаружено. Заместитель начальника Управления, полковник С. А. Степанов».*⁴⁸¹

⁴⁷⁹ ФБР1, стр. 1. В оригинале: «Re report of E. Hinderliter dated 8-12-54 at New York captioned “UNKNOWN SUBJECT... Espionage – R”... Open separate investigative case file on George Koval, New York origin, and expedite submission of summary report on him suitable for dissemination».

⁴⁸⁰ А. Шитов, «Архипелаг бумаг», Новые Известия, 18 февраля 2011 г., <https://newizv.ru/news/world/18-02-2011/141238-arhipelag-bumag>

⁴⁸¹ Цитата из письма в мой адрес из Управления регистрации и архивных фондов ФСБ РФ № 10/АН-Л-378 от 06.04.2006 г.

И ведь ответ этот абсолютно правдивый – никакого «звонка в посольство США в декабре 1949 года» действительно не было, а значит, и материалов об этом в архиве и быть не может. Я ведь указывал эту дату на основании романа Солженицына, а она оказалась «художественным вымыслом». И в письме не сказано, что этих материалов нет. Сказано только, что их «не обнаружено». А это значит, что сотрудник, которому было поручено подготовить ответ на моё письмо, мог просто «проглядеть» искомые материалы. Все мы люди, а потому можем ошибаться...

Так что всё *буквально верно*, а по сути – саботаж. Но винить за него сотрудников архива ФСБ я не могу – они действовали, исходя из их понимания «государственных интересов».

Но и без архивных материалов очевидно, что, поскольку в это время начался «второй виток» гонки ядерных вооружений – и в СССР, и в США создавалось термоядерное оружие – создание структур новой «атомной разведки» для СССР стало острой необходимостью.

Дело в том, что «старые структуры», нацеленные на добывание физических и конструктивных секретов создания атомной бомбы, к этому времени были в значительной степени свёрнуты.

Уже добытые сведения позволили развернуть у нас широкий фронт работ. Их эффективность определялась не отсутствием информации о принципах и конструкциях, а только производственно-технологическими факторами.

Яркий пример – информация от Коваля по конструкции нейтронного инициатора. Все идеи, необходимые для его изготовления, были переданы Жоржем в самом начале 1946 года и были известны Курчатову и Харитону, но для их осуществления нужно было иметь, по меньшей мере, ядерный реактор, в котором нарабатывался полоний из висмута. Однако, на момент получения информации от Коваля, ни висмута в достаточных количествах, ни реактора у нас ещё не было.

Поэтому Сталиным и Берией было принято вполне разумное решение и разведке дали команду – «не спешить». Как сообщил в своих мемуарах П. А. Судоплатов,

«мы отдавали себе отчёт, что американская контрразведка подобралась довольно близко к нашим источникам информации и агентуре, обслуживающей их. Оперативная обстановка резко осложнилась. Когда был запущен наш первый реактор в 1946 году,⁴⁸² Берия приказал прекратить все контакты с американскими источниками».⁴⁸³

Конечно, Курчатову, которого НКВД к тому времени «посадило на информационную иглу», это было неприятно. Но скандал с предательством Гузенко вызывал опасения, что американцы, до той поры не верившие в быстрый успех нашей атомной программы, вдруг осознают её истинный масштаб и предпримут какие-то жёсткие меры (вплоть до – нельзя этого исключать! – террористических!), чтобы помешать нам в её осуществлении. Так что приказ Берии был вполне оправдан, и Курчатову «пришлось претерпеть».

В 1949 году, после явления миру нашей атомной бомбы, сохранившиеся элементы «атомной разведки», конечно, нужно было защитить от неизбежного всплеска американской подозрительности. Но направленная на это операция «Звонок в посольство» сорвалась. Не думаю, однако, что это была единственная операция такого плана и трудно сказать, насколько успешными были другие варианты чекистских «громоотводов» от действовавших в США наших «атомных разведчиков».

А к 1953–1954 годам изменились задачи – не столь остро стояли научные вопросы (наши физики были уже «на уровне», а во многих вопросах и впереди американцев), но результаты

⁴⁸² Это случилось 25 декабря 1946 года. Так что «сворачивание» работы советской атомной разведки стало реализовываться в начале 1947 года и «процесс консервации» продолжался, как я думаю, в течение всего этого года.

⁴⁸³ Судоплатов П.А., «Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы», ОЛМА-ПРЕСС, М., 2005 г., стр. 340.

испытаний, технологии, конструкции, объёмы производства, дислокация – всё это было жизненно важным. И нужно было создавать новые структуры «атомной разведки». Они нуждались в «пространстве для маневров», которое, конечно же, «минировалось» американской контрразведкой и, прежде всего, ФБР. И создавать ложные цели, направлять на тупиковые пути деятельность этой организации, конечно же, было необходимо. Именно этим целям и послужила операция «Перебежчик-1954», фактически «ремейк» операции «Звонок в посольство».

Это была действительно масштабная дезинформационная операция. Кроме собственно «перебежчика» в ней принимали участие и некоторые другие разведывательные структуры, в том числе работавшие с Дельмаром в 1940–1948 гг. Они «ненавязчиво» подбрасывали ФБР информацию и дезинформацию, которые отвлекали американскую контрразведку от действительно актуальных задач на очередные поиски следов деятельности «Жоржа Абрамовича Ковалея» – таинственного и загадочного советского агента, успешно преодолевшего все защитные механизмы атомных секретов.

Раскрытие тайны его успехов должно было, по мнению руководства ФБР, обезопасить новые секреты и предотвратить их «утечку» в СССР. Конечно, это был миф – в успехе Дельмара как «атомного разведчика» роль ГРУ была минимальной, а предотвратить результаты вмешательства «Его Величества Случая» невозможно. Но именно поэтому укрепление этого мифа и было главной целью операций КГБ «Звонок в посольство» и «Перебежчик».

Эвереттический «эффект информационного затмения» позволяет выявить некоторые волокна тогдашних ветвлений альтерверса Жоржа. Приведу один пример реконструкции событий в таком волокне, в которой участвовали родственники Жоржа.

Голда и Гарри Гурштели в диалогах с ФБР

Первое интервью с Голдой Гурштель, проведённое агентами ФБР Harry H. Whidbee и William G. Carpenter, состоялось только 21 мая 1956 года в городе Sherman Oaks, Калифорния.⁴⁸⁴ Поскольку «собеседование» происходило после того, как прошли опросы в Сью-Сити, о которых Голда и Гарри Гурштели наверняка узнали от своих сью-ситинских друзей и знакомых, они имели возможность хорошо подготовиться к встрече с агентами ФБР.

И в первом же разговоре Голда честно рассказала, что семья Абрама Ковалея уехала в СССР в 1932 году, что она с мужем в 1936 году посетила их в России, и что с тех пор *«она не получала от них вестей уже более двадцати лет»*. Но говорить подробнее она отказалась, и попросила отсрочить продолжение разговора до возвращения отсутствовавшего дома в этот день Гарри Гурштеля.

Интервью продолжилось через три дня, 24 мая, агентами Chester C. Orton и Harry H. Whidbee. В дополнение к сказанному Голдой, Гурштели утверждали, что в 1932 году Ковали уехали из Сью-Сити на поезде в Нью-Йорк, где сели на корабль неизвестного им названия, и уплыли в Россию. При этом они помнят, что желание уехать именно в Биробиджан было у Абрама *«задолго до 1932 года»*.

О своей поездке 1936 года они сообщили, что пробыли у Ковалей неделю, причём *«в это время Жорж и Исая Коваль помогали своему отцу в колхозе»*, а младший, Габриель, отсутствовал, поскольку как раз в это время после окончания школы *«был в каникулярном путешествии»*.

Как видно, Гурштели почему-то скрывали от агентов и учёбу Жоржа в МХТИ (при этом шли на прямую ложь, утверждая, что Жорж в это время работал в колхозе), и поступление туда Гейби. На мой взгляд, это явный отголосок выполнения инструкций органов НКВД, кури-

⁴⁸⁴ «Interview of HARRY and GOLDIE GURSHTEL», сайт ФБР, <https://archive.org/stream/GeorgeAbramovichKoval/George%20Abramovich%20Koval%20Part%2002%20of%204#page/n11/mode/2up> (вх. 21.04.20). В дальнейшем все цитаты, связанные с этим интервью, приводятся в моём переводе из этого источника без специальных ссылок.

ровавших эту их поездку, об информации, которую они должны были публично сообщать по возвращению в Америку в 1936 году.

Гурштели утверждали, что после их возвращения в Америку они поддерживали переписку с Абрамом в течение 1937 года, после чего «*никаких ответов на письма, написанные ему, они не получали*». ⁴⁸⁵ Так же уверенно они утверждали, что «*по их сведениям, никто из семьи Ковалей так и не вернулся в Америку*».

Когда им предъявили фотографию Жоржа Коваля, сделанную в марте 1948 года, они «*не смогли его узнать... и сомневаются, что они узнают его из-за того, что прошло много времени с тех пор, как они видели его в 1936 году*».

Это – либо очередная ложь, вытекающая из их утверждения, будто Жорж помогал отцу летом 1936 г. в колхозе, либо – чистая правда, но тогда следует сделать вывод, что они виделись с ним не в колхозе, а в Москве, где Гурштели были проездом из Польши в Икор. Это имеет косвенное подтверждение от самого Жоржа. В «Автобиографии» 1939 г., составленной Жоржем для «органов» при его вербовке в 1939 году, он написал «*У меня была связь с тетти и-де Гурителль Гольдой, и Гарри, которая потом прервалась...*». ⁴⁸⁶

Я склонен думать, что в «нашей истории» вторая ветвь альтерверса («ложь или правда» в ответе Гурштелей) вероятностно более «толстая».

Но такая трактовка их показаний означает, что в 1936 году во время московской встречи Гурштелей и Жоржа, НКВД «вело» именно Гурштелей, а Жорж был «вне игры», и о том, что она ведётся «органами», ничего не знал. А его признание в «Автобиографии» «связи» с Гурштелями в 1936 году было в 1939 году расценено «органами» как успешное прохождение проверки на лояльность и честность.

Гурштелей же в инструктаже перед отъездом из СССР просили по возвращении в США умалчивать о пребывании в Москве и учёбе в престижном ВУЗе Жоржа и Гейби, поскольку в 1936 году и Жорж и Гейби уже были потенциальными «кандидатами в игроки».

Сразу после того, как Гурштели «не узнали» Жоржа по фотографии, Голда почему-то сообщает, что последнюю попытку связаться с Абрамом «*она предприняла в начале января 1956 года*». Что заставило её сделать это после 20 лет прекращения переписки? Думаю, это было вызвано тем, что, узнав «по своим каналам» об опросе агентов ФБР о Жорже в Сью-Сити, Голда и Гарри уже по каналам связи с КГБ попросили инструкций о своём поведении на предстоящих беседах с представителями ФБР.

Но более вероятно, что ГРУ «по своим каналам», ещё в 1949 году в рамках операции «Звонок в посольство» сформулировало для Гурштелей новую легенду их отношений с Жоржем. А перед началом операции «Перебежчик-1954» уточнило её.

В тех ветвях альтерверса, где это было сделано (верю, что среди них есть и «наша»), ГРУ предупредило и нейтрализовало «хитрость» ФБР. Как следует из материалов следственного дела ФБР, столь поздний визит агентов к Гурштелям (почти через 2 года после начала операции «Перебежчик-1954»!) не был проявлением «ротозейства» ФБР. Скорее, наоборот – в ФБР работали профессионалы сыска и оно хотело разговаривать с Гурштелями «с позиции силы», имея доказательство их «преступной деятельности».

⁴⁸⁵ В деле ФБР после этой отчётной информации агентов приведена любопытная справка: «Законодательное Собрание Калифорнии (Четвертый доклад сенатского комитета по установлению фактов о деятельности антиамериканских организаций, 1948 год, стр. 196), утверждает, что " Биро-Биджан является еврейской коммунистической колонией в Советском Союзе». Обращение к документам Законодательного собрания Калифорнии свидетельствует о том, что даже в 1956 году агентам ФБР было мало что известно о деятельности ICOR и сталинском решении «еврейского вопроса».

⁴⁸⁶ Коваль Ж.А., «Автобиография», цит. по Ю.А. Лебедев, «Два выбора...», изд-во РХТУ, М., 2014 г., стр. 16. Фраза не очень конкретная, но из контекста ясно, что события относятся именно ко времени пребывания Жоржа в Москве.

Поэтому прежде, чем прийти к ним с вопросами, с 1955 года за ними и другими калифорнийскими родственниками Жоржа было организовано негласное наблюдение, а также фиксация их междугородних переговоров и приходящих к ним писем.⁴⁸⁷

Но полученные предупреждения и инструкции ГРУ позволили Гурштелям избежать ловушек ФБР.

В этих инструкциях среди прочего, вероятно, содержалось и указание написать Абраму письмо, ответ на которое нужно было предъявить ФБР. Такой ход КГБ укреплял впечатление о лояльности Голды и Гарри к ФБР и, одновременно, служил каналом вброса в ФБР информации в рамках операции «Перебежчик-1954» – КГБ нужно было «подогревать» интерес ФБР к Жоржу.

«Совершенно случайно» Абрам откликнулся на январское письмо Голды 20 мая, за день до того, как к ней в первый раз пришли агенты ФБР. Именно эта дата стояла на письме, которое Голда получили 15 июня 1956 года. Она тут же позвонила в ФБР и сообщила о получении этого письма. В третий раз её «интервьюировали» 19 июня.

Она сообщила, что узнаёт почерк её брата в этом письме. Двадцать лет Абрам молчал, а на это письмо откликнулся, и рассказал о главных событиях жизни своей семьи за эти 20 лет – о гибели на фронте в 1943 году Гейби, о смерти в 1952 году от рака Этель, о женитьбе Исайи и рождении у него 4 детей и, наконец, о том, что Жорж преподаёт в Химическом институте Менделеева, живёт в Москве с женой Людмилой, но не имеет детей.⁴⁸⁸

Подлинного текста письма Абрама в деле ФБР нет, так что оценить все нюансы этого послания невозможно. Но главное ясно – раскрывается место работы Жоржа, МХТИ. Очевидно, что КГБ тем самым прислало «приглашение в гости» в Менделеевку коллег из американской контрразведки.

В это время в Москве полным ходом шла подготовка к проведению VI Всемирного фестиваля молодёжи и студентов, намеченного на июль – август 1957 года. Фестиваль предполагал участие десятков тысяч иностранных гостей (прибыло фактически около 34000), среди которых, конечно, могли быть не только «прогрессивные студенты», но и профессиональные разведчики. И письмо Абрама открывало перед ФБР соблазнительную перспективу – под прикрытием студенческого Фестиваля непосредственно познакомиться с МХТИ и, возможно, самим Жоржем Ковалем как его преподавателем. А для КГБ это была возможность проверить эффективность хода операции «Перебежчик-1954».

Я не знаю, воспользовались ли в ФБР этой возможностью,⁴⁸⁹ но то, что КГБ готовился к ней, следует из такого «житейского факта» – во время Фестиваля Жоржа в Москве не было. Он

⁴⁸⁷ Так, о звонках Гарри Гурштеля в 1955 году и полученных Гурштелями письмах из Аргентины и Израиля сообщал ФБР «агент Т-1». Телефонная и почтовая слежка продолжалась и после проведения бесед в 1956 году. (Оцифрованная копия дела ФБР «George Abramovich Koval», https://archive.org/stream/GeorgeAbramovichKoval/George%20Abramovich%20Koval%20Part%2001%20of%204_djvu.txt (вх. 26.04.20)).

⁴⁸⁸ В подлиннике слова Голды: «GEORGE KOVAL is now in Moscow teaching in the Chemical (?) Institute of Mendelaiv. He lives with his wife LUDMILA (? Sp), but has no children» (Дело ФБР «George Abramovich Koval», <https://archive.org/stream/GeorgeAbramovichKoval/George%20Abramovich%20Koval%20Part%2002%20of%204#page/n15/mode/2up> (вх. 22.04.20)).

⁴⁸⁹ В нашей ветви альтерверса, скорее всего, нет. Я сужу об этом потому, что и два года спустя после московского Фестиваля в ФБР ещё не знали московского адреса Жоржа. Этим вопросом они интересовались 28.09.59 во время «интервью» о результатах поездки Гарри и Голды Гурштелей в Европу в 1959 году. Голда рассказала интервьюерам из ФБР о телефонном разговоре из Киева с Жоржем (оттуда они собирались поехать в Москву, но не смогли этого сделать из-за того, Гарри в Киеве заболел и они вынуждены были вернуться в США). Разговор происходил по телефону МХТИ (!), и в ходе этого разговора Жорж не сообщил им своего московского адреса. (Дело ФБР «George Abramovich Koval», <https://archive.org/stream/GeorgeAbramovichKoval/George%20Abramovich%20Koval%20Part%2004%20of%204#page/n267/mode/2up> (вх. 22.04.20)). Но я не исключаю и такого «конспирологического» варианта трактовки событий и самой поездки Гарри и Голды, и «неудачи» в проведении их встречи с Жоржем, в котором вся эта эпопея была организована КГБ в рамках всё той же операции «Перебежчик». При этом и ФБР приняло участие в этой организации – ему было нужно получить адрес Жоржа, по которому Госдеп прислал бы Жоржу официальное предложение явиться в посольство США для объяснения условий получения Советского гражданства. Так что спонсировали эту поездку оба ведомства – и КГБ и ФБР. Но в этой игре «сорвал куш» всё-таки КГБ ©...

отдыхал на Чёрном море, в Кудепсте. Если какой-то агент ФБР и искал Жоржа в фестивальной Москве, то эти поиски были обречены на провал – в это время он наслаждался южным солнцем и тёплым морем в тысячах километров от неё:

10.14. В волнах прибоя, Кудепста, 1957 г.⁴⁹⁰

Вот что вспоминает А. Г. Макаров, тесно общавшийся с семьёй Жоржа в это время:

*«Я другого такого отъезда на Юг не помню – и сейчас думаю, что эта поездка могла быть связана с проведением в то же время в Москве Фестиваля молодежи. Чтобы ему <Жоржу> не светиться среди массы иностранцев...».*⁴⁹¹

⁴⁹⁰ Источник фото: Семейный архив Макаровых, получено от А.Г. Макарова, e-mail от 06.04.19:14.48.

⁴⁹¹ Ibid. Предположение о том, что эта поездка была вызвана необходимостью «укрыть» Жоржа от внимания безусловно присутствовавших на фестивале сотрудников американских спецслужб, Андрей Глебович высказал на издательской презентации первого издания настоящей книги 29.03.19. (Заседание семинара клуба «Универсум», репортаж телеканала «День ТВ», сайт YouTube, 08.04.19, <https://www.youtube.com/watch?v=ID06v1rwglc> (вх.14.01.20)). Полный текст воспоминаний

Где, когда и у кого возникла идея этой поездки, как именно КГБ участвовал в её организации, знал ли об этом Жорж (или это была очередная счастливая случайность, которыми так изобилует его биография?) – неизвестно. Но это и неважно – ведь таких нитей, укрепляющих волокна операции «Перебежчик», наверняка было множество.

Тот факт, что «дело Ковалея» не было закрыто ФБР по крайней мере до 1978 года (а, наверняка, много позже) – ещё одно свидетельство успеха этой сложной операции.

Американские волокна...

Отвечая на мои вопросы о том, когда было закрыто «дело Ковалея», А. Шитов сообщил, что

*«Последняя дата – 4 мая 1978 года. Как раз после Солженицына. Судя по моим пометкам, агент ФБР, отдававший бумаги, сказал, что дело на тот момент считалось не закрытым, а приостановленным за неактивностью / pending and inactive/».*⁴⁹²

Ранее А. Шитов рассказывал, что это был *предпоследний* том дела ФБР о Ковале.

*«Последний том, по словам представителей Бюро, у них куда-то затерялся».*⁴⁹³

То, что операция «перебежчик» ПГУ КГБ была действительно сложной и долговременной, подтверждается таким рассказом А. Шитова:

*«Вручая мне тома следственного дела Ковалея, представитель ФБР посоветовал обратить внимание на "любопытные показания" некоего перебежчика из ГРУ. Надо полагать, имелась в виду докладная записка на имя директора ФБР от 5 ноября 1962 года...».*⁴⁹⁴

Почему представитель ФБР рекомендовал российскому журналисту обратить внимание на этот фрагмент понятно. Из него как бы следует, что весь ажиотаж вокруг деятельности разведчика Ковалея, присвоение ему звания Героя в России – не более, чем «пропагандистская шумиха». Мол, ничего важного он у американцев не выведал.

Такое представление роли Жоржа в оценке эффективности работы советской разведки характерно не только для сотрудников американских спецслужб (для них это естественно – затрагивается «честь мундира!»), но и для «рядовых» участников Манхэттенского проекта – для них признание самого факта «измены» одного из членов рабочей команды проекта, вне зависимости от значимости переданной им информации, бросает тень на «патриотичность» всего коллектива.

Это я почувствовал во время доклада Роя Глаубера по теме «Бомба своими руками», устроенного 15 июля 2013 года Центром «Digital October» («Цифровой Октябрь»)⁴⁹⁵. Сегодня Глаубер – один из известнейших физиков-теоретиков, лауреат Нобелевской премии по физике 2005 года, а во времена Манхэттенского проекта был

А.Г. Макарова приведён в гл.16 настоящей книги.

⁴⁹² Письмо А. Шитова ко мне, e-mail от 30.10.14:05.54

⁴⁹³ А. Шитов, «Герой России остался гражданином США», Российская газета, 04.06.2008 г., цит. по <https://rg.ru/2008/06/04/koval.html>

⁴⁹⁴ Ibid.

⁴⁹⁵ «Цифровой Октябрь» – «это многофункциональная площадка в центре Москвы, на которой встречаются профессионалы технологической, деловой и образовательной среды...» (<http://digitaloctober.ru/ru/about>)

настолько успешным второкурсником Гарвардского университета, что был приглашён в проект и «занимался расчётом критической массы бомбы».⁴⁹⁶

В своём рассказе о работе в Лос-Аламосе Глаубер сказал:

*«...я не слышал о шпионаже в Лос-Аламос. Но мне почему-то кажется, что на Ялтинской конференции Сталин мог знать о нашей бомбе больше, чем Трумэн...».*⁴⁹⁷

После его доклада я задал ему вопрос о том, почему он считает, что Сталин знал больше Трумэна, и что, в связи с этим, он думает о роли советского разведчика Жоржа Ковалья в раскрытии секретов Манхэттенского проекта. И, к моему удивлению, получил ответ – он вообще ничего не знает о существовании такого разведчика!

10.15. Ю. А. Лебедев на докладе Р. Глаубера 15.07.2013 г.⁴⁹⁸

Этот ответ поразил меня тем, что наш диалог состоялся через шесть лет после громкого скандала, разразившегося в США в связи с присвоением Жоржу звания Героя России. Вряд ли Глаубер не слышал об этом, но вот публично обсуждать наличие в Манхэттенском проекте «изменников» он не захотел.

⁴⁹⁶ «Глаубер, Рой», Википедия, https://ru.wikipedia.org/wiki/Глаубер,_Рой.

⁴⁹⁷ Рой Глаубер, «Бомба своими руками», http://www.digitaloctober.ru/ru/events/roy_glauber_vospominaniya_o_yadernoy_ere

⁴⁹⁸ Источник фото: скриншот из репортажа Яны Яковлевой, Елены Фёдоровой, Ильи Фомина от 16.07.13 о докладе Р. Глаубера в рубрике «Новости культуры» на канале «Россия. Культура», <https://yandex.ru/video/search?text=%D0%A0%D0%BE%D0%B9%20%D0%93%D0%BB%D0%B0%D1%83%D0%B1%D0%B5%D1%80.%20%D0%91%D0%BE%D0%BC%D0%B1%D0%B0%20%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B8%D0%BC%D0%B8%20%D1%80%D1%83%D0%BA%D0%B0%D0%BC%D0%B8> (вх. 25.03.19. В настоящее время ссылка не работает).

Тогдашние мои недоумения прояснились при дальнейшей работе по теме атомного шпионажа в Манхэттенском проекте. Оказалось, что у Глаубера есть свой «Skeleton in the closet»,⁴⁹⁹ относящийся именно к работе в проекте.

Вот что содержится в материалах знаменитого досье КГБ «Энормоз»:

*«В начале 1945 г. в разговоре Млада⁵⁰⁰ со своим товарищем по университету – Рой Граубером,⁵⁰¹ работающим также в Заповеднике⁵⁰² и проживающим вместе с Младом, Граубер выразил недовольство тем, что английское и амер. правит-ва сохраняют работы по Э. в строгом секрете от С. С. и добавил, что он сообщил бы о работах нашим представителям, если бы представилась к этому возможность. Млад сделал намек, что им кое-что предпринято в этом направлении и в свою очередь спросил, а что Рой намерен предпринять практически для осуществления своего желания. Рой струсил и начал отказываться от своих слов, а через две недели даже уехал из комнаты Млада и с тех пор прекратил дружбу с ним. Млад выражает уверенность, что Граубер не донесет на него, т. к. он близок по своим настроениям к Стару⁵⁰³ и Младу, но на решительные действия, связанные с риском, не способен. Его переезд из комнаты Млада говорит за то, что он хочет стоять в стороне от “опасных знакомств”».*⁵⁰⁴

Размышляя о своих неосторожно сказанных словах, Глаубер, вероятно, вспомнил содержание по-американски броского стенда «наглядной агитации», стоявшего на территории центра:

⁴⁹⁹ «Скелет в шкафу» (англ. Skeleton in the closet или Skeleton in the cupboard) – английское идиоматическое выражение, означающее определённый скрываемый факт биографии (личный, семейный, корпоративный и т. д.), который в случае его обнаружения способен нанести урон репутации». (Википедия, «Скелет в шкафу», https://wiki.sc/wikipedia/Скелет_в_шкафу (вх.23.03.19)). И ни об одном известном мне человеке я не мог бы с уверенностью сказать – в его шкафу никаких скелетов нет...

⁵⁰⁰ Млад – оперативный псевдоним физика и агента внешней разведки СССР Теодора Холла.

⁵⁰¹ Явная описка – нужно «Глаубером».

⁵⁰² Оперативное наименование Лос-Аламоса.

⁵⁰³ Стар – оперативный псевдоним агента внешней разведки СССР Сэвилла Сакса.

⁵⁰⁴ Архив ФСБ, Дело 82702 т.1 “Энормоз”, стр.342. Цит. по сайту «Wilson Center. Digital Archive International History Declassified», А. Васильев, «VASSILIEV YELLOW NOTEBOOK #1», <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112856> стр. 25 (вх. 23.03.19).

10.16. Стенд на территории исследовательского центра Манхэттенского проекта в Лос-Аламосе. Надпись гласит: «*Что вы видите здесь, что вы делаете здесь, что вы слышите здесь, когда вы уходите отсюда, пусть это останется здесь*».⁵⁰⁵

Конечно, Глаубер колебался – сообщать или нет о состоявшемся разговоре в службу безопасности. Но, поскольку высказанное им в разговоре с Младом намерение было искренним, Глаубер действительно «не донёс», однако московский Центр был весьма обеспокоен этим эпизодом. В шифротелеграмме от 4 июля 1945 г. было сказано:

*«Причиной случая с Граубером, к-й следует рассматривать как провал Млада, является совершенно недостаточная работа Алексея с агентурой по разработке Эн-з. Предложено провести с ним воспитат-ю беседу».*⁵⁰⁶

Обеспокоенность была так велика, что даже возникло сомнение о возможности продолжения работы с Младом:

*«В связи с делом Граубера – невозможность организации встречи Млада с нашим о/р».*⁵⁰⁷

Но, всё-таки, пошли на риск. И он оправдался – в нашей ветви альтерверса продолжение этой работы агентом «Лесли» принесло ей – Леонтине Терезе Коэн – в конечном итоге звание Героя России.

«По-человечески» я очень понимаю Роя Глаубера в диалоге со мной. Поднятая мной тема явно дисгармонировала с романтическим пафосом его воспоминаний о «героической молодости». А тут ещё и «скелеты в шкафу» (точнее, в «кагэбешном» деле «Энормоз»), о которых я тогда ничего не знал...

⁵⁰⁵ Источник фото: Рой Глаубер, «Бомба своими руками», http://www.digitaloctober.ru/ru/events/roy_glauber_vospominaniya_o_yadernoy_ere (вх. 25.03.19). Ссылка на сайт доклада Р. Глаубера стала бездействующей, поэтому привожу другую: «On Bombs, DNA & Blockchain», сайт «medium.com» <https://medium.com/mpg-research-communications/on-bombs-dna-blockchain-c818140be732> (вх. 27.02.20).

⁵⁰⁶ Архив ФСБ, Дело 82702 т.1 “Энормоз”, стр. 343. Цит. по сайту «Wilson Center. Digital Archive International History Declassified», А. Васильев, «VASSILIEV YELLOW NOTEBOOK #1», <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112856> стр. 26 (вх. 23.03.19). О проведённой беседе отчёта нет, но её смысл достаточно ясен. Да и вряд ли текст этой беседы мог быть приведён в любой открытой публикации по причине использования в ней яркой обценной лексики.

⁵⁰⁷ Ibid.

Понятно, что всякий разговор о Жорже с американцами вызывает у них чувство неловкости и психологическое стремление «принизить» значимость результатов его работы.

Операция «Перебежчик-1962»

Эта успешная операция ПГУ КГБ, продолжившая описанную Солженицыным операцией «Звонок в посольство», ещё не нашла своего отражения в художественной литературе. Когда это случится, читатель получит захватывающую детективную новеллу. Пока же я изложу её основной сюжет.

Начать его можно с одного из документов дела ФБР «George Abramovich Koval»:

«Меморандум агента SAC, Нью-Йорк, директору ФБР от 20.12.61

Тема: Георгий Коваль, шпионаж – Россия

*Михаил Варфоломеевич Дзюмага (Micael Bartholomew Dzumaga),
шпионаж – Россия*

Раскрытые дела были вновь открыты для рассмотрения в свете опыта, накопленного в связи с незаконными советскими агентурными операциями в незавершенных расследованиях [ценз. изъятие] ESP-R. и [ценз. изъятие] ESP-R.

*Предполагая, что и ДЖОРДЖ КОВАЛЬ, и МАЙКЛ ДЗЮМАГА действовали как незаконные советские агенты в США в начале 1940-х годов, можно предположить, что некоторые из их успешных методов прикрытия будут использованы советскими нелегалами, действующими в настоящее время в этой стране. Не исключено, что тщательный обзор известной деятельности как Ковалья, так и Дзюмаги позволит предложить определенные методы логического подхода к проблеме советских нелегалов в США».*⁵⁰⁸

С этого меморандума начинается новое расследование «Дела Ковалья». Это первый конкретный результат операции «Перебежчик-1962».

Но, разумеется, он является следствием более ранних событий – появления у руководства ФБР новых источников информации о советском атомном шпионаже. Когда именно появились эти источники и каковы они, по имеющимся в открытом доступе документам дела ФБР (а других открытых источников по этой теме просто нет) определить очень трудно.

То, что за новыми сведениями о Жорже, за сведениями о новых лицах разведки ГРУ стоит новый и очень серьёзный источник ясно видно из Меморандума ФБР от 18.05.62:

«К: Ответственному специальному агенту, Нью-Йорк (SAC) (65–21756)

От: Специального агента (SA) [цензурное изъятие]

*Тема: Литвин (имя настоящее), нелегальный советский агент в Соединённых Штатах с 1938 по приблизительно 1952 год, в настоящее время работает в Центре ГРУ в Москве».*⁵⁰⁹

В меморандуме, где появляются сведения о новом серьёзном советском разведчике Литвине, предварительно обсуждаются условия использования информации, полученной от этого источника. Это обсуждение показывает, что от нового источника ожидалось получение серьёзной, квалифицированной и **многоплановой** информации:

⁵⁰⁸ Дело ФБР «George Abramovich Koval», <https://archive.org/stream/GeorgeAbramovichKoval/George%20Abramovich%20Koval%20Part%2002%20of%204#page/n385/mode/1up> (вх. 27.04.20).

⁵⁰⁹ Дело ФБР «George Abramovich Koval», <https://archive.org/stream/GeorgeAbramovichKoval/George%20Abramovich%20Koval%20Part%2002%20of%204#page/n401/mode/1up> (вх. 27.04.20).

*«Классификация конфиденциальности будет адекватна для материала, предоставленного [цензурное изъятие] в случае, когда информация относится к советским гражданам и её можно перефразировать. Но некоторая информация, предоставленная этим источником, в силу самого его характера, требует самой высокой степени секретности, поскольку её раскрытие любым посторонним лицам могло бы иметь серьезные последствия для международных отношений и для национальной безопасности».*⁵¹⁰

Отметим, что имя этого источника цензурируется в тексте документа, тогда как имя Литвина оставлено в его заголовке!

Дело ФБР «George Abramovich Koval» документ объёмный, хаотичный, бюрократичный (содержит в основном меморандумы и формальные отчёты агентов, в нём почти отсутствуют первоисточники), к тому же сильно «прореженный» цензурными изъятиями.

С точки зрения эвереттической истории это клубок обрывочных и перепутанных ветвлений альтерверса, поэтому оценить вероятностную достоверность любой реконструкции последовательности ветвлений и их склеек, не представляется возможным.

В этих условиях я полагался только на свою интуицию. Но это позволило получить одну из логически обоснованных реконструкций.

Очевидно, что стратегический замысел операции «Перебежчик-1962» состоял в том, чтобы дезориентировать ФБР в поисках советских агентов. Тактически это означало, что было нужно «принизить» роль Ковале как атомного разведчика путём введения в игру новых лиц, реально работавших с Жоржем, и «размыть» лица уже известных ФБР советских разведчиков 1940-х годов.

Для этого следовало дезавуировать показания «Перебежчика-1954» и, если они всплывут, материалы операции «Звонок в посольство» 1949 года. И когда Информатору («перебежчику-1962») американцами была показана фотография Б. Лассена и сообщено, что это эмигрант, родившийся в России, который возглавлял REC в 1940–1949 гг., информант сообщил, что

*«не знает названия Raven Electric Company (REC) и не узнал фотографию Лассена».*⁵¹¹

Когда его стали спрашивать о Ковале, сообщив имеющуюся в ФБР информацию о нём (служба в армии, работа в Ок-Ридже, учёба в CCNY, предполагаемый оперативный псевдоним Аршанский (Arshansky)), он сказал, что

*«...смутно вспоминает имя Коваль, а вот псевдонима Аршанский не знает...».*⁵¹²

И вообще, на основании представленной информации и своих воспоминаний он считает, что

*«несомненно, Коваль – это Литвин».*⁵¹³

Тем самым вопрос о том, кто же в 1940-х годах был «главным атомным шпионом», снова запутывался и требовал от ФБР нового разбирательства. Прежняя связка «Коваль – Лассен»

⁵¹⁰ Ibid.

⁵¹¹ Дело ФБР «George Abramovich Koval», <https://archive.org/stream/GeorgeAbramovichKoval/George%20Abramovich%20Koval%20Part%2002%20of%204#page/n405/mode/1up> (вх. 28.04.20).

⁵¹² Дело ФБР «George Abramovich Koval», <https://archive.org/stream/GeorgeAbramovichKoval/George%20Abramovich%20Koval%20Part%2002%20of%204#page/n406/mode/1up> (вх. 28.04.20).

⁵¹³ Ibid.

в этом качестве оказывалась сомнительной. И тут нужно было указать фэбеевцам на новый предмет их разработок.

В качестве такой «приманки» и были выбраны М. В. Дзюмага и З. В. Литвин. Чем был обоснован выбор именно этих разведчиков ГРУ, реально работавших в Нью-Йорке по атомной тематике вместе с Жоржем, мне пока неизвестно.

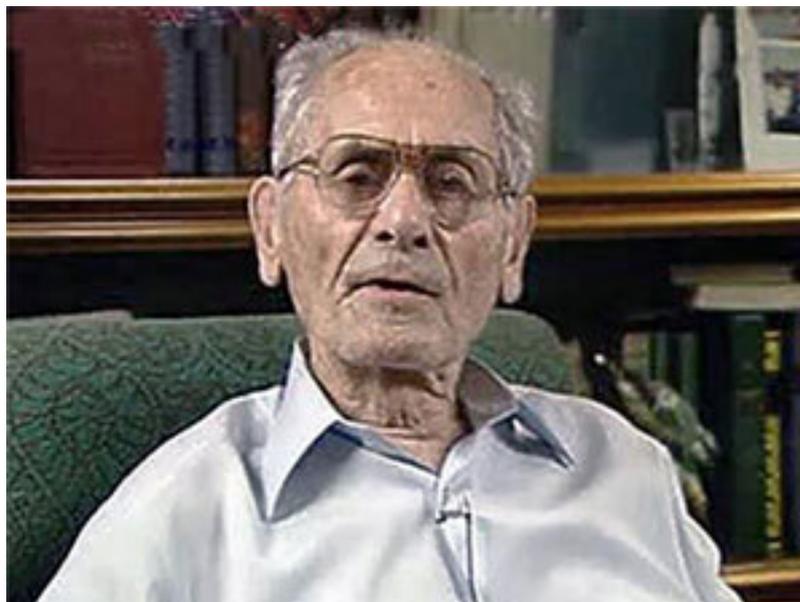
Никаких данных о М. В. Дзюмаге в открытых источниках обнаружить не удалось. Но то, что на стенде в музее ГРУ, где представлены портреты А. Адамса и Ж. Коваля, его портрета нет, свидетельствует, что его роль в выполнении задания Жоржа была не слишком велика.

Но об этом знали в Москве, а в Нью-Йорке в 1962 году сведения о каждом новом участнике советского «атомного шпионажа» 1940-х годов вызвали большой интерес, поскольку, как надеялись в ФБР, позволяли обнаружить и «залатать» те дыры в системе охраны атомных секретов, через которые они утекали к советской разведке.

Результаты работы ФБР по поиску сведений о М. В. Дзюмаге тоже скромные. Удалось установить, что он родился 02.08.14, регистрировался по закону Берка-Уодвордса, имел оперативный псевдоним «Папа» (Papa), работал в REC в июне 1943 года и жил в Нью-Йорке по нескольким адресам.⁵¹⁴

Это означает, что в момент расследования (1962 год) Дзюмаге было 48 лет и он вполне мог, как и Жорж, в это время жить в СССР. А поиск информации о нём в советском Союзе – это сложная, затратная и опасная для ФБР задача. Как развивались события в этой ветви альтерверса – тема отдельного будущего исследования.

Поиск по второму «сданному» разведчику – Л. З. Литвину – по открытым отечественным источникам оказался более успешным:

10.17. З. В. Литвин. 1990 г.⁵¹⁵

⁵¹⁴ Дело ФБР «George Abramovich Koval», цифровая копия, https://ia801001.us.archive.org/2/items/GeorgeAbramovichKoval/George%20Abramovich%20Koval%20Part%2002%20of%204_djvu.txt (вх. 27.04.20).

⁵¹⁵ Источник фото: Виктор Харитонов, «Как сын верхнеудинского продавца стал разведчиком-нелегалом, руководившим всей резидентурой США», сайт «МК-Улан-Уде», <https://ulan.mk.ru/articles/2017/01/25/kak-syn-verkhneudinskogo-prodavca-stal-razvedchikomnelegalom-rukovodivshim-vsey-rezidenturoy-ssha.html> (вх. 28.04.20). В 1990 г. о З.В. Литвине был снят слуховой фильм, кадр из которого и представлен в источнике.

«Литвин Залман Вульфович («Мулат»)… Нелегальный резидент военной разведки в США под именем польского эмигранта Игнасия Самуэля Витчака (1937–1945)… Вынужден покинуть страну в ноябре 1945 после предательства шифровальщика аппарата военного атташе в Канаде И. Гузенко… С 1946 работал в Европе, до 1953 преподавал в ВДА СА. В начале 1953 уволен из академии и из армии. Научный сотрудник ИМЭМО АН СССР – РАН (1956–1993).»⁵¹⁶

Залман Вульфович был «раскрыт» в наших СМИ как разведчик ещё при жизни и о нём написаны и статьи, и книги. Но о его участии в операции «Перебежчик-1962» (как, впрочем, и о самой этой операции ☺) не упоминается нигде.

Поскольку это была операция КГБ в то время, когда Литвин был уже уволен из ГРУ, важно отметить, что с КГБ Литвин «был знаком» ещё во времена своей службы в ГРУ. Более того, КГБ спасло его от провала в США в 1945 году:

*«За Литвиным, по его рассказам, была установлена откровенная круглосуточная слежка. Буквально чудом, **используя возможности "соседей"** <выделение автора цитаты – Ю. Л.> (так называли друг друга разведчики из ГРУ и КГБ), Литвину удалось оторваться от преследования агентов ФБР и благополучно покинуть территорию США… в резервном паровом котле (!) океанского лайнера».⁵¹⁷*

И ещё одна важная в данном случае информация:

«… в ИМЭМО работала немногочисленная, но довольно внушительная по составу группа ветеранов советской Разведки – КГБ и ГРУ».⁵¹⁸

Учитывая всё это, следует признать, что при планировании в КГБ операции «Перебежчик-1962», идея использовать в ней Литвина была плодотворной находкой аналитиков КГБ. Литвин – настоящий грушник и как «приманка» выглядел в этой игре очень естественно. При этом – не исключаю! – он, также как и Жорж, мог и не подозревать о своём участии в этой операции.

А вот другая «находка» плана этой операции кажется мне весьма рискованной, хотя и оказавшейся удачной.⁵¹⁹ Я имею в виду следующее.

«Развенчание» роли Ковале должно было быть аргументировано более конкретно. ФБР провело уже огромную работу, и «закрыть» её только указанием на других участников атомного шпионажа вряд ли было возможно – Коваль в глазах ФБР уже был крупной фигурой советской разведки.

И поэтому новый Информатор некоторое время спустя после заявления о своих «смутных» знаниях о Жорже вдруг «вспомнил» важные подробности.

«… он вспомнил человека по имени Георгий Коваль, который работал в США нелегальным агентом ГРУ (военной организации). Информатор заявил, что информация о Ковале была сообщена ему неким Котовым, которого

⁵¹⁶ В.М. Лурье, В.Я. Кочик, «ГРУ. Дела и люди», издательский дом «Нева» С.-Пб., издательство «Олма-Пресс», М., 2002, стр. 423.

⁵¹⁷ zlobnig_v_2, «Приложение № 1 – Мятёжный полковник», сайт ЖЖ, 22.12.13:19.00, <https://zlobnig-v-2.livejournal.com/256297.html> (вх. 28.04.20).

⁵¹⁸ Ibid.

⁵¹⁹ Впрочем, эта моя оценка скорее характеризует мой дилетантизм в делах разведки, малую осведомлённость о деталях операции, и, поэтому, неспособность понять смысл замыслов её разработчиков.

*Информатор назвал начальником отдела кадров 10-го отдела (научно-технического) Первого управления КГБ в Москве».*⁵²⁰

Вот эта ссылка на Котова⁵²¹ и КГБ должна была, как мне кажется, насторожить американцев – почему «перебежчик» из ГРУ ссылается на данные КГБ и почему вообще в КГБ есть какая-то информация о нелегале ГРУ?

Но первоначально эти вопросы не вставали – слишком важные факты стали доступны ФБР. Вот что сообщается неизвестным аналитиком ФБР (А. Шитов прав – соответствующие страницы дела существенно «прорежены» цензурой) о состоявшемся разговоре с Информатором 24 сентября 1962 года. Со ссылкой на Котова Информатор доложил:

*«... Котов описал КОВАЛЯ как высокого человека, с черными волосами, еврея по национальности, который носил очки и говорил на «ужасном» русском языке. Котов рассказал Информатору, что КОВАЛЬ находился в США до 1948 или 1949 года, после чего вернулся в Советский Союз. КОТОВ также заявил, что КОВАЛЬ, в то время, когда находился в США, боялся работать в качестве нелегального агента и поэтому просто "ничего не делал". КОТОВ отметил, что организация ГРУ потратила очень много денег на финансирование КОВАЛЯ пока он был в США и немалые деньги на подготовку его к исполнению своих обязанностей. Но ГРУ ничего не получило от него в ответ. Результаты КОВАЛЯ были практически нулевые. По возвращении в Советский Союз КОВАЛЬ подал заявку на поступление на факультет Технологического института им. Менделеева в Москве. Первоначально его ходатайство было отклонено, но впоследствии ему был предоставлен место после телефонного звонка в Институт члена ЦК ВКП(б), который приказал, чтобы КОВАЛЬ был принят в штат преподавателей. КОВАЛЬ в настоящее время является доктором наук в Менделеевском технологическом институте и преподавателем на кафедре Общей химической технологии».*⁵²²

Отмечу, что этот документ фактически подтвердил описанную мною в главке «Легализация» гл. 6 картину сложного и дорогостоящего процесса легализации Жоржа под собственным именем – «ГРУ потратила очень много денег на финансирование КОВАЛЯ пока он был в США и немалые деньги на подготовку его к исполнению своих обязанностей».

Множество живых подробностей в тексте свидетельствует о том, что Котов действительно был в курсе дел Жоржа, а его информация о результатах работы Коваля получена из достоверных источников.

При этом Информатор очень тонко манипулирует фактами для поддержания достоверности информации. Так, «бесславное увольнение» Жоржа из ГРУ подаётся как доказательство его профессионального бессилия:

«Эта информация показала провал КОВАЛЯ в его незаконной агентской деятельности в США... Если информация, предоставленная информатором,

⁵²⁰ Дело ФБР «George Abramovich Koval», <https://archive.org/stream/GeorgeAbramovichKoval/George%20Abramovich%20Koval%20Part%2002%20of%204#page/n416/mode/1up> (вх. 29.04.20).

⁵²¹ Я попытался как-то идентифицировать личность Котова. Из открытых источников я смог извлечь только «смутные подозрения», что за Котовым из дела ФБР может стоять «Юрий Васильевич Котов, бывший сотрудник ПГУ КГБ СССР, полковник СВР РФ в отставке» («Евгению Максимовичу <Примакову – Ю.Л.> всегда было присуще хорошее чувство юмора, которое он ценил также в других людях», сайт wtmoscow.ru, <https://wtmoscow.ru/pressroom/prodolzhaya-rabotu-e-m-primakova/neizvestnyy-primakov/yuriy-kotov> (вх. 29.04.20).

⁵²² Дело ФБР «George Abramovich Koval», <https://archive.org/stream/GeorgeAbramovichKoval/George%20Abramovich%20Koval%20Part%2002%20of%204#page/n417/mode/1up> (вх. 29.04.20).

верна, можно предположить, что КОВАЛЬ с позором вернулся в Советский Союз...»⁵²³

Сообщение в целом породило в ФБР радужные надежды на то, что через «дыры» в системе безопасности Манхэттенского проекта, обнаруженные в связи с расследованием по Ковалю, ничего существенного не утекло:

«Информация о том, что Коваль бездействовал во время своего пребывания в США, имеет важное значение, поскольку предполагалось, что его шпионская деятельность была, по всей вероятности, связана с его армейской командировкой на атомную установку в Ок-Ридже, штат Теннесси, 1944–45 гг.»⁵²⁴

Для нас же важно отметить, что даже в 1962 году ФБР считало основным источником возможной утечки информации через Ковалья его «службу в армии США на Атомной установке в Оук-Ридже», тогда как главный его успех состоялся в Дейтоне.

Это означает, что и через 17 лет после того, как Дельмар открыл Курчатову секрет американского НЗ, ФБР даже не догадывалось об этом.

Но анализ «антуража достоверности», проведённый в ФБР, столь радужным не был.

С одной стороны, вскрылись очень любопытные подробности отношений советских спецслужб – из сообщения, например, следовало, что КГБ имеет в ГРУ своих агентов на всех уровнях иерархии (знает и реальное мнение руководства о Жорже, и достаточно конфиденциальные его жизненные обстоятельства).

Но, с другой стороны, вызывало недоумение то, что КГБ использовало свои тайные возможности в отношении столь неудачливого агента ГРУ. Откуда узнал об этом «начальник отдела кадров 10-го отдела (научно-технического) Первого управления КГБ»? Вряд ли этот отдел осуществляет тайные операции КГБ в ГРУ. А если Коваль «ничего не добыл» в своей работе, зачем сообщать об этом Котову? И в ФБР не могли не задуматься над самым очевидным простым вопросом – даже если Котову как-то случайно удалось узнать нечто о Жорже, зачем вообще Котов сообщил всё это Информатору? И чем объясняется то, что «провальный агент» Коваль в делах житейских имеет поддержку члена ЦК ВКП(б)?

Очевидно, что поиск ответов на эти вопросы потребовал от ФБР больших усилий. Что и было нужно организаторам операции «Перебежчик-1962»!

Прагматический расчёт этой тактики КГБ прост – слова и этого «перебежчика» в ФБР начнут перепроверять и снова окажутся в тупике – ведь Коваль действительно имел доступ к важнейшим секретам Манхэттенского проекта! И теперь ПГУ КГБ пытается через переданную «перебежчиком-1962» информацию ослабить внимание к нему со стороны ФБР. Перед ФБР стояли действительно сложные вопросы.

А ведь ответ на них был прост. Все мы знаем его по тексту популярной песни В. С. Высоцкого:

Враг не ведал, дурачина, – тот, кому все поручил он,
Был чекист, майор разведки и прекрасный семьянин.⁵²⁵

⁵²³ Дело ФБР «George Abramovich Koval», <https://archive.org/stream/GeorgeAbramovichKoval/George%20Abramovich%20Koval%20Part%2004%20of%204#page/n293/mode/2up> (вх. 23.04.20).

⁵²⁴ Дело ФБР «George Abramovich Koval», <https://archive.org/stream/GeorgeAbramovichKoval/George%20Abramovich%20Koval%20Part%2004%20of%204#page/n287/mode/2up> (вх. 23.04.20).

⁵²⁵ Владимир Высоцкий, «Песня-пародия на плохой детектив», сайт «Коллекция текстов песен», <http://www.lyricshare.net/ru/vladimir-vyisockiy/pesnya-parodiya-na-plohoj-detektiv.html> (вх. 27.04.20).

10.18. Почтовая открытка из Аргентины – Морис Коваль⁵³⁰

⁵³⁰ Источник фото: ДСАЖАК, оригинал.

10.19. Почтовая открытка из Аргентины, оборот.⁵³¹

Вероятно, американские спецслужбы обнаружили (или им помогли обнаружить...⁵³²) связь Абрама Коваля со своим братом по линии ИКОРа. В Буэнос-Айресе также действовала ячейка этой организации.⁵³³ И это пример того, как тонко (и далеко! ☺) по ложному пути могли направить сотрудников ФБР и ЦРУ их кукловоды из ПГУ КГБ.

Сказанное об «успехе» операции «перебежчик» относится к деятельности ПГУ КГБ. А как это отразилось на Жорже и его семье? Его родственники в США, конечно, были вынуждены как-то оправдываться и даже сотрудничать с ФБР, но сильно не пострадали – слишком много прошло времени и слишком мало доказательств их причастности к работе Жоржа удалось выявить ФБР. А уж о возможном их участии в операции КГБ «Перебежчик» нечего и говорить – ФБР вообще не подозревало о проведении этой операции ☺.

Вот «официальные» сведения о сотрудничестве американских родственников с ФБР, ставшие доступными СМИ в результате частичного рассекречивания дела «George Abramovich Koval»:

«Его родная тетя с мужем – Голди и Гарри Гуриштели, успевшие к тому времени перебраться из Сиу-Сити в калифорнийский Лос-Анджелес, получили и отнесли в ФБР письмо из России от Абрама Коваля, отца Джорджа, проживавшего на Второй Волчаевской станции в колхозе им. XVIII съезда партии в Хабаровском крае. В письме, в частности, сообщалось, что

⁵³¹ Ibid.

⁵³² Совершенно точно такую «помощь» оказала Голда Гуриштель, которая в беседе с агентами ФБР 24 мая 1956 года сказала о том, что «в Аргентине в Сан Гаэтано (San Gayetano) живёт её брат, Мойша Коваль (Moische Koval), также известный как Моррис Коваль (Morris Koval), возраста около 80 лет, со своим сыном Фабио Ковалем (Fabio Koval)». При этом она добавила, что никакой информации о связях аргентинского Мойши и российского Абрама она не имеет. (Дело ФБР «George Abramovich Koval», <https://archive.org/stream/GeorgeAbramovichKoval/George%20Abramovich%20Koval%20Part%2002%20of%204#page/n13/mode/2up> (вх. 21.04.20)). А это означало, что возможность таких связей ФБР должно было проверить...

⁵³³ ГАРФ, ф. Р9498, оп.1, д.477

*Джордж живет в Москве с женой Людмилой и работает в МХТИ имени Менделеева».*⁵³⁴

А вот что узнал А. Шитов о «правовой реакции» ФБР на «дело Ковалея»:

*«Я спрашивал человека, отдававшего мне папки, был ли кто-либо в США задержан и привлечен к ответственности по делу Ковалея, проводилась ли оценка ущерба по этому делу, были ли выявлены и наказаны люди, по чьей вине произошел контрразведывательный провал. Ответ на все вопросы был одинаковым – "не был", "не проводилась", "не были". "Мы ведь даже не знаем, что именно могло через него «утечь», – сказал представитель ФБР о советском разведчике. – У него же был допуск к информации высшей для нашего правительства категории секретности».*⁵³⁵

А что об этом думал Жорж?

Что касается самого Жоржа, то он, в большинстве доступных моему воображению ветвлений своего альтерверса, хотя и не знал о своём «заочном» несении службы на благо родины, чутьём разведчика ощущал опасность своего положения.

Судя по тем обрывкам легенд, которые мне довелось слышать от долго знавших его сотрудников кафедры ОХТ МХТИ им. Д. И. Менделеева, где он проработал около 30 лет, целый ряд эпизодов свидетельствует – он знал об интересе к нему со стороны американских спецслужб. И долго боялся «активных проявлений» этого интереса.

Самой яркой иллюстрацией этого является пересказанный Л. В. Гришиным⁵³⁶ один его разговор с Жоржем Абрамовичем начала 60-х годов.

В этом разговоре Жорж Абрамович признался, что когда ему плохо спалось у себя дома на Большой Ордынке 14 (а это старый и в те времена ветхий дом), каждый скрип большой деревянной лестницы, ведущей с первого на второй этаж дома, вырывал его из сна и вызывал чувство страха – «Не за мной ли идут? И кто – «наши» или «оттуда»?».

Вопрос о страхах, связанных с его работой в разведке, Жоржу задавали, вероятно, неоднократно. Но мне известен только ещё один его ответ, данный много лет спустя после разговора с Л. Гришиным. И он поразительно схож с приведённым в тексте. Задал его В. С. Суцёв 23.02.2003 г. на нашей встрече с Жоржем Абрамовичем. Вот что рассказал мне об этом сам В. С. Суцёв:

«А автограф на книге о Дельмаре я получил на нашей встрече с Жоржем 23 февраля 2003 года. И на этой встрече я задал ему вопрос, который тогда очень интересовал меня. Я прямо спросил его: «Жорж Абрамович! Как Вы себя чувствовали там, в Америке, зная, что являетесь для окружающих «врагом»? И Вас всякий американец мог просто убить, если бы узнал о Вашей деятельности. И он был бы героем, потому что Вы – враг...». Он так как-то немножечко передернулся и ответил: «Я там просыпался от всякого стука... Ты ведь был у нас на Ордынке? (А я действительно там был один раз вместе с Генкой – зачем-то мы приезжали туда. Огромная, старая коммунальная квартира). Там жило много народу, и всякий, проходящий ночью по коридору, производил какой-то шум и скрип. И я просыпался от этого шума. Вот точно

⁵³⁴ А. Шитов, «Герой России остался гражданином США», Российская газета, 04.06.2008 г., цит. по <https://rg.ru/2008/06/04/koval.html>

⁵³⁵ Ibid.

⁵³⁶ Л.В. Гришин, доц. каф. ОХТ МХТИ им. Д.И. Менделеева, «народный историк» кафедры.

также я просыпался и в Америке...». То есть, скажу я теперь от себя, страх у него там был постоянный!

Ю. Л. Стоп! Я никогда у Жоржа на Ордынке не был. Мне очень интересно, что это была за квартира. Попробуй мысленно воспроизвести свои впечатления о ней.

В. С. Хм... Это был просто кошмар! Какие-то лестницы, которые шатаются влево-вправо, антресоли, каждая ступенька скрипит, куда-то Гена меня ведет, а мне кажется, что там одни лестницы, как на старинном корабле... Кажется, что сейчас здесь забегают матросы, заскрежещут якоря и паруса... Кто-то уже копошится внизу, тусклые лампочки почти не дают света. Короче – кошмар!»⁵³⁷

И только после переезда на новую квартиру на Мичуринском проспекте в начале 60-х годов эти страхи стали исчезать.

Так что «тени от длинных рук ФБР», порождённые успехом операции ПГУ КГБ «перебежчик» и распоряжением Э. Гувера от 27 августа 1954 года, многие годы перекрещивались в его беспокойных снах с тенями «мозолистых рук НКВД-МВД», тянувшихся к нему из 1949–1953 годов.

И теперь можно с большей достоверностью восстановить ответ В. Лоты на вопрос Жоржа о «солженицынской загадке». Владимир Иванович мог рассказать Жоржу об операции КИ «звонок в посольство» и, тем самым, как-то извинить молчание ГРУ при проведении этой операции в 1949 году. Ведь тогда операция сорвалась, и предупредить Жоржа было не о чем и незачем.

А вот по поводу операции ПГУ КГБ «перебежчик», начавшейся в 1954 году (если Жорж не знал о ней...), Владимир Иванович только развёл руками – мол, извините, Жорж Абрамович, это работа другой «конторы», ГРУ за неё не отвечает!

И понятно, почему Жорж Абрамович не раскрыл 23 февраля 2003 года перед нами, его бывшими студентами, этого секрета, отделавшись своим стандартным лукавым ответом: «Я не знаю, откуда он это взял?».

⁵³⁷ «Беседа 06.11.13 с Владимиром Сергеевичем Сушевым, к.т.н., зав. отделом ОАО «НИУИФ», архив автора. См. Гл. 16.

10.20. Жорж Абрамович отвечает на вопросы своих «младших учеников» 23.02.03 г.⁵³⁸

Ведь «так получилось», что, совершенно не спрашивая его согласия, чекисты из КИ при молчаливой поддержке ГРУ в 1949 году попытались сесть на спину черепахи ФБР и, размахивая у неё перед носом «морковкой» – именем разведчика Георгия Коваля – направлять это медлительное бюрократическое пресмыкающееся по нужным им дорогам. Первая попытка не удалась. Получилось со второй.

Жорж Абрамович во время встречи 23 февраля 2003 года готов был отвечать перед нами за свои слова и дела, но за кукольный образ «морковки Георгия Коваля» он отвечать не хотел.

Так что на сегодняшний день «загадка Солженицына» в той ветви альтерверса, которая проявилась в моей памяти, раскрывается так: «втюханный» американцам со второй попытки «муляж агента Дельмара» долгие годы и десятилетия служил интересам советской (и российской!) внешней разведки во всех её «мундирах» – ГРУ ГШ, КИ, ПГУ КГБ, СВР. И, судя по

⁵³⁸ Источник фото: Архив автора. Фото Ю.А. Лебедева.

упорному молчанию архивов всех этих органов, продолжает служить этим интересам и после смерти Жоржа Абрамовича...

Я употребил не вполне литературное причастие «втюханный». Интернетовский «Викисловарь» определяет его значение так: простонародное, «продать какую-либо бесполезную, ненужную вещь».⁵³⁹ И для американской разведки «муляж Дельмара» вещь действительно бесполезная, а вот для советской (российской) разведки – это весьма ценный инструмент дезинформации противника. И то, что американцы заплатили за этот муляж значительную цену – годы бесполезной работы своей агентуры – это, конечно, большой успех ГРУ и всех его премников – КИ, ПГУ КГБ, СВР...

А следы каких других ветвей альтерверса хранят архивы и внутренние миры других членов метавидуума моих современников, время покажет. Конечно, они могут сильно отличаться от описанной мной. Вот, например, когда с материалами этой главы познакомился один из моих «хорошо информированных источников», он написал мне следующее:

«Эвереттика – удобная наука. Она позволяет утверждать, что любое событие произошло в каком-то из вариантов. Однако, если смотреть на ту историю, которая случилась, то фрагмент не стыкуется с рядом фундаментальных и бесспорных для всех, кто не только занимался темой, но и знаком <с> архивными материалами <и> серьезными публикациями на этот счет.

*Благодаря успехам операции Венона, американцы к началу 49 г. отдавали себе отчет о масштабах советского ядерного шпионажа, как это называют одни, и сотрудничества советских и американских ученых еврейского происхождения, занятых атомной тематикой, как называют другие. Поскольку американские спецслужбы были просто наипигованы людьми, сочувствующими СССР,⁵⁴⁰ то советская разведка узнала о масштабах провала лишь через несколько дней после того, как об этом было доложено Трумэну. Тогда же было принято решение наиболее ценных агентов, а также в полном смысле нелегалов – граждан СССР, быстро вывезти из Америки всеми возможными путями. Поскольку советская разведка знала, что некоторые ключевые люди, как Гарри Голд и Клаус Фукс не просто находятся под подозрением, а определены как советские шпионы, то **ими было решено пожертвовать** <подчёркнуто мною – Ю. Л.>, как и многими другими. Поскольку Гуверу – неопытному контрразведчику и профессиональному борцу с производством нелегального спиртного, было не с руки сразу признаваться, что он в годы войны проспал гигантскую разведсеть, то ФБР дало возможность значительной части разведчиков покинуть США, а взяла только иностранцев. На это повлияло также то, что благодаря жене Коненкова, которая была любовницей Эйништейна и советским агентом,*

⁵³⁹ «Втюхать», Викисловарь, <https://ru.wiktionary.org/wiki/втюхать>

⁵⁴⁰ Это прекрасно понимали наиболее проницательные представители руководства США, такие, например, как генерал Уильям Джозеф Донован. О его позиции агент «Кох» в шифровке от 11.12.44 пишет в Центр: «Донован очень умный парень: он готов схватиться с каждым (невзирая на лица), если видит преимущества на своей стороне... В настоящее время, как говорит Донован, УСС и русские обмениваются информацией, и сам Д-н находится в хороших взаимоотнош-х с главой НКВД. Д. постоянно твердит, что президент и его советники допустили большую глупость, что отклонили первоначальный план Д. <План предусматривал обмен миссиями УСС и НКВД в Москве и Вашингтоне – Ю.Л.>; он указывает, что в США имеется свыше 1000 сов. людей, к-е работают в Ваш-не и к-е, вероятно, выполняют работу для НКВД. Поэтому не было бы ничего плохого в допущении нескольких официальных представителей сов. разведки в США, где они будут находиться под наблюдением». (Архив ФСБ, дело 28612 «Диктор», т.1, стр.397. Цит. по сайту «Wilson Center. Digital Archive International History Declassified», А. Васильев, «White Notebook #1», стр.97, <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112564>, (вх. 08.04.19)).

удалось добыть документальные сведения о том, что Гувер, по крайней мере, в 30 гг. был гомосексуалистом. А это в те годы в США был приговор. Соответственно никаких хитрых операций с подставами и провокациями и борьбой НКВД и ГРУ, которые описаны, в реальности не было. Вообще в сталинские времена никто в службах и помыслить не мог о вражде друг с другом. Это вам не Адольф Алоизович с борьбой Гестапо и Абвера.

Что касается эпизода, про который Вы пишете, то он связан с историей, которая, насколько я понимаю, до сих пор еще не нашла своих описателей. Ключевой момент этой истории – отказ СССР поддержать план Баруха. Физики-евреи по обе стороны океана работали совместно и передавали СССР информацию в уверенности, что план Баруха будет поддержан. Но это – совсем другая история, время для которой еще не пришло».⁵⁴¹

Это – очень важные соображения для будущего «метаисторика», который сможет составить полную и «объёмную» карту альтерверса Жоржа. Поэтому я ответил своему корреспонденту так:

«Если Вы обратили внимание, я написал: «Да и теперь, спустя более чем 11 лет, я не уверен, что найденное сегодня, при работе над этой книгой, волокно альтерверса, в котором в 1955–1958 гг в романе «В круге первом» появляется разведчик Георгий Коваль, является самым «толстым», т. е. наиболее вероятным». Судя по Вашей аргументации, Вам представляется, что ветвь, в которой «...в сталинские времена никто в службах и помыслить не мог о вражде друг с другом» является более «толстой» в эвереттическом смысле. Тут спорить не о чем – пока эвереттика не найдёт количественных методов оценки «толщины волокон», каждый ценит «на глаз». И очень важно в этот переходный период от «принципиальной» к «количественной» эвереттике удерживаться в рамках толерантности. Ведь – Вы правильно отметили! – эвереттика «позволяет утверждать, что любое событие произошло в каком-то из вариантов». И, поверьте, я буду только искренно рад, если кто-то рассмотрит эту историю в рамках той ветви, которая кажется Вам более вероятной».⁵⁴²

Новые эвереттические волокна операции «Звонок в посольство» (О «деле Фукса»)

Сегодня, после знакомства с новыми материалами по теме, считаю необходимым представить читателю информацию об обнаруженных новых волокнах, входящих в ткань этой операции.

Вместе с Жоржем (практически одновременно, но независимо от него) важнейшую информацию советской разведке поставлял и такой видный участник Манхэттенского проекта, как Клаус Фукс. На его примере хорошо видно, на волосок от каких бед находился Жорж в ходе своей «командировки» в результате возможных ошибок как своих, так и резидентуры. И никакие заслуги не могли его спасти в ситуации, когда, по выражению моего компетентного источника, Центром «было решено пожертвовать...» этим разведчиком «в интересах дела».

⁵⁴¹ Компетентный источник, e-mail от 24.07.17 20:10

⁵⁴² Ю.А. Лебедев, ответ компетентному источнику, e-mail от 24.07.17: 20.19

О степени информированности «советской разведки» в 1945 году по поводу угрозы провала Фукса можно судить по тому, что плодотворная работа с ним продолжалась в США вплоть до 1947 года через Г. Голда, а потом, вплоть до 1949 года – в Англии через А. Феклисова.⁵⁴³

Историю ареста Фукса 02.02.50⁵⁴⁴ и последовавшей вслед за ним цепочке провалов Голда, Грингласа и Розенбергов Л. Р. Квасников окончательно выяснил уже после освобождения Фукса из английской тюрьмы и его переезда в ГДР. Это произошло 28 мая 1960 года, во время встречи в ресторане «Пекин» в ходе визита Фукса в СССР по приглашению Академии Наук СССР.

А начать расследование причин провала Фукса тот же Квасников 15 марта 1950 года предполагал через

*«изучение брата Ч.<Фукса – Ю. Л.> Герхарда Ф<ук>са с целью его вербовки и организации его поездки в будущем в Англию для свидания с Ч. и выяснения у него обстоятельств его провала».*⁵⁴⁵

Тогда поездка «не сложилась». Была у Центра версия, высказанная известной разведчицей Урсолой Кучински («Соня»), которая была связной Центра при работе с Фуксом:

*«Мнение “Сони” о Ч. <Фуксе> сводится к следующему: в полит-м отношении он оказался слабым человеком; людей он очевидно не назвал по гуманным соображениям. Все его признание исходит не из злого умысла, а благодаря полит-му недомыслию».*⁵⁴⁶

Но сам Квасников «по горячим следам» дела, особенно после получения из Парижской резидентуры копии разъяснительного письма МИ-5 французской контрразведке об обстоятельствах добровольной явки Фукса с повинной, давал гораздо более жёсткую характеристику. Вот его резолюция на шифротелеграмме из Парижа:

*«Резол-я Квасникова: Как видно, перерождение Ф. произошло полное. 22.12.50».*⁵⁴⁷

И эта оценка действовала долго. Даже после освобождения из тюрьмы в 1959 году Фукс не был принят в СССР и вылетел в ГДР.

⁵⁴³ «Фукс Клаус», сайт СВР, <http://svr.gov.ru/history/fx.htm> (вх. 26.03.19).

⁵⁴⁴ Об этом факте сразу же, 5 февраля, Председатель КИ В.А. Зорин письменно доложил Сталину с заверением в том, что «Арест Ч. <Фукса> нами тщательно расследуется с целью подробного выяснения причин и обстоятельств его провала» (Архив ФСБ, Дело 84490 т.1, стр. 30. Цит. по сайту «Wilson Center. Digital Archive International History Declassified», А. Васильев, «VASSILIEV YELLOW NOTEBOOK #1», <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112856> стр. 91 (вх. 18.01.20)).

⁵⁴⁵ Архив ФСБ, Дело 84490 т.2, стр. 275. Цит. по сайту «Wilson Center. Digital Archive International History Declassified», А. Васильев, «VASSILIEV YELLOW NOTEBOOK #1», <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112856> стр. 88 (вх. 26.03.19).

⁵⁴⁶ Ibid, стр. 279, <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112856> стр. 89 (вх. 26.03.19).

⁵⁴⁷ Архив ФСБ, Дело 84490 т.3, стр. 154. Цит. по сайту «Wilson Center. Digital Archive International History Declassified», А. Васильев, «VASSILIEV YELLOW NOTEBOOK #1», <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112856> стр. 95 (вх. 26.03.19).

10.21. Клаус Фукс в лондонском аэропорту перед вылетом в ГДР⁵⁴⁸

А мнение «Сони» о губительности «политического недомыслия» всё-таки учли: Центром было категорически приказано искоренять его у агентов. В резидентуры пришли «конкретные указания» для проведения такой работы, суть которых сводилась к следующему:

«Необходимо на каждой встрече с агентом выделять достаточное время для проведения обстоятельных полит. бесед, к-е должны носить форму собеседований и протекать в дружеств-й атмосфере. Во время этих бесед нужно настоятельно разъяснять последовательную политику мира, проводимую советским правит-вом; преимущество нашего строя перед капитал-м, показывая на фактическом мат-ле, что в то время как жизненные условия трудящихся в капитал-х странах непрерывно

⁵⁴⁸ Андрей Ведяев, «Ядерная гонка», сайт журнала «Историк», ВЕДЯЕВ<https://xn--h1aagokeh.xn-p1ai/posts/2019/08/28/yadernaya-gonka.html> (вх. 27.02.20).

*ухудшаются, в нашей стране постоянное улучшение матер-го положения населения стало законом».*⁵⁴⁹

Насколько эффективными были такие «политинформации» на конспиративных встречах с агентами-нелегалами,⁵⁵⁰ сказать трудно, но то, что Соня оказалась права в оценке мотивов Фукса, подтвердилось 28 мая 1960 года в ходе личной беседы Квасникова с ним в Москве. Выяснилось, что Фукс действительно добровольно признался следователю в сотрудничестве с советской разведкой, поскольку, по словам из отчёта Квасникова о встрече, Фукс

*«...в тот период сделал для себя вывод о нарушении в Сов. Союзе принципов демократии и о неправильном отношении Сов. Союза к странам нар-й дем-тии. Следствием этих ошибочных взглядов явилось его мнение о том, что его сотрудрн-во с нами явилось ошибкой».*⁵⁵¹

О важности этой информации говорит тот факт, что она сразу же была доложена Председателем КГБ А. Шелепиным в специальной записке Н. С. Хрущёву. В ней он писал:

*«...выяснение интересующих нас в-сов было проведено с соблюдением известного такта. Ему <Фуксу> была выражена признательность за помощь, оказанную им Сов. Союзу в прошлом. Одновременно было высказано большое сожаление в том, что его признания привели в то время к большому провалу...».*⁵⁵²

И действительно, «такт» (чувство меры) был соблюден: советский «приговор» Фуксу так и остался без запятой в суперпозиции состояний «Казнить нельзя наградить».

Это состояние оценки работы Фукса фактически повторяет состояние оценки работы Коваля в течение многих десятилетий после его увольнения из ГРУ.

⁵⁴⁹ Архив ФСБ, Дело 84490 т.2, стр. 289–290. Цит. по сайту «Wilson Center. Digital Archive International History Declassified», А. Васильев, «VASSILIEV YELLOW NOTEBOOK #1», <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112856> стр. 90 (вх. 26.03.19).

⁵⁵⁰ Сюрреалистичность атмосферы таких конспиративных встреч ощущается и при знакомстве с антуражем их организации. Так, при «передаче» Фукса из «ведения» ГРУ в «ведение» НКВД в 1944 году конспиративная встреча для его извещения о перемене куратора была обставлена так: «Для установления связи с “Рестом” <тогдашний оперативный псевдоним Фукса – Ю.Л.> – явка в Н-Й. Место встречи: у входной двери (at the front door of Henry Street Settlement, in Henry Street, Down Town, East End, Jewish Quarter, NY). Время: в 16.00 в 1 и 3 суб. каждого месяца, начиная с янв. 44 г. Опознават. знаки: у “Реста” – зеленая книга и теннисный мяч. Наш человек: на руках перчатки. Третью перчатку несет в одной из рук. Наш чел.: What is the way to the China Town? “Рест”: I think the China Town is closed at 5 o'clock. Место встречи – хорошо известный евр. благотвор-й центр». (Архив ФСБ, Дело 40159 т. 3, «Письмо Маю <вероятно, опечатка, нужно «Мая» – Ю.Л.> – Антону от 29.01.44», стр. 355–356. Цит. по сайту «Wilson Center. Digital Archive International History Declassified», А. Васильев, «Black Notebook», стр. 111, <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112860>, стр.111 (вх. 12.06.19)). Абсурдную заумь этой процедуры в нью-йоркской резидентуре НКВД хорошо понимали (там уже работал Л.П. Квасников!), но «плетью обуха не перешибешь», и приходилось принимать этот абсурд к исполнению: «“Примечание. С нашей точки зрения явка разработана очень неудачно. Периодическое появление в определенные дни и ожидание в течение некоторого времени в одном и том же месте человека с такими необычными предметами, как указанные, могут легко привлечь к себе внимание каждого. Тем не менее нужно следовать принятым условиям встречи”» (Ibid, стр. 112). И ведь правы были чекисты! Встреча с Фуксом состоялась, но только через несколько месяцев, в апреле: «“Гусь” восстановил связь с “Рестом”» (сообщение об этом после 26.04.44, Ibid), и, значит, «Гусь» по нечётным субботам каждого месяца безуспешно прогуливался с тремя перчатками по Генри-стрит, посматривая на перекрёсток с Раджестер-стрит – не появится ли господин с зелёной книгой и теннисным мячиком в руках? – по меньшей мере, раз пять или шесть, рискуя прослыть местной достопримечательностью для постоянных посетителей еврейского благотворительного центра.

⁵⁵¹ Архив ФСБ, Дело 84490 т.5 “Брас” – Клаус Фукс, Справка о встрече с «Брасом», стр. 45. Цит. по сайту «Wilson Center. Digital Archive International History Declassified», А. Васильев, «VASSILIEV YELLOW NOTEBOOK #1», <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/112856>, стр.64 (вх. 26.03.19)

⁵⁵² Ibid, стр. 49, архив стр. 66.

Атомные крохотки в жизни А. И. Солженицына

Во всех ранее обсуждавшихся версиях попадания Жоржа в роман Солженицына автор романа рассматривался как случайный свидетель событий и *невольный соучастник* чекистской операции «Звонок в посольство». Но в пучке нитей, связывающих события этой операции с нашим настоящим, есть такие узелки и переплетения, которые пока не поддаются однозначному логическому распутыванию, «тёмные места», проще говоря, своего рода информационные суперпозиционные кластеры.

В творческом наследии Александра Исаевича есть цикл миниатюр разных лет под общим названием «Крохотки»⁵⁵³. Эта литературная конструкция является своеобразным калейдоскопом – литературные «камушки» создают в ней орнаментальную мозаику событий, пейзажей и образов России во всех форматах – от сугубо реалистического до абсолютно конспирологического. При этом каждый читатель волен сам создать из них новую картину, «встряхнув» трубу калейдоскопа импульсом, соответствующим его собственному пониманию законов связи отдельных смальтов.

С точки зрения эвереттической истории, тема «атомной бомбы» в романе «В круге первом» обязательно должна отражать опыт автора романа в виде некоторой событийной мозаики эпизодов его реальной жизни. Такие «атомные эпизоды» я нашёл, но определить «объективные законы связи» их друг с другом, и то, как внешние обстоятельства (в нашем случае – причастность к «делу Коваля») влияют на складывающуюся историческую картину, я не могу, и потому оставляю за каждым читателем право и возможность создать свои версии «атомного взаимодействия» мультивидуумов Солженицына и Коваля как в жизни, так и на страницах романа. (Это будет практическим упражнением составления суперпозиционных информационных кластеров описания системы мультивидуумов Солженицына и Коваля с помощью историко-эвереттического калейдоскопа ☺).

Вот несколько камушков для закладки в этот калейдоскоп.

1. Эпизод со звонком в американское посольство, по утверждению самого А. И. Солженицына, был ключевым при зарождении замысла романа:

*«Дело было, как описано в “Круге”...: он <Л.З. Копелев – Ю. А.> открыл мне тайну, чтобы завлечь меня в его группу, а я отказался наотрез. Но у меня в тот самый момент сверкнуло, что это – потрясающий сюжет для романа, и я спросил его о подробностях, сколько он мне сказал (**Фамилии “Иванов” не назвал**)».*⁵⁵⁴

Иными словами, связка «атомная бомба – разведчик Коваль – звонок в посольство» оказалась тем зародышем, из которого вырос текст романа. Но почему Солженицын «отказался наотрез» работать с Копелевым? Разведчик Коваль его не интересовал (о чём позднее и сказала мне Наталья Дмитриевна: Коваль, Плотник, Пекарь – какая разница?). А что сам Солженицын *знал* тогда об атомной бомбе и звонке в посольство и чего боялся в связи с этим?

2. Писатель знал, что атомная бомба у нас уже делается, причём даже какой государственной структурой и под чьим руководством. В одной из самых авторитетных биографий А.

⁵⁵³ «Крохотки», Википедия, <https://ru.wikipedia.org/wiki/Крохотки> (вх. 29.06.19).

⁵⁵⁴ Солженицын А.И., «Письмо Никифорову С.Н. от 04.02.1993 г.», опубликовано в статье Никифорова С.Н. «Каким он был, таким он и остался», журнал «Наш современник», 2000 г., № 11, стр.218, цит. по статье А.В. Островского, «Солженицын, КГБ, крушение СССР», стр. 457 в сб. научных трудов «De Secretis/O Секрете», (сост. А.И. Фурсов), Товарищество научных изданий КМК, 2-е изд., М., 2017.

И. Солженицына – книге Л. А. Сараскиной, удостоенной многих литературных премий, процитирован такой отрывок из его письма к жене (Н.А. Решетовской):

*«У нас тут имеются сведения, – сообщил он жене в конце мая, – что при СНК создано специальное 1-е управление под руководством Берия, которое ни на что не взирает в борьбе за создание атомной бомбы. Нужен заключённый – его освобождают и посылают туда, куда им требуется».*⁵⁵⁵

В фундаментальной работе А. В. Островского тот же «факт-камушек» приобретает определённую окраску:

«... как явствует из книги Л. Сараскиной, «в конце мая» 1946 г. А. И. Солженицын писал жене: «У нас тут имеются сведения, что при СНК создано специальное 1-е управление под руководством Берия, которое ни на что не взирает в борьбе за создание атомной бомбы. Нужен заключённый – его освобождают и посылают туда, куда им требуется».

*Все письма заключённых передавались на волю в незапечатанном виде и проходили перед отправкой проверку. Как же из лагеря могло уйти письмо, в котором упоминалось совершенно секретное «1-е управление» и фигурировала фамилия его первого начальника Л. П. Берия? Более того, поскольку решение о создании упоминаемого А. И. Солженицыным управления имело совершенно секретный характер, оно было известно только очень узкому кругу лиц, ещё уже был круг лиц, которым было известно, что общее руководство по созданию советской атомной бомбы действительно возглавляет Л. П. Берия. Каким же образом всё это знал заключённый А. И. Солженицын, который находился в лагунке, занимавшемся обычным строительством, и вряд ли знал даже фамилию начальника своего СМУ (строительно-монтажного управления)?».*⁵⁵⁶

3. Знал дипломированный выпускник физико-математического факультета Ростовского университета А. И. Солженицын и технические аспекты проводимой работы. И не «вообще», а конкретно, по самому полному (но, конечно, без «ключевых» деталей) описанию конструкции будущей «нашей бомбы». Знал из описания её американского прототипа в книге Г. Д. Смита.⁵⁵⁷

Этот «камушек» весьма угловатый, «многогранный», подробно описан А. В. Островским.⁵⁵⁸ Мы ещё вернёмся к нему позже, поскольку история знакомства с этой книгой ведущих специалистов советского атомного проекта весьма тесно соприкасается с разведческой работой Жоржа. Здесь же нужно только отметить, что Солженицын узнал об этой книге и получил её в апреле 1946 года в числе самых первых читателей из числа учёных, непосредственно не занятых в атомном проекте.

4. Что же касается тех страхов, которые могли возникнуть у *писателя* Солженицына, в голове которого после сообщённой ему Копелевым тайны «сверкнуло, что это – потрясающий сюжет для романа», то это были не только «человеческие», но, прежде всего, «писательские»

⁵⁵⁵ Сараскина Л.И., «Александр Солженицын», изд-во «Молодая гвардия», М., 2008, цит. по сайту эл. библиотеки «E-Libra», <https://e-libra.ru/read/166296-aleksandr-solzhenicyn.html> (вх. 30.06.19).

⁵⁵⁶ Островский А.В., «Солженицын, КГБ, крушение СССР», стр. 448–449 в сб. научных трудов «De Secreto/О Секрете», (сост. А.И. Фурсов), Товарищество научных изданий КМК, 2-е изд., М., 2017., цит. по сайту эл. библиотеки «itexts.net», <https://itexts.net/avtor-aleksandr-nikolaevich-ostrovskiy/252334-de-secreto-o-sekrete-aleksandr-ostrovskiy/read/page-45.html> (вх. 30.06.19).

⁵⁵⁷ Смит Г.Д., «Атомная энергия для военных целей», Трансжелдориздат, 1946 г.

⁵⁵⁸ Островский А.В., «Солженицын, КГБ, крушение СССР», стр. 451–452 в сб. научных трудов «De Secreto/О Секрете», (сост. А.И. Фурсов), Товарищество научных изданий КМК, 2-е изд., М., 2017.

страхи. Этот потрясающий сюжет оказывался невоплотимым в художественной форме из-за его абсолютной секретности. Человеческие страхи понятны – если бы Солженицын принял предложение Копелева, он должен был дать такую же подписку, какую дал Копелев:

*«... Л.З. Копелев не только дал подписку о неразглашении, но и был предупреждён, что в случае её нарушения его будут судить не по 121 ст. УК РСФСР, предусматривавшей наказание за разглашение государственной тайны до трёх лет, а по ст.58–1, за измену Родине».*⁵⁵⁹

А подписка обрекала на невыносимые творческие муки – зная ТАКОЙ сюжет быть не в состоянии воплотить его в текст романа?! Добровольно пойти на это Солженицын, конечно, не мог.

Подобных «камушков» в литературной солженицыниане читатель при желании может найти ещё немало. Лично меня эксперимент с «эвереттическим калейдоскопом» и «атомными камушками» Солженицына привёл к совершенно неожиданной конспирологической ниточке альтерверса с элементами мистики и фантастики в духе Эксперимента, описанного А. и Б. Стругацкими в «Граде обречённом»: Александр Солженицын предстал прототипом Андрея Воронина.

Итак, Город Стругацких – это «Архипелаг ГУЛаг», астроном Воронин Стругацких – это капитан Солженицын, таинственные Наставники, руководящие действием в Городе Стругацких – это таинственные Наставники, руководящие действием в городах «Архипелага ГУЛаг». И главное правило восприятия окружающего:

*«Всё странное, происходящее вокруг, герои, за неимением достоверных сведений, вынуждены объяснять для себя фразой «Эксперимент есть Эксперимент».*⁵⁶⁰

После «перенесения» в «Архипелаг ГУЛаг» капитан Солженицын становится не простым зеком, а зеком, знающим о секретном советском атомном проекте и готовящим себя к тому, чтобы принять в нем участие. Наставники поощряют это его стремление, но по каким-то причинам не дают ему осуществиться.

Возможные события в этой «литературной» ветви альтерверса стали мне более ясны после беседы с Анатолием Борисовичем Максимовым – профессиональным разведчиком и писателем.⁵⁶¹

В этой ветви возникла ниточка событий, в которой больному ссыльному Солженицыну, направленному в госпиталь в Ташкент, в начале марта 1954 года кто-то из Наставников, знающих, что Солженицын серьёзно занялся писательством, аккуратно подбросил идею написать роман о шарашке с упоминанием о Ковале. Мол, Вы знаете материал, а теперь, после политического разоблачения врага народа Берии, нужно дать и художественное разоблачение его вредительской политики. И «для достоверности» и «освежения памяти» Солженицыну даже предоставили некоторые материалы из «дела о звонке в посольство».

Почему для исполнения этой части сценария дезинформационной игры был выбран именно Солженицын? Совпало многое – и писательство, и участие в работе шарашки, и то, что в какой-то «спецкартотеке», которую наверняка использовали организаторы этой игры, Солженицын числился как «ядерный физик».⁵⁶²

⁵⁵⁹ Ibid, стр. 459.

⁵⁶⁰ Стругацкие А. и Б., «Град обречённый», роман 1972 года, опубликован в 1988–1989 годах в журнале «Нева» и в 1989 году отдельным книжным изданием. Цит. по изложению «Град обречённый (Роман)», Википедия, [https://ru.wikipedia.org/wiki/Град_обреченный_\(роман\)_\(вх.03.06.19\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Град_обреченный_(роман)_(вх.03.06.19)).

⁵⁶¹ См. отчёт о беседе в гл. 16. Эту беседу можно считать ещё одним камушком, участвовавшим в возникновении рассматриваемой конспирологической ниточки альтерверса.

⁵⁶² Вот что пишет об этом сам Солженицын: «Я забыл совсем, что полгода назад в наш лагерь приехал какой-то тип и

Цель, которую преследовали Наставники, состояла в том, что роман ещё на этапе подготовки к публикации будет запрещён цензурой как «антисоветский» и об этом будет дана «утечка» на Запад.⁵⁶³ После этого там роман обязательно прочтут, и, конечно, заметят эпизод с «атомным разведчиком Ковалем». И вспомнят о реальном звонке в посольство, на который своевременно не обратили внимание.

Этот «оперативный ход» был рассчитан на исполнение в короткий срок – не более нескольких месяцев. Но в силу его эфемерности на него сильно и не надеялись: получится – хорошо, нет – так и неважно.

План сорвался на том, что Солженицын в самом начале работы над романом понял, что, хотя он и не давал подписки о неразглашении как Копелев, этот сюжет в том виде, как он воплощался в текст, в то время не мог быть напечатан. Солженицын и не пытался его напечатать ещё 10 лет. А к тому времени в КГБ уже «поставили крест» на этом плане.

Но, неожиданно для самих Наставников, план «воскрес» самопроизвольно в конце 70-х, когда Солженицын оказался в США. И сработал этот план «как по нотам».

В этой ниточке Солженицын, вначале не подозревавший о замыслах КГБ, в ходе «интервью» с агентом ФБР начинает догадываться о том, что совет об эпизоде с Ковалем был дан ему в Ташкенте неспроста, и потому начал «юлить». А американская контрразведка (к удовольствию ПГУ КГБ ☺) в связи с этим снова занялась Ковалем.

Как видно из рассмотрения этой мозаической картины (одной из огромного множества порождаемых «эвереттическим калейдоскопом»), «простой факт» наличия в нашей действительности текста 98-главного романа А. И. Солженицына «В круге первом» порождает такую «ведьмину метлу» ветвлений альтерверса, распутать которую «традиционная история» уже не может, а «история эвереттическая» пока не в состоянии.

Резюме

Ещё одно мнение о представленном мною решении «загадки Солженицына» я получил от генерал-лейтенанта ФСБ В. В. Евтушенко, бывшего начальника Управления ФСБ РФ по Еврейской АО. Ознакомившись с первой публикацией представленных здесь материалов,⁵⁶⁴ он написал мне:

«Ваша работа «ПЕРСОНАЖ СОЛЖЕНИЦЫНА» безусловно интересна и поражает глубиной проведенного исследования, но... Если бы операцию

давал заполнять учётные карточки ГУЛАГа (после войны эту работу начали по ближайшим лагерям, но кончили вряд ли). Важнейшая графа там была «специальность». И чтоб цену себе набить, писали эки самые золотые гулаговские специальности: «парикмахер», «портной», «кладовщик», «пекарь». А я прищурился и написал: «ядерный физик». Ядерным физиком я отроду не был, только до войны слушал что-то в университете, названия атомных частиц и параметров знал – и решил так написать. Был год 1946, атомная бомба была нужна позарез. Но я сам той карточке значения не придал, забыл» (Солженицын А.И., «Архипелаг ГУЛАГ. Книга I», цит. по электронной библиотеке [iknigi.net](https://iknigi.net/avtor-aleksandr-solzhenicyn/45355-arhipelag-gulag-kniga-1-aleksandr-solzhenicyn/read/page-36.html), <https://iknigi.net/avtor-aleksandr-solzhenicyn/45355-arhipelag-gulag-kniga-1-aleksandr-solzhenicyn/read/page-36.html> (вх. 31.05.19)). Сам Солженицын мог об этом забыть, но «учётные карточки ГУЛАГа» в начале 1954 года были ещё «под рукой» у сотрудников Второго Главного Управления МВД СССР. Именно под этой «крышей» располагалась тогда чекистская разведка, планировавшая дезинформационную игру.

⁵⁶³ Например, через А.Л. Толстую, о планах связи с которой в 1954 году сообщил сам Солженицын: «А микрофильмы потом – вделать в книжные обложки, двумя готовыми конвертами: США, ферма Александры Львовны Толстой. Я никого на Западе более не знал, ни одного издателя, но уверен был, что дочь Толстого не уклонится помочь мне». (А.И. Солженицын, «Бодался телёнок с дубом (Очерки литературной жизни)», цит. по сайту эл. библиотеки «ЛИТМИР», <https://www.litmir.me/br/?b=70385&r=2> (вх. 03.07.19)). И, хотя в нашей ветви альтерверса, как считает В.В. Радзишевский, «Не было же никаких писем к А.Л. Толстой. У Солженицына реально только микрофильмирование, всё остальное – мечты» (В.В. Радзишевский, e-mail в мой адрес от 28.06.19:23.41), в рассматриваемой калейдоскопической ветви эти, явно навязанные беседами с Наставниками мечты, вполне могли осуществиться.

⁵⁶⁴ Ю.А. Лебедев, «Персонаж Солженицына», Исторический вестник РХТУ им. Д.И. Менделеева, № 50 (2) 2017 г., стр. 27–43.

*проводили наши спецслужбы, то утечка информации посторонним лицам исключается».*⁵⁶⁵

Иными словами, по его мнению, изложенная здесь версия – это авторская гипотеза, реакция на которую у представителей спецслужб «уставная»: «Без комментариев».

Это, как мне кажется, наилучший вариант «уставной реакции». Альтернативным ему является категорическое осуждение: «Представленная версия не имеет ничего общего с действительностью». А варианта: «Полностью соответствует действительности» не может быть никогда, поскольку такой вариант означал бы признание спецслужб в неумении хранить тайны ☺.

... Не думаю, что подобного рода история – «заочная служба» в разведке – является исключительно редкой. По моим дилетантским «литературным данным» некоторые агенты находились в «законсервированном состоянии» десятилетиями.

Но столь длительная и столь успешная операция такого уровня «атомной разведки», главный герой которой в игре со ставкой в собственную жизнь играет свою роль «вёмную», полагаясь только на личную интуицию и жизненный опыт, явно относится к разряду уникальных.

Ещё более удивительным является то, что на девятом десятке лет жизни «тёмный период» взаимоотношений Жоржа с ГРУ окончился весьма динамичным потоком событий, который я называю «второй вербовкой».

Но, прежде, чем рассматривать эту тему, посмотрим, как протекала трудовая жизнь отставного разведчика «на гражданке».

Это была жизнь длиною в 36 лет – от 1949 года, когда после 10 лет службы в «элитном подразделении Советской армии» (правда, в звании рядового) он стал рядовым представителем «технической интеллигенции», и до 1985 года, когда в соответствии с трудовым законодательством СССР, он был исключён из элитной общественной прослойки «профессорско-преподавательского состава» и стал рядовым пенсионером.

⁵⁶⁵ В.В. Евтушенко, письмо к Ю.А. Лебедеву, e-mail от 23.05.18:10.33